

АНГЛИНСКІЯ ПИСЬМА,
или
ИСТОРИЯ
КАВАЛЕРА
ГРАНДИССОНА.

Твореніе Г. РИЧАРДСОНА
сочинителя
ПАМЕЛЫ и КЛАРИССЫ.
Переведено съ французскаго
А. Кондратовичемъ.

OCR Бычков М.Н.

<mailto:bmн@lib.ru>

Сделано исключительно для <http://lib.ru> и <http://orel.rsl.ru>

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

Во градѣ Святаго Петра
1793 года.
Цѣна безъ перепл. 1 р. 10 коп.

Съ дозволенія указнаго.

ИСТОРИЯ
Кавалера
ГРАНДИССОНА.

ПИСЬМО LVIII.

Генриетта Биронъ къ Люціи Сельби.

Докторъ *Барлетъ* спрашивалъ меня, въ чемъ заключается подробность *Клементининой* исторіи, которую просила я его мнѣ сообщить и обѣщалъ мнѣ переписать оныя; я ему означила ихъ письменно; можетъ быть должна я себя похулить за небольшую притворность, когда начала описывать съ такихъ мѣстъ, которыя не самыя важныя, какъ то, исторію *Оливіи*, о *Гжѣ Бемонтъ*; о ссорахъ происходившихъ между *Сиромъ Карломъ* и *Г. Иеронимомъ*, и пр. на настоящія подробности, кои нетерпѣливо знать желаю, суть слѣдующія:

Первой разговоръ *Сира Карла* съ *Клементиною*, касательно *Графа Бельведера*.

Сношеніе, въ которое просили его вступить съ нею, по случаю первыхъ меланхолическихъ ея припадковъ.

Средства, коими *Гжа. Бемонтъ* извлекла отъ нее самой признаніе въ той страсти, которую она столь тщательно скрывала отъ нѣжнѣйшихъ родителей.

Пріемъ учиненной *Сиру Карлу* въ пріѣздъ его въ *Вѣну*.

Какъ приняты были его предложенія о примиреніи, законѣ и пребываніи отъ всей фамиліи, а особливо отъ *Клементины*. И самое важное, любезная *Люція*, послѣдовавшая печальная и послѣдняя разлука; что было необходимо къ тому нужно, что по томъ случилось въ *Болоніи*, и въ какомъ положеніи находится теперь *Клементина*.

Ежели *Докторъ* откровенно объяснитъ сей послѣдній запросъ, то мы узнаемъ можетъ быть, по какой причинѣ *Сиръ Карлъ* по столь долговременной отлучкѣ желаетъ возвратиться въ *Болонію*, и для чего онъ кажется удостовѣреннымъ, что его угожденіе ни къ чему не будетъ полезно. О! *Люція*, сколь важныя слѣдствія зависятъ отъ сего освѣдомленія! Но не медли ни мало, *Сиръ Карлъ Грандиссонъ*! я тебя заклинаю, не медли к ты любезной. *Докторъ*! Сердце мое отъ одной мысли и малѣйшаго медлѣнія страждетъ: оно не можетъ перенести такой неизвѣстности.

Примѣчаніе: (Многія письма по семъ слѣдующія содержатъ въ себѣ первыя подробности, о сообщеніи коихъ *Миссъ Биронъ* просила *Доктора Барлета*; онѣ чрезвычайно продолжительны, и потому самая большая часть оныхъ сюда не внесены для того что далеко отводятъ читателя отъ порядочнаго чтенія произшествій; но для явнаго уразумѣнія всего сего почитаю

за нужное включить сюда нѣкоторыя изъ сихъ писемъ, а прочія можетъ быть приложены будутъ къ концу послѣдняго тома, какъ бы въ дополненіе.)

Примѣчаніе: При сношеніи *Сира Карла* съ *Клементиною* по случаю первыхъ ея меланхолическихъ припадковъ примѣчать должно, что *Сиръ Карлъ* не довѣрялся еще, чтобъ могъ быть тому причиною, хотя она отвергла то предложеніе, которое поручено ему представить ей въ пользу другаго. Здѣсь внесена будетъ выписка изъ его писемъ, и такъ самъ онъ описываетъ сіе произшествіе *Доктору*.

Маркизь, Маркиза, и Кавалеръ Грандиссонъ прогуливались нѣкогда по садовой аллеѣ. *Клементина*, которая въ печали своей искала уединенія, была отъ нихъ довольно далеко съ *Камиллою*, своею горнишною; которая шла за нею и старалась развеселить ее своими разговорами. Хотя она ея любила, но ничего ей не отвѣтствовала, и жаловалась, что она рѣчами своими ее беспокоитъ.

Любезная дочь! сказалъ мнѣ *Маркизь* прослезясь. Посмотрите, какъ она ходитъ, то тихо то скоро, какъ будто желаетъ освободиться отъ сообщества *Камиллы*. Она начинаетъ уже ей быть въ тягость, по тому что ею любима. Но на кого кажется смотритъ она съ удовольствіемъ? Увы! воображалъ ли я, чтобъ та дѣвица, которая составляла всѣ утѣхи моего сердца, могла когда либо превратить оныя въ мученіе! Однако отъ того не менѣе она мнѣ любезна. Но знаете ли, любезный мой *Грандиссонъ*, что мы не можемъ отъ нее добиться другихъ словъ какъ да и нѣтъ? Не можно ли какъ завести, съ нею разговоръ хотя на самое малое время, даже и на томъ языкѣ съ нею говорить не лзя, которому вы ее учили и къ коему въ ней усматривали мы такую склонность; постарайтесь привлечь ее въ разговоръ, начните съ нею какую нибудь матерію.

Такъ, *Кавалеръ*, сказала мнѣ *Маркиза*, поговорите съ нею, начните рѣчь о чемъ ни будь такомъ, которое бы привлекло ее къ разговору. Мы ее увѣряли, что не будемъ больше говорить ей о замужствѣ, до того времени, пока она сама не пожелаетъ принять нашихъ предложеній. Глаза ея, утопающіе въ слезахъ, намъ за то благодарили. Она благодаритъ насъ поклономъ, когда стоитъ, а естли сидитъ, то наклоненіемъ головы; но ни слова при томъ не говоритъ она кажется въ безпокойствѣ и въ смятеніи, когда мы ей что говоримъ. Посмотрите! она входитъ теперь въ *Греческой храмъ*, бѣдная *Камилла* съ нею говоритъ, но не можетъ дожидаться ея отвѣта. Я не думаю, чтобъ она васъ видѣла; подойдемъ по етой боковой тропинкѣ къ *миртовой рощицѣ*, откуда можемъ услышать все, что у нихъ происходитъ будетъ. Когда мы туда подходили, то *Маркиза* рассказывала, что въ послѣднее ихъ путешествіе въ *Неаполь*, одинъ молодой офицеръ *Графъ Марцелли*, человекъ любезной но не богатой, тайнымъ образомъ старался тронуть сердце ихъ *Клементины*. Они о томъ не давно еще узнали по признанію *Камиллы*, которая разсуждая съ ними о причинѣ сей глубокой задумчивости ихъ

дочери, сказала, что *Графъ* обѣщая ей великую награду склонялъ ее отдать отъ него письмо ея госпожѣ; что она отвергла съ негодованіемъ его предложеніе, а онъ ее заклиналъ ничего не говорить о томъ *Генералу*, отъ коего все его благополучіе зависѣло; что сія самая причина принудила ее молчать, но за нѣсколько дней предъ симъ, разговаривая съ своею Госпожею о томъ, что она видѣла во время своего путешествія въ Неаполь, слышала она, что *Клементина* съ довольною благосклонностію произнесла имя *Графа Марцелли*. Развѣ не возможное дѣло, прибавила *Маркиза*, почувствовать ей къ нему склонность? Что бы ни было, *Кавалеръ*, постарайтесь обратить разговоръ на любовь, но околичностями: берегитесь произнести имя *Марцелли*, ибо она бы тогда подумала, что вы разговаривали съ *Камиллою*: дочь моя нѣсколько горда; она бы не могла перенести того, чтобъ вы почитали ее влюбленною, особливо въ такого человѣка, которой ея ниже. Но мы полагаемся на ваше благоразуміе. Вы можете его называть и не называть, смотря по обстоятельствамъ, и приличноли то будетъ для вашихъ намѣреній. Вѣрьте моя любезная, что такое подозрѣніе не вѣроятно; однако правда, что *Марцелли* не давно былъ въ Болоніи, но *Клементина* столь благородныя имѣетъ свойства, что не можетъ войти съ кѣмъ либо въ тайное знакомство.

Мы дошли до небольшой миртовой рощицы, находящейся позади храма и оттуда слышали слѣдующій разговоръ.

Кам. Но за чемъ, сударыня, хотите вы, чтобъ я васъ оставила? Вы знаете, сколько я васъ люблю; вы всегда разговаривали со мною съ удовольствіемъ, чѣмъ я васъ оскорбила? Я не войду въ етотъ храмъ, если вы мнѣ запрещаете; но я не могу и не должна отъ васъ удалиться.

Клемен. Какая неумѣстная принужденность! думаешь ли ты, чтобъ для меня было какое мученіе жесточайше сего преслѣдованія? Еслибъ ты меня любила; то старалась бы единственно мнѣ угодать.

Кам. Я никакой другой склонности и попеченія не имѣю, дражайшая моя госпожа.

Клемен. Такъ оставь же меня, *Камилла*, мнѣ бываетъ лучше когда я сижу одна; я чувствую, что отъ того мысли мои становятся спокойнѣе, ты меня преслѣдуешь, *Камилла*; ты ходишь за мною какъ тѣнь: по правдѣ, ты ничто иное, какъ тѣнь той услужливой *Камиллы*, какою была ты прежде.

Камил. Любезнѣйшая моя госпожа! я васъ неотступно прошу.....

Клемент. Опять ты принимаешься за неотступныя свои прозбы? Еще разъ говорю я тебѣ, оставь меня если меня любишь. Развѣ не смѣютъ повѣрять меня самой мнѣ? Когда бы я была и подлая дѣвка, которую подозрѣваютъ въ какомъ нибудь зломъ умыслѣ; то и тогда бы ты съ большею неотвязностію надо мною не присматривала, *Камилла*, хотѣла было продолжать сей разговоръ; но ей то совершенно запрещено; обѣ онѣ стояли въ молчаніи; *Камилла* казалась плакала.

Время, *Кавалеръ*, сказалъ мнѣ *Маркизь*, идти вамъ туда; покажитесь ей, начните съ нею говорить объ Англии, или о чемъ другомъ: вамъ остается цѣлой часъ до обѣда; я надѣюсь, что вы ее къ намъ приведете не такъ печальну; ей надобно быть при столѣ; наши гости замѣтятъ ея отсутствіе; слухъ уже разносится, что она нѣсколько помеѣшалась. Я опасуюсь, отвѣчалъ я ему, что сіе самое время не весьма къ сему удобно; она кажется въ смущеніи, я не знаю нелучше ли бы *Камилла* при лучшихъ своихъ намѣреніяхъ сдѣлала, естлибъ въ такихъ случаяхъ соображалась нѣсколько съ нравомъ своей госпожи. Тогда сказала мнѣ *Маркиза*, должно бы было опасаться, чтобъ зло неумножилось, оно можетъ обратиться и въ привычку: нѣтъ, старайтесь вступить съ нею въ разговоръ; мы здѣсь нѣсколько минутъ подождемъ, чтобъ вамъ дать время.

Я удалился на нѣсколько шаговъ, и проходя въ аллею, изъ коей дорога шла къ храму, я такъ близко подошелъ что могъ быть примѣченъ; но увидя, что она сидѣла, я довольствовался отданіемъ ей низкаго поклона. Ея горнишная стояла передъ нею между двумя столбами, держа у глазъ своихъ платокъ; я удвоилъ шаги, какъ бы опасался возмутить тишину ихъ уединенія и довольно скоро, отъ нихъ прошелъ; но послѣ того я уменьшилъ свой ходъ, дабы слышать, что онѣ говорили: *Клементина*, встала, и подходя къ дверямъ храма, глядѣла въ ту сторону, куда я пошелъ. Онѣ прошелъ, слышалъ я какъ она говорила. Учись, *Камилла*, показывать больше скромности. Не позвать ли его? сказала ей эта дѣвушка; она говорила попеременно, нѣтъ, да, нѣтъ, да; наконецъ, нѣтъ, не зови его; я хочу пройтись по аллеѣ. Теперь, *Камилла*, можешь ты меня оставить. Въ саду довольно людей, кои могутъ надо мною присматривать; или естли хочешь, останься, мнѣ въ томъ мало нужды, чтобъ за мною ни смотрѣлъ; но только не говори ничего тогда, когда тебѣ приказываю молчать.

Она пошла по той аллеѣ, которая пересѣкала ту, гдѣ я шель, но какъ она прошлаъ раза съ два по ней, то я видя ее близъ себя, въ то самое время какъ она ко мнѣ подходила, поклонился ей съ великимъ почтеніемъ, какъ бы въ томъ намѣреніи, чтобъ оттуда удалиться и оставить ее на свободѣ; она остановилась, и я слышалъ, что она повторяла *Камилль*, научишься ли ты отъ *Кавалера*, что значитъ скромность? Я ей тогда сказалъ: извините Сударыня... не излишніе ли далеко простираю я вольность.... она прервала мою рѣчь: *Камилла* нынѣшняго дня очень услужлива; *Камилла* меня беспокоитъ. Сколько ли и ваши стихотворцы, сударь, строги какъ наши, противъ злоупотребленія, кое женщины изъ своего языка дѣлаютъ.

Стихотворцы всѣхъ земель, сударыня, хвалятся одинаковымъ вдохновеніемъ; стихотворцы, такъ какъ и другіе люди, пишутъ то, что, какъ имъ кажется, чувствуютъ.

Такъ, сударь, вы симъ дѣлаете великое уваженіе моему полу. Стихотворцы, сударыня, имѣютъ гораздо лучшее воображеніе, нежели другіе люди, слѣдственно и чувствованія ихъ живѣе, но какъ они не всегда имѣютъ равное право хвалиться своимъ разсудкомъ; ибо сіе дарованіе рѣдко бываетъ сопряжено съ воображеніемъ, то можетъ быть случается имъ иногда изъяснять очень хорошо дѣла и съ лишкомъ разпространяться о дѣйствіяхъ оныхъ.

Она увидѣла своего отца и мать подъ оранжевыми деревьями. Боже мой! сказала она мнѣ, я хую себя, что во весь нынѣшній день не оказывала имъ моего долга. Не уходите, *Кавалеръ*: тутъ она подошла къ нимъ; они остановились. Вы, кажется, сказалъ ей *Маркизь*, имѣете важной разговоръ съ *Кавалеромъ Грандиссономъ*: мы васъ оставляемъ, моя любезная, я съ матушкою вашею пойду домой; при семъ они насъ оставили.

Никогда не оказывали родители такой милости; говорила она, возвращаясь въ свою аллею: какъ былабъ я виновна, естлибъ оной не соотвѣтствовала? не видали вы ихъ уже прежде здѣсь, сударь?

Я только что отъ нихъ пошелъ, сударыня, они васъ почитаютъ лучшею изъ дочерей; но весьма огорчаются вашею печалію.

Я познаю чрезмѣрно ихъ милость, и я бы печалилась, естлибъ навела имъ хотя малѣйшее безпокойство. Оказалили они предъ вами свое безпокойство, сударь. Вы имѣете довѣренность всей нашей фамиліи и по своимъ благороднымъ и безкорыстнымъ поступкамъ всѣмъ дороги. Нынѣшняго же утра оплакивали они то печальное состояніе, въ которомъ, какъ имъ кажется, васъ находятъ. Слезы лилась изъ очей ихъ.

Камилла, ты можешь къ намъ подойти; ты услышишь что теперь будутъ ходатайствовать о твоёмъ дѣлѣ. Подойди, говорю я тебѣ, ты услышишь то, что видно *Кавалеръ* сказать намъ готовится. Онъ обѣихъ насъ отъ великаго затрудненія избавить.

Я, сударыня, все сказалъ.

Нѣтъ, сударь, я тому не могу повѣрить. Ежели вамъ что нибудь поручено отъ моего батюшки или матушки, то я готова, такъ какъ и долгъ мнѣ велить, выслушать васъ до послѣдняго слова.

Камилла подошла.

При семъ началъ я говорить ей съ смятеннымъ видомъ: о достойной предметъ толикихъ безпокойствій! что могу я и что долженъ вамъ сказать? Усердныя мои желанія, чтобъ вы были благополучны, могутъ меня сдѣлать вамъ докучливымъ; но какже можно надѣяться приобрѣсть отъ васъ довѣренность, когда въ оной и родительницѣ вашей отказывается?

Чегожь хотятъ, сударь? Какія имѣютъ о мнѣ намѣренія? Я нездорова я была жива; любила обращенія, пѣніе, пляски, игры и посѣщенія, а теперь ко всѣмъ симъ веселостямъ никакой склонности не

имѣю; люблю одно уединеніе. Я сама собою довольна: сообщество сдѣлалось мнѣ тягостно, и я не вольна иначе о томъ думать.

Но отъ чего, сударыня, можетъ произойти такая переменна въ особѣ вашихъ лѣтъ? Ваши родственники причины тому не понимаютъ: а сіе то и много ихъ печалитъ.

Я ето вижу и очень о томъ жалѣю.

Никакое удовольствіе не дѣлаетъ, какъ кажется, впечатлѣнія надъ вашею душею: вы такъ набожны, что служите въ томъ другимъ образцемъ: ни кто не имѣлъ такого къ закону благоговѣнія, какъ вы; однако....

Вы, сударь! Англичанинъ, Еретикъ.... простите мнѣ что я васъ такъ называю; но не тѣли вы и въ самомъ дѣлѣ? вы говорите мнѣ о благоговѣніи, законѣ?

Не станемъ о семъ упоминать, я было хотѣлъ сударыня, сказать.....

Я разумѣю, сударь, что вы сказать хотите; и признаюсь, что иногда бываю очень задумчива: я не знаю, отъ чего происходитъ во мнѣ такая переменна; но она точно дѣйствительная, и я ни кому не могу быть больше въ тягость, какъ самой себѣ.

Но такое зло, сударыня, должно имѣть свое основаніе. Не странноли, что вы одними только вздохами и слезами отвѣтствуете нѣжнѣйшей и снизводительнѣйшей родительницѣ? Однако она не примѣчаетъ въ васъ ничего такого, что бы оказывало упорность или досаду: равное подобострастіе тихость и угождательность находятъ она и теперь въ дражайшей своей *Клементинѣ*; она не смѣетъ прервать вашего молчанія. По своей къ вамъ нѣжности она боится васъ надмѣру принуждать къ чему бы то ни было! какъ же можете вы, дражайшая сестрица, (простите мнѣ сію вольность, сударыня,) какъ можете вы оставить столь добродушную родительницу, не сказавъ ей ни одного слова въ утѣшеніе? Какъ можете вы взирать на ея страданія; сердце ея стѣснено, глаза орошены слезами: она не имѣетъ силъ, гдѣ ей остановиться, не знаетъ притомъ куда обратишься ей должно; ибо ничего утѣшительнаго прискорбному вашему родителю сказать не можетъ. Почему тайная причина такой печальной перемены остается непостижимою темъ, кои страшатся, чтобъ сіе зло необратилось въ привычку; и притомъ въ такое время, въ которое бы вы должны были совершить всю ихъ лестную надежду.

Она пролила нѣсколько слезъ, наклонила голову къ *Камиллѣ*, и облокотилась на ея руку; по томъ оборотясь ко мнѣ говорила: какое изображеніе моей упорности и добродушія моей матушки вы мнѣ представляете. Я бы желала.... такъ, я желала бы, чтобъ мой прахъ соединенъ былъ съ прахомъ моихъ предковъ! Я была утѣшеніемъ въ нашемъ семействѣ, а теперь вижу, что одни мученія оному причинять буду.

Боже мой! что вы говорите сударыня?

Не хулите меня; я сама собою недовольна; сколь же презрѣнно то существо, которое своего бытія снести не можетъ.

Я льщусь, сударыня, что вы столько имѣете довѣренности къ четвертому вашему брату, что откроете ему свое сердце; я прошу васъ единственно облегчить сердце наилучшей родительницы, и привести ее въ состояніе оказать равную услугу наилучшему родителю.

Она казалось о томъ начала размышлять, отворотила лице свое и проплакала; и я думалъ, что почти ее убѣдилъ.

Поручите, сударыня, вѣрной своей *Камилль* объявить ваши печали родительницѣ вашей.

Постойте, сударь, (возразила она, какъ будтобъ собирая свои мысли) пожалуйста не спѣшите такъ въ етомъ дѣлѣ. Открыть мое сердце! чтожь? Кто вамъ сказалъ, что я скрываю что нибудь? Вы вкрадчивы, сударь, вы меня почти увѣрили, что у меня есть какая нибудь тайна, которая тягостна моему сердцу; а когда я пожелала оной искать, дабы склониться на усильнѣя ваши просьбы, то ничего тайнаго въ сердцѣ своемъ не нашла. Пожалуйста, сударь, она остановилась.

Пожалуйтежь, сударыня, говорилъ я, взявъ ея руку, не думайте, чтобъ я оставилъ васъ съ столь худымъ успѣхомъ въ изысканіи сего дѣла. Вы очень вольны, сударь, сказала она, но не отнимая своей руки.

Для брата, сударыня, для брата очень ето вольной поступокъ! я при семь оставилъ ея руку.

Ну, да чегожь братъ мой отъ меня хочетъ?

Онъ васъ усильно просить и закликаетъ единственно объявить нѣжно васъ любящей и превосходнѣйшей родительницѣ.

Постоите, сударь, и я васъ усиленно прошу; что мнѣ объявить? Скажите мнѣ сами, что ей сказать, выдумайте тайну, которую пристойно бы было открыть, можетъ быть, тогда возмогу я братцевъ моихъ по крайней мѣрѣ нѣсколько успокоить.

Такая шутливая рѣчь, сударыня, начинаетъ ласкать меня нѣкою надеждою; продолжайте оказывать столь пріятное разположеніе вашихъ мыслей, и тайна сама собою откроется; разкаянія оной будетъ бесполезны.

Камилла, которую вы здѣсь видите, не перестаетъ мучить меня глупымъ воображеніемъ, которое я будто имѣю о любви. Молодая особа моего пола когда будетъ казаться глубокомысленною и заниматься разсужденіями, то обвинять ея тотчасъ, что она питаетъ въ себѣ любовную страсть. Я бы почитала себя достойною всей моей невинности, еслибъ подала какому нибудь человѣку власть причинять мнѣ хотя малѣйшее безпокойство. Я ласкаюсь, сударь, что вы принимая званіе моего брата, не имѣете о сестрѣ своей о томъ презрительнаго мнѣнія.

Презрительнаго! Я не согласуюся, сударыня, въ томъ, чтобъ любовь заслуживала презрѣніе.

Какъ! когда она заблуждаетъ въ выборъ своего предмета?

Сударыня!

Что я такое сказала, которое приводитъ васъ въ изумленіе? Не имѣли вы намѣренія.... но я думала только о томъ, дабы вамъ дать выразумѣть, что я не съ нынѣшняго дня пронищаю ваши вкрадчивыя вымыслы, и что когда вы однажды читали мнѣ, естли помните, четыре стиха одного изъ вашихъ стихотворцовъ, содержащіе въ себѣ столь хорошее изображеніе задумчивости влюбленныхъ; то предполагаю, что вы по злости своей оныя соображаете съ моимъ состояніемъ; но естли вы имѣли *Кавалеръ* такой умыселъ, то увѣряю васъ что онъ во все былъ неоснователенъ, равно какъ и доуки тѣхъ, кои мною ругаются и безпрестанно меня мучатъ, относя мою болѣзнь къ какой нибудь слабости отъ любви происходящей.

Я клянусь вамъ, Сударыня, что не было тогда такого моего намѣренія.

Тогда! я надѣюсь, что и теперъ его не было.

Я вспомнилъ тѣ стихи; но какъ бы могъ я сообразить ихъ съ вашимъ состояніемъ? Отреченія ваши отъ многихъ любовниковъ и несклонность оказываемая вами человѣку достойному и знатному, каковъ есть *Графъ Бельведере*, коего услуги всею вашею фамиліею одобрены, суть такія убѣжденія....

Видишь *Камилла*, прервала она со скоростію мою рѣчь, *Кавалеръ* ужъ убѣжденъ; я прошу тебя въ послѣдній разъ не обижать меня своими вопросами и догадками по сей самой матеріи. Разумѣешьли меня, *Камилла*? Знай, что ни за что въ свѣтѣ не желалабъ я, дабы меня укоряли любовію.

Но естлибъ вы подали, сударыня, вашей матушкѣ какое нибудь объясненіе о той задумчивости, которую мы нынѣ въ васъ вмѣсто сродной вамъ веселости видимъ; то неизбавились ли бы отъ всѣхъ подозрѣній, кои кажется васъ печалятъ? Можетъ быть печаль ваша происходитъ отъ сожалѣнія, что не можете согласоваться съ намѣреніями вашего родителя,... можетъ быть....

Объясненія! Прервала она; неужели всегда мнѣ должно слышать объ однихъ таковыхъ объясненіяхъ? И такъ, сударь, знайте, что я не здорова и что не довольна сама собою; неужели нужно его вамъ повторять?

Естлибъ ваше безпокойство происходило отъ какого ни будь смущенія совѣсти, то я не сомнѣваюсь, Сударыня, чтобъ вашъ духовникъ.....

Онъ бы не могъ возвратить мнѣ спокойствія; онъ человѣкъ доброй, но такъ строгъ! (сіи послѣднія слова выговорила она очень тихо, и

взглянула на *Камиллу*, не разслышала ли она ихъ) онъ иногда заботится больше, нежели ему должно то дѣлать; а для чего? для того, что изящныя качества, кои въ васъ вижу, преклоняють меня имѣть хорошее мнѣніе о вашихъ правилахъ, и хотя вы еретикъ, но я, какъ мнѣ кажется усматриваю признаки благодушія въ вашихъ мнѣніяхъ.

Ваша матушка спросить меня, Сударыня, удостоили ли вы меня хотя нѣкоею довѣренностію. По своему праву съ природы откровенному она увѣрена что всѣ должны быть стольже скрытны, какъ и она. Вашъ батюшка прося меня склонить васъ открыть мнѣ свое сердце, ясно тѣмъ показываетъ, что весьма бы радовался еслибъ я получилъ отъ васъ сію милость во званію четвертаго вашего брата. Епископъ *Ноцера*....

Такъ, такъ, сударь, я знаю, что васъ вся моя фамилія обожаетъ; я сама имѣю къ вамъ совершенное уваженіе и думаю, что тѣмъ обязана четвертому своему брату, которой столь великодушно сохранилъ мнѣ третьяго; но кто можетъ, государь мой, преодолѣть ваше собственное упорство во всемъ томъ, на чемъ вы единожды утвердились. Еслибъ я ощущала какое прискорбіе въ своемъ сердцѣ; то не ужели вы думаете, чтобъ я предоставила свою довѣренность такому человѣку, которой рожденъ въ заблужденіи, и которой отвращаетъ глаза свои ото свѣта? Обратитесь въ Католическую вѣру, сударь, тогда не скрою я отъ васъ ни малѣйшаго движенія моего сердца. Въ то время будете вы моимъ братомъ, и я освобожу одного изъ праведныхъ мужей отъ всѣхъ его заботъ и смущеній, коими онъ мучится видя меня въ дружественномъ обращеніи съ такимъ упорнымъ еретикомъ, какъ вы. Тогда, говорю вамъ, не будетъ у меня такой тайны, которою бы вамъ какъ своему брату не открыла.

Но ничто не препятствуетъ вамъ, сударыня, открывать свои тайны матушкѣ, духовнику, Епископу *Ноцерь*....

Такъ, конечно.... еслибъ я оныя имѣла.

Впрочемъ я дивлюсь, что вашъ духовникъ вооружается противъ меня за ту благосклонность, съ коею въ вашей фамиліи со мною поступаютъ.

Случилось ли мнѣ когда нибудь, сударыня, говорить съ вами о вѣрѣ? Конечно нѣтъ, сударь, но вы такъ упорны въ своихъ заблужденіяхъ, что не можно надѣяться въ оныхъ васъ убѣдить. Я дѣйствительно почитаю васъ, по приказанію тѣхъ, коимъ обязана жизнию, за четвертаго своего брата; я желалабы, чтобъ всѣ мои братья были одинаго исповѣданія.

Не желаете ли вы имѣть о семъ сношеніе съ отцемъ *Марескоти*? А еслии онъ рѣшитъ всѣ ваши сумнѣнія, то обѣщаетесь ли принять его убѣжденія?

Избавьте меня, сударыня, отъ всѣхъ споровъ касающихся до вѣры.

Давно уже, сударь, хотѣла я вамъ учинить сіе предложеніе.

Вы иногда предчувствовать мнѣ то давали, сударыня, хотя не такъ открытно какъ теперь; но я привержень къ отечественному моему закону; чистосердечіе замѣняетъ у меня мѣсто просвѣщенія: я уважаю честныхъ людей но всюду.

Очень хорошо, сударь, вы упорствуете въ своихъ мнѣніяхъ, сіе самое должна я заключишь изъ вашего отвѣта; я о васъ соболѣзную; я искренно о васъ жалѣю; вы одарены преизящными качествами; я иногда сама себѣ говорила, что вы не сотворены для того, дабы жили и умерли, какъ жертва гнѣва Божія: но удалитесь *Кавалеръ*, оставьте меня; вы упорнѣйшій человѣкъ, и ваше упорство самое виновное, потому что убѣгаете всякаго убѣжденія.

Мы такъ далеко отошли отъ нашей матеріи, Сударыня, что я хочу вамъ покорствовать; я васъ оставляю, и прошу единой милости....

Не такъ можетъ быть далеко, какъ вы воображаете, прервала она мою рѣчь оборотя отъ меня свое лице, дабы скрыть вступившую на оное краску, но чего требуете вы отъ своей сестры?

Чтобъ она ко всеобщей радости своихъ родственниковъ пришла къ столу съ веселымъ видомъ, а особливо казала бы оной предъ многими гостями, кои, ласкаются честію ее видѣть. Чтобъ не было тогда, Сударыня, сего молчанія....

Вы должны были усмотрѣть, сударь, что я не очень съ вами была молчалива. Будемъ ли мы нынѣшняго вечера читать какого нибудь Аглинскаго писателя? Прощайте, *Кавалеръ*, я буду стараться показывать за столомъ веселой видъ; но естли я не такъ буду весела, какъ желаютъ, то чтобъ взоры ваши не изъявили мнѣ ниединой укоризны: при семъ поворотила она въ другую аллею. Я почти не думаль, любезной мой *Докторъ*, выводить по сему разговору всѣ мнѣнія, могущія произойти отъ окончанія онаго; но не менѣе считаль себя обязаннымъ справедливостію, которую долженъ былъ отдавать сей фамиліи поспѣшать моею разлукою; а когда я даль знать *Клементинъ*, что намѣренъ ѣхать, то не мало былъ доволенъ холоднымъ видомъ, съ коимъ слушала она сіе увѣдомленіе.

Дьвица Биронъ пишетъ слѣдующія разсужденія на сіе мѣсто и о первомъ сношеніи касающемся до исканія Графа Бельведере.

Не заключаешь ли ты изъ сей подробности, любезная *Люція*, равно какъ и изъ предварительныхъ объясненій, кои получала я въ библіотекѣ, что я буду имѣть удовольствіе всѣхъ васъ видѣть въ Нортгэмптонъ-Ширѣ? Такъ точно, не сумнѣвайся объ етомъ.

Но не странно ли, моя дарагая, чтобъ отецъ, мать и братья столь ревнивые, какими намъ представляютъ всѣхъ Италіанцовъ, и столь надмѣнные, какими должно почитать членовъ ихъ знаменитой фамиліи, могли позволить столь вольной доступъ любезнѣйшему мушчинѣ тѣ къ своей дочери а сіи къ сестрѣ, которая, какъ кажется, не старѣе 18 или 19

лѣтъ? Поручить ему обучать ее Аглинскому языку? Не дивишься ли ты такой скромности въ отцѣ и матери? И избрать его еще къ тому, чтобъ онъ сію дѣвицу склонилъ въ пользу того человѣка, коего желали сочетать съ нею; но ты можетъ быть скажешь, что средство подслушивать въ ближайшемъ кабинетѣ все происходящее въ первомъ его сношеніи, служить довольно вѣрнымъ основаніемъ тому, что можно положиться на его праводушіе и непорочность, и что такой опытъ оправдываетъ ихъ благоразуміе и на предбудущія подобныя случаи: я на то совершенно согласна, дорогая *Люція*; ты можешь ихъ извинять; но не будучи и Италіанцемъ всякой бы могъ почестъ такого наставника опаснымъ для молодой дѣвицы, а при томъ тѣмъ опаснѣйшимъ, что онъ знатной породы и уважаетъ честь, Наставникъ, въ такомъ случаѣ, бываетъ всегда тотъ, которой обязываетъ; его называютъ учителемъ (на французскомъ языкѣ слово *учитель* значить также *господина*.) А сіе имя заключаетъ въ себѣ званія и ученицы и услужницы. Гдѣбъ не искали для такой должности женатаго человѣка, хотябъ хотѣли обучать музыкѣ, танцованью, языкамъ или другимъ наукамъ? Но пускай они сами заплатятъ за такую свою нескромность.

Въ сіе время я оставила *Доктора*; я не преминула какъ можно искуснѣе внушить ему нѣкоторыя мои замѣчанія; онъ мнѣ говорилъ, что *Маркиза* воспитывалась въ Парижѣ; что съ нѣкотораго времени нравы въ Италіи очень перемѣнились; что между знатными особами французская вольность начинаетъ примѣтнымъ образомъ замѣнять мѣсто Италіанской скрытности, и что по знаніямъ, вѣжливости и хорошему вкусу, кои суть общія госпожамъ сей фамиліи, особливо ихъ называютъ *Француженками*.

Вы замѣтите можете при второмъ сношеніи, съ какимъ искусствомъ, (и съ какою, правда, честію) *Сиръ Карль* напоминаетъ *Клементинѣ* о званіи брата, которое даетъ ему право поступать съ нею вольнѣе. Съ какою нѣжностію повторяетъ онъ имя сестры? Ахъ *Люція*! и я въ такомъ же смыслѣ ему сестра; онъ привыкъ уже къ такимъ именамъ, а можетъ быть и употребляетъ оныя какъ предохранительное средство противу страсти молодыхъ особъ моего пола; однакожъ я тебѣ въ моей призналась и почти за славу для себя ее почитала. Не сыскали ли и его сестры способа проникнуть мои мысли? Какъ я удивляюсь молчанію *Клементины*, но въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ коихъ я находилась, былалибъ она скрытнѣе? Какъ хорошо поступала она при второмъ сношеніи, когда скрыла свои чувствованія подъ покровомъ усердія къ вѣрѣ. Довольно видно, что естлибъ его убѣдительныя прозѣбы имѣли какой ни будь успѣхъ; то она не долгобъ скрывала причину своей задумчивости наипаче когда видѣла отъ своихъ родителей столько же снизхожденія, сколько я онаго вижу въ моихъ родственникахъ.

Мое сожалѣніе о сей благородно мыслящей *Клементинѣ* начинается уже производить весьма сильное впечатлѣніе въ моемъ сердцѣ; я только сею одною мыслию и занимаюсь: какъ нетерпѣливо желаю видѣть всѣ слѣдствія сихъ сокращенныхъ выписокъ.

Примѣчаніе: Сношеніе, въ которомъ госпожа *Бемонтъ* открываетъ *Клементинину* тайну. *Г. Барлетъ* увѣдомляетъ *Миссъ Биронъ*, что по прозвѣбѣ *Маркизы*, госпожа *Бемонтъ* писменно объяснила сей барынѣ все происшедшее во Флоренціи съ тѣхъ поръ какъ и *Клементина* съ нею тамъ находилась, а здѣсь прилагается переводъ ея письма

Вы мнѣ простите, *Сударыня*, что я до сихъ поръ къ вамъ не писала, когда васъ увѣдомлю, что я только со вчерашняго вечера получила способъ подать вамъ нѣкое удовлетвореніе въ томъ предпріятіи которое изволили вы мнѣ поручишь.

Я наконецъ узнала тайну; можетъ быть вы ее отгадали: любовь, но любовь чистая и похвальная есть та: болѣзнь которая возмущаетъ съ давняго времени спокойствіе прелестной *Клементины*, составляющей утѣху знаменитой вашей фамиліи. Я сообщу вамъ такое повѣствованіе о величій ея души, которое заслуживаетъ равномѣрно и жалость и удивленіе. Чего не претерпѣла сія любезная дѣвица борясь неослабно съ должностію, закономъ и любовію, при всемъ томъ я опасаюсь, что такое открытіе не очень будетъ пріятно вашей фамиліи; но извѣстность всегда предпочтительнѣе сумнѣнія. Естьли вы усмотрите что я можетъ быть надмѣру хитро поступала въ моемъ обращеніи съ нею; то прошу васъ вспомнить, что въ томъ точно и состояло то дѣло, которое вы мнѣ поручить изволили. Вы мнѣ также приказывали не забывать ни единого обстоятельства въ томъ донесеніи, коего отъ меня желали, дабы вы могли прибѣгнуть къ тѣмъ врачествамъ, кои заблагоразсудите избрать къ излеченію ея немощи. Я вамъ повинуюсь.

Первые дни по пріѣздѣ нашемъ въ Флоренцію препровддили мы въ увеселеніяхъ, какія только могли вообразить, дабы одна радость и утѣхи окружали любезную вашу *Клементину*; но видя, что общества становились ей въ тягость и что она изъ одной вѣжливости отъ нихъ не отказывалась, сказала я госпожамъ, кои насъ навѣщали, что я беру совершенно на себя стараніе ее увеселять, и что все свое время употребляю къ ея услугамъ; онѣ на то согласились. А когда я ей открыла мое намѣреніе, то оказала она мнѣ сваю радость и удостоя меня своихъ объятій со всѣми тѣми прелѣстными, коими небо столь щедро ее наградило, свидѣтельствовала, что мое обращеніе для ея сердца было бы цѣлительнымъ бользамомъ, еслибъ ей позволено было наслаждаться онымъ въ уединеніи. Я не хочу уже говорить, что въ первые дни я не жалѣла ничего, дабы пріобрести ея къ себѣ любовь, и старанія мои столь были успѣшны, что она запретила мнѣ называть себя иначе, какъ

дорогою *Клементиною*, и такъ я ласкаюсь, Сударыня, что вы простите мнѣ вольность въ штиль.

Вчера въ вечеру просила она меня, чтобъ я ей дала, такъ какъ она называетъ, урокъ въ какой нибудь хорошей Аглинской книгѣ: я удивилась ея успѣхамъ въ отечественномъ моемъ языкѣ. Ахъ! моя дарагая, сказала я ей, какой прекрасной способъ въ изученіи языка употребляетъ вашъ учитель, естли судить о немъ по знанію, полученному вами въ столь краткое время въ такомъ языкѣ, которой не имѣеть въ себѣ приятностей вашего нарѣчія, хотя сильными своими выраженіями неуступаетъ можетъ быть ни одному изъ новѣйшихъ языковъ! я увидѣла, что она покраснѣла. Повѣрители вы тому? сказала она мнѣ; и я примѣтила изъ ея глазъ, какъ и изъ лица, что не нужно было испытывать отъ нее тайну ни для *Марцелли* ни для другаго какого чловѣка.

По нѣкому познанію, которое я могла выводить изъ сего маловажнаго случая, начала я ей говорить о *Графѣ Бельведерѣ* съ похвалою; она мнѣ откровенно сказала, что никогда не будетъ къ нему имѣть склонности. Я ей представляла, что когда *Графъ* всей ея фамиліи пріятель; то мнѣ кажется, что она должна нѣсколько объяснить свои возраженія. По правдѣ, моя дарагая, присовокупила я, вы по сему дѣлу не имѣете всего того уваженія, которымъ обязаны снизхожденію дражайшихъ вашихъ родителей.

Она возтрепетала. Такая укоризна жестока, отвѣчала она мнѣ, несогласны ли вы въ томъ, Сударыня?

Подумайте о томъ хорошенько, возразила я, естли ее почитаете несправедливою; употребляя съ часъ на размышленіе я ее сочту такоюже какъ и вы, и принесу вамъ мои извиненія.

Я въ самомъ дѣлѣ опасаюсь предпріяла она, что могу чемъ нибудь себя укорить, у меня родители самые лучшіе и нѣжные, но бываютъ такія особенныя тайны, естли вамъ угодно ихъ такъ называть, коихъ не весьма разглашать хочется. Можетъ быть лучше иной согласится, чтобъ оныя силою и властію отъ него изторгнуты были.

Ваше признаніе, моя дарагая, показываетъ въ васъ дѣйствіе чрезвычайно великодушнаго сердца. Естлибъ я не опасалась, что буду нескромною...

О! Сударыня, прервала она, не предлагайте мнѣ столь побудительныхъ вопросовъ; я въ замѣшательствѣ своемъ не въ силахъ буду на нихъ отвѣчать!

Мнѣ кажется, дарагая моя *Клементина*, что сообщеніе тайностей есть связь искренной дружбы. Случится ли что нибудь важное? Придетъ ли кто въ новое какое состояніе? Вѣрное сердце не можетъ успокоиться, доколѣ не изліетъ радости или печалей своихъ въ то сердце, къ коему оно прилѣплено; и такая взаимная открытость содѣлываетъ сіи узы еще

тѣснѣйшими: въ какую напротивъ того пустоту, въ какую печаль и мракъ повергается та душа, которая не можетъ ни кому взѣрить своихъ сокровеннѣйшихъ мыслей? Бремя тайны, естли тутъ случится дѣло важное, угнѣтаетъ по необходимости чувствительное сердце: за онымъ глубочайшая задумчивость послѣдуетъ. Ни за что бы въ свѣтѣ не желала я имѣть у себя такой души, которая неспособна къ чувствованіямъ дружелюбія; а дѣйствіе сей превосходнѣйшей страсти не есть ли сообщеніе или соединеніе сердець и утѣха изливать сокровенныя тайны сердца своего въ нѣдра истиннаго друга.

Я на то согласна; но вы также признаетесь, Сударыня, что молодая особа можетъ иногда не имѣть истиннаго друга; или когдабъ и имѣла какого и въ вѣрности его была увѣрена, но ея довѣренность можетъ умалиться личными качествами, разностию лѣтъ и состоянія, такъ какъ мнѣ случается съ моею *Камиллою*, которая впрочемъ превосходная дѣвушка. Въ нашемъ состояніи, какъ вы знаете, видимъ мы около себя болѣе притворныхъ особъ нежели друзей. *Камилла* имѣетъ тотъ порокъ, что непрестанно меня мучитъ и все говоритъ про одно, видно по приказу моей фамиліи. Естлибъ я имѣла какую тайну; то охотнѣе открыла бы ее моей матушкѣ, нежели ей тѣмъ болѣе что слѣдствія оной были бы одинаковы.

Вы справедливо говорите, моя дарагая, а какъ небо даровало вамъ такую родительницу, которая болѣе почестся можетъ вашею сестрою и пріятельницею; то для меня очень удивительно, что вы столь долго оставляли ее въ неизвѣстности.

Что мнѣ сказать вамъ? Ахъ! Сударыня.... (она остановилась.) Но моя матушка старается въ пользу такого человѣка, коего я любить не могу.

Симъ самымъ возвращаемся мы къ нашему вопросу. Не имѣютъ ли ваши родители права желать, дабы вы извѣстили ихъ о своихъ возраженіяхъ противъ того человѣка, о пользахъ коего они стараются?

Особенныхъ возраженій я ни какихъ не имѣю. *Графъ Бельведере* достоинъ лучшей супруги, каковою я для него быть не могу. Я бы имѣла къ нему совершенное почтеніе, естлибъ была у меня сестра, къ коей бы обращались всѣ его старанія. И такъ, дарагая моя *Клементина*, естли я угадаю причину отдаляющую васъ отъ *Графа Бельведере*, то общаете ли открыться мнѣ съ тѣмъ чистосердечіемъ и откровенностію, кои почитаю я неразрывными съ дружбою?

Она молчала и я ожидала ея отвѣта. Наконецъ она мнѣ сказала, обратя свои взоры на меня: я васъ опасаюсь, Сударыня.

Я на то и не жалуясь, моя дарагая, естли вы считаете меня недостойною вашего дружелюбія.

Чтожъ бы вы отгадали, Сударыня? Что вы предупреждены въ пользу какого нибудь человѣка; иначе не моглибъ желать своей сестрѣ,

естьлибъ ее имѣли, такого супруга котораго почитаете васъ не достойнымъ.

Не достойнымъ меня! нѣтъ, Сударыня, я не имѣю такого мнѣнія о *Графѣ Бельведерѣ*.

Догадки мои тѣмъ еще болѣе утверждаютъ.

О! Сударыня, какъ настоите вы въ своихъ вопросахъ?

Естьли вы почитаете меня нескромною; то говорите сами; я молчать буду.

Нѣтъ, нѣтъ, я не говорю и того, чтобъ вы были нескромны; но вы меня приводите въ замѣшательство. Я бы не столько приводила васъ въ замѣшательство, естьлибъ точно не угадала вашей тайны, и естьлибъ тотъ предметъ не такъ былъ васъ недостойнъ, что вамъ въ томъ нельзя безъ стыда признаться.

О! Сударыня, какъ вы меня принуждаете, что могу я вамъ отвѣчать?

Естьли вы имѣете ко мнѣ нѣкую довѣренность и почитаете меня способною помогать вамъ совѣтами....

Я имѣю къ вамъ всю достодолжную довѣренность. Вашъ характеръ столь извѣстенъ!

И такъ, дарагая *Клементина*, я еще стану отгадывать. Позволите ли мнѣ?

Чтожъ такое? что можете вы отгадывать?

Что какой нибудь человѣкъ низкой породы... безъ имѣнія.... безъ достоинствъ можетъ быть....

Постойте, постойте, не ужели почитаете вы меня способною унизиться да такой крайности? Для чего терпите вы меня еще на своихъ глазахъ?

Я еще стану угадывать. Человѣкъ, видно Королевской крови, превосходнаго разума, превышающей вашу надежду....

О! Сударыня, не скажите, что ето какой нибудь Магометанской Князь, когда такъ распространяете свои догадки?

Нѣтъ, Сударыня, но я сіе самое открытіе беру за подтвержденіе своихъ словъ: я не сумнѣваюсь, чтобъ моя дарагая *Клементина* не питала въ сердцѣ своемъ страсти и увѣрена что всѣ препятствія происходятъ отъ закона. Ревностные католики не имѣютъ лучшаго мнѣнія о протестантахъ какъ и послѣдователи Магомета; я хотя протестантка, но признаюсь, что люди нашей секты имѣютъ также свои предразсудки. Ревность всегда будетъ ревностію, какой бы видъ или имя она не принимала. Мнѣ сказывали, что одинъ молодой незнакомецъ казался быть страстнымъ къ *Клементинѣ*....

Незнакомецъ, Сударыня! [съ видомъ негодованія.] не думайте, чтобъ я когда либо могла....

Не станемъ о тотъ болѣе говорить, я слышала также о одномъ молодомъ господинѣ изъ Рима, младшимъ наслѣдникомъ въ фамиліи *Борджезе* — не онъ ли тотъ....

Пусть хоть онъ, я съ радостью на то согласна. (Она казалась очень довольна, пока думала, что я удалена еще была отъ истинны)

Но естли *Кавалеръ Грандиссонъ* (при семъ имени она покраснѣла) оказалъ ей худыя услуги....

Кавалеръ Грандиссонъ, *Сударыня*, не способенъ оказывать худыхъ услугъ.

Увѣрены ли вы, *Сударыня*, чтобъ *Кавалеръ* былъ не хитръ? Онъ человекъ остроумной, сіе качество должно иногда внушать въ насъ недоувѣрчивость. Особы его свойствъ поражаютъ уже тогда, когда увѣрены, что ихъ удары будутъ вѣрны.

Онъ не хитръ, *Сударыня*. Онъ превышаетъ хитрость и не имѣетъ въ ней никакой надобности. Его уважаютъ и любятъ всѣ тѣ, кои его знаютъ; откровенность его столь же удивленія достойна какъ и его благоразуміе. Онъ превышаетъ всякую хитрость повторила она съ жаромъ.

Я согласна въ томъ, что онъ много уваженія заслуживаетъ отъ вашей фамиліи, и не дивлюсь, что столько ласки и пріязни отъ оной себѣ видитъ. Но мнѣ кажется весьма удивительно, что въ противность всѣмъ благоразумнымъ причинамъ сей земли, молодой человекъ такого вида допущень.... я остановилась.

Какъ? не воображаете ли вы уже, что я... что я.... она также остановилась, въ недоумѣніи показывающемъ весьма примѣтно ея замѣшательство.

Благоразуміе, *Сударыня*, не позволяетъ отважно подвергать нѣкоей опасности честь фамиліи, и подавать случай къ предпріятіямъ....

Конечно, *Сударыня*, выпустили себя предупредить противу его. Онъ самой безкорыстной человекъ.

Помнится, я отъ многихъ молодыхъ дѣвицъ слышала, что они во время его здѣсь пребыванія называли его очень пригожимъ мушиною.

Пригожимъ? Я тому вѣрю. Почти не видно такихъ, кои походятъ видомъ на *Г. Грандиссона*.

Почитаете ли вы его также удивленія достойнымъ по его разуму и свойствамъ, о чемъ помнится равнымъ образомъ я слышала? Я его не больше двухъ разъ видѣла. Мнѣ показалось, что онъ нѣсколько собою важить.

О! не обвиняйте его, *Сударыня*, что онъ не скромень. Правда, что онъ знаетъ различить время, когда говорить и когда молчать, но онъ не имѣетъ ничего такого, чтобъ походило на безразсудность. Нужноли ему было имѣть столько храбрости къ защищенію вашего брата, сколько большая часть людей при семъ щастливомъ произшествіи ему приписываютъ. Онъ имѣлъ двухъ слугъ хорошо вооруженныхъ и

надѣялся, что попадутся ему на той самой дорогѣ прохожіе; а убійць было весьма малое число, да и тѣ смущались своею совѣстію.

Любезная моя госпожа *Бемонтъ*, кто васъ такъ предупредилъ? Никто какъ говорится, не бываетъ пророкомъ въ своей землѣ, но я вижу, что Г. *Грандиссонъ* не много можетъ тебѣ обѣщать благопріятствія отъ госпожи ему единоеземной. Я не знаю... но не говорилъ ли онъ вамъ тогда о комъ другомъ въ выраженіяхъ нѣсколько благопріятныхъ?

Не говорилъ ли? Конечно; онъ говорилъ мнѣ о *Графѣ Бельведерѣ* и Можетъ быть съ большимъ жаромъ....

Точно?

Такъ точно, да и съ большимъ жаромъ, нежелибъ должно было какъ мнѣ кажется.

А почему?

Почему? по тому.... по тому что.... ему ли должно было.... вы разумѣете, Сударыня.

Я предполагаю, что ему именно поручено было сіе дѣло.

Я также это думаю,

Безъ сумнѣнія такъ. Иначе онъ бы не предпринялъ....

Я усматриваю, сударыня, что вы не любите *Кавалера*. Но я могу васъ увѣрить, что отъ васъ однихъ только слышала я о немъ.... я говорю это даже съ равнодушіемъ.

Скажите мнѣ, дорогая моя *Клементина*, что думаете вы точно о видѣ и свойствѣ Г. *Грандиссона*?

Вы можете о томъ судить по моимъ словамъ.

Что онъ пригожъ, великодушень, благоразумень, мужественъ и вѣжливъ?

По истиннѣ я его почитаю такимъ, какъ вы говорите, и не одна я такова мнѣнія.

Но онъ Магометанинъ.

Магометанинъ, Сударыня? Ахъ! госпожа *Бемонтъ*.

Ахъ! моя дорогая *Клементина*. И вы думаете, что я не проникла ваши мысли? Естьлибъ вы никогда не звали Г. *Грандиссона*; то не имѣли бы отвращенія принять на себя званія *Графини Бельведере*.

И вы можете думать, Сударыня...

Такъ точно, моя любезная, моя молодая пріятельница, я это думаю.

Любезная госпожа *Бемонтъ*, вы не знаете, что я вамъ сказать хотѣла.

Нѣсколько нужно отъ васъ откровенности, дорогая *Клементина*. Не ужели любовь никогда оной имѣть не будетъ?

Какъ? Сударыня. Человѣкъ различнаго исповѣданія, упорной въ своихъ заблужденіяхъ, не оказавшій мнѣ нисколько чувствованія любви, словомъ, человѣкъ такой породы, которая моею не стоитъ и при томъ тотъ, коего все щастіе и имѣніе по его собственному признанію зависятъ отъ милости его отца, и отца такого, которой ничего не жалѣеть

на свои веселости! гордѣливость, порода, долгъ и законъ, все сіе не защищаетъ ли меня предъ вами.

И такъ я могу теперь безопасно хвалить Г. *Грандиссона*.

Вы меня обвиняли несправедливымъ противу его предубѣжденіемъ. Теперь хочу я вамъ показать, что иной мущина бываетъ иногда пророкомъ для женщинъ ему единоземныхъ. По словамъ всѣхъ его знающихъ, коихъ я видѣла или слышала, представляю я вамъ его свойства: Англія въ сіе столѣтіе не произвела еще ни одного такого, которой бы ей приносилъ столько чести. Онъ честной человѣкъ, говоря въ самомъ обширномъ смыслѣ сего слова. Естьлибъ нравственныя добродѣтели и законъ въ людяхъ изстребились; то можно бы ихъ было обрѣсти въ немъ безъ гордости и тщеславія. Въ какомъ бы мѣстѣ онъ ни показался, то всегда ищутъ его знакомства и уважаютъ его люди благоразумныя добродѣтельные и всѣ тѣ кои отличаются по своимъ чувствованіямъ и просвѣщенію: онъ благодѣтельствуетъ всѣмъ, не различая состояній, сектъ и народовъ. Самые его соотечественники за славу поставляютъ имѣть къ себѣ его дружбу; они пользуются ею для возстановленія къ себѣ довѣрія какъ въ путешествіяхъ, такъ и въ прочихъ дѣлахъ, особливо во Франціи, гдѣ не менѣе его уважаютъ какъ и въ Англіи. Онъ происходитъ изъ лучшихъ Аглинскихъ фамилій и можетъ имѣть первыя чины въ своемъ отечествѣ, когда захочетъ оныхъ. Я освѣдомилась, что ему предлагаютъ уже нѣкоторыхъ изъ знатнѣйшихъ наслѣдницъ. Естьлибъ онъ не рожденъ былъ для богатствъ; то могъ бы себѣ любую изъ нихъ выбрать. Вы согласитесь въ томъ, что онъ великодушень, мужественъ и прелѣстенъ....

О! дорогая госпожа *Бемонтъ*! сего уже много, очень много!.... Однако я его познаю при всякой чертѣ. Мнѣ не возможно долѣе вамъ противиться. Я признаюсь, признаюсь, что сердце мое сотворено не для иного кого, а для Г. *Грандиссона*: теперь же, когда я несумнѣваюсь, чтобъ не родители мои поручили вамъ получить отъ меня сіе признаніе; то какъ могу перенести ихъ взоры? Я не могу сказать, что вы не получили отъ меня признанія съ доброй моей воли и безъ всякихъ условій, но чтобъ они по крайней мѣрѣ знали, сколько я боролась съ страстію, коею себя укоряю, и которая столь мало приличествуетъ дочери ихъ крови. Я вамъ дамъ способъ ихъ о всемъ извѣстить.

Во первыхъ, какъ вамъ извѣстно, онъ сохранилъ жизнь дражайшему изъ моихъ братцевъ, и мой братъ признался, что естьлибъ послушалъ совѣта столь вѣрнаго друга: то не впалъ бы никогда въ ту опасность, отъ коей обязанъ сталъ ему своимъ избавленіемъ. Батюшка и матушка представя его мнѣ, приказали его почитать за четвертаго брата, и съ того самаго времени не могла я думать, чтобъ имѣла только трехъ братьевъ. Случилось при томъ и то, что избавитель моего брата показался мнѣ человѣкомъ самымъ любезнымъ, кроткимъ и мужественнымъ изъ всѣхъ.

Всѣ мои родственники осыпали его, такъ сказать, своими ласками, упущены были всѣ домашнія обряды и всѣ чины, употребляемыя съ иностранцами. Онъ казался между нами столь же вольнымъ и дружелюбнымъ, какъ будтобъ принадлежалъ намъ. Братъ мой *Иеронимъ* непрестанно мнѣ говорилъ, что всею сердцемъ желаетъ онъ видѣть меня супругою его друга. Никакая иная награда, казалось, неприличествовала *Г. Грандиссону*; и братъ мой, имѣя о мнѣ столь лестныя для меня мысли, одну меня почиталъ способною оказать при семъ всю достодолжную его *Кавалеру* благодарность. Мой духовникъ, своими опасеніями и нападками болѣе еще умножилъ мое уваженіе къ тому человѣку, коего оныя, казалось, оскорбляли. Впрочемъ его собственныя поступки, безкорыстность и почтеніе много способствовали моей къ нему привязанности. Онъ всегда со мною поступалъ какъ съ сестрою, искренно и дружески, когда по добродушію своему захотѣлъ заступитъ при мнѣ мѣсто учителя. Какъ же могла я вооружаться противъ такого человѣка, которой мнѣ ни чѣмъ не могъ внушить недовѣрчивости къ себѣ?

Однако я не прежде начала познавать силу моихъ чувствованій, какъ въ то время, когда мнѣ сдѣлано предложеніе о *Графѣ Бельведерѣ*, и при томъ столь важнымъ голосомъ, что я отъ того озаботилась. Я взирала на *Графа*, какъ на рушителя моей надежды, а при всемъ томъ не могла отвѣчать на вопросы моихъ родителей кои желали знать причину моего отрицанія. Какуюжъ могла я привести имъ причину когда не кто иной, какъ свое предупрежденіе въ пользу другаго человѣка, предупрежденіе совершенно скрытое въ глубинѣ моего сердца. Но я себѣ самой свидѣтельствовала, что скорѣе умру нежели буду женою человѣка противнаго моему исповѣданію. Я ревностно слѣдую по стезямъ Католическія вѣры. Всѣ мои родственники не съ меньшимъ усердіемъ ее исповѣдаютъ. Сколько зла не желала я сему упорному еретику, такимъ именемъ часто я его называла; сему человѣку, которой первый моему сердцу сталъ непротивенъ; ибо тогда еще васъ не знала, любезная моя госпожа *Бемонтъ*. Я дѣйствительно думаю, что онъ самой упорной изъ всѣхъ когда либо изъ Англіи выѣзжавшихъ протестантовъ. Какую нужду имѣлъ онъ ѣхать въ Италію? Зачемъ бы не жить ему между своимъ народомъ? или еслии ему должно было сюда пріѣхать, то для чего здѣсь такъ долго оставаться и закоснѣвать въ своемъ упорствѣ, какъ бы для пренебреженія тѣхъ, кои его столь дружелюбно къ себѣ приняли? Въ тайнѣ сіи укоризны исторгались изъ моего сердца. Съ начала мнѣ <в книгѣ текст испорчен> что я не имѣла въ разсужденіи его участія, кромѣ желанія дабы онъ добился получить себѣ спасеніе. Но потомъ чувствуя, что онъ былъ нуженъ къ моему благополучію, да не оставляя однако намѣренія отъ него отречься, еслии не обратится въ Католическую вѣру, употребила я всѣ свои старанія, дабы его обратить на путь истинны въ

томъ чаяніи, что могу все получить отъ низходительныхъ моихъ родителей и увѣрена будучи, что онъ наше сродство вмѣнить себѣ въ честь, естли мы въ семъ спасительномъ дѣлѣ его преодолѣемъ.

Но когда я отчаялась его убѣдить, то приняла намѣреніе обратить свои усилія на самую себя, и преодолѣть страсть или скончать свою жизнь. О! Сударыня, сколько трудовъ перенесла я въ семъ бореніи! мой духовникъ исполнилъ меня страхомъ небснаго мщенія. Горнишная моя также не преставала меня мучить. Родители мои понуждали меня взирать благопріятно на *Графа Бельведере*. *Графъ* надокучилъ мнѣ своими стараніями. *Кавалеръ* болѣе еще умножилъ сіи гоненія, говоря мнѣ въ пользу *Графа*. Боже мой! что дѣлать! на что рѣшиться! ни минуты нѣтъ покоя, ни свободы дабы посудить, размыслить и отдать самой себѣ отчетъ въ собственныхъ своихъ чувствованіяхъ! Какъ бы могла я матушку свою взять себѣ въ повѣренную? Разсудокъ мой боролся съ страстію, и я всегда надѣялась что онъ останется побѣдителемъ. Я боролась съ великою силою: но какъ каждой день трудности сіи усугублялись, то почувствовала я, что такое бореніе для силъ моихъ надмѣру жестоко. Почто не знала я тогда Гжи. *Бемонтъ* съ коею моглабъ посоветаться? По сему неудивительно, что я стала жертвою глубокой меланхоліи, которая понуждала меня хранить молчаніе! Наконецъ *Кавалеръ* намѣрился насъ оставишь. Какого мученія, но какой и радости не ощутила я при сей вѣдомости? Я дѣйствительно уповала, что его отсудствіе востановитъ мой покой. На канунѣ его отъѣзда я вмѣняла въ нѣкое торжество свой съ нимъ поступокъ предъ всею нашею фамиліею. Онъ былъ единообразенъ. Я казалась веселою, спокойною и щастливою въ самой себѣ: я удивлялась той радости, которую причиняла дражайшимъ моимъ родственникамъ. Я молила о его благополучіи во всю его жизнь, благодарила его за удовольствіе и пользу, которую получила отъ его наставленій и желала чтобъ онъ никогда не былъ безъ такого человѣка, коегобъ дружество столько ему пріятно казалось сколько его для меня. Я была тѣмъ больше собою довольна, что не чувствовала никакой нужды дѣлать себѣ насиліе, дабы сокрыть сердечное свое мученіе. Я изъ сего выводила хорошее на будущее время предзнаменованіе и столь свободно съ нимъ простила, что онъ, казалось, того и ожидать не могъ. Мнѣ въ первые показалось, что усмотрѣла въ его взорахъ нѣкое пристрастіе, по которому я о немъ пожалѣла, и думала что себя жалѣть мнѣ не на что, воображая что со всемъ свободна. Однако при отъѣздѣ его я чувствовала движеніе. Когда дверь за нимъ затворилась; то сказала я сама въ себѣ, и такъ она никогда уже не отворится, чтобъ пропустить сего любезнаго иностранца! За симъ разсужденіемъ вырвался вздохъ изъ груди моей. Но ктобъ могъ его запримѣтить? Я никогда не разставалась съ отъѣзжающими моими друзьями, не оказавъ имъ знака чувствительности моей при разлукѣ съ ними. Батюшка прижалъ меня къ своей груди, матушка поцѣловала,

братецъ *Епископъ* называлъ меня многими нѣжными именами, и всѣ мои друзья, поздравляя меня веселостію, какую во мнѣ видѣли, говорили что начинаютъ во мнѣ узнавать свою *Клементину*. Я отъ нихъ удалилась въ полномъ удовольствіи, какое сама подала дражайшей нашей фамиліи, въ коей долгое время питала собою глубокую печаль.

Но увы! сія обманчивость столь была для меня трудна, что я не могла ее болѣе скрывать. Раны мои были очень глубоки.... Остальное вы знаете, Сударыня, равно какъ и то, что всѣ пріятности въ жизни сей бываемыя отъ меня удалены. Естьли властна только буду въ своемъ жребіи; то никогда не изберу себѣ человѣка враждебнаго тому закону, въ коемъ я никогда не колебалась, и которой не оставилабъ и для короны, хотябъ оную носилъ любезной сердцу моему человѣкъ и хотябъ за такое отрицаніе претерпѣла жестокую смерть въ самыя пріятныя лѣта моей жизни.

Слезные токи препятствовали ей говоришь долѣе. Она укрыла свое лице у моей груди и вздохнула.

О дорогая *Клементина*! сколько вздоховъ она испустила и сколько я тѣмъ была тронута!

Теперь, Сударыня, вы знаете все что ни произошло между вашею любезною дочерью и мною. Никогда не бывало еще столь благороднаго боренія между долгомъ и любовію, хотя ея сердце чрезвычайно нѣжно, а достоинство предмѣта столь велико, что вамъ и не можно была чаять такой щастливой перемѣны. Она по видимому боялась, чтобъ я неизвѣстила васъ о всѣхъ сихъ обстоятельствахъ. Она не посмѣетъ поднять своихъ глазъ, какъ сама говоритъ, передъ своими родителями. Она страшится еще болѣе, естьли то возможно, чтобъ не объявили ея духовнику о состояніи ея души и о причинѣ ея недуга. Но я ей представила, что не отмѣнно матушкѣ ея все сіе знать должно, дабы она могла избрать надлежащее ей врачевство.

Я опасаюсь, Сударыня, что такое излѣченіе не иначе возможно было совершить, какъ удовлетвореніемъ ея сердцу. Однако, естьли вы преодолѣете возраженія вашей фамиліи, то можетъ быть должно вамъ будетъ противуборствовать и самой своей дочери, то есть, ея сумнѣніямъ въ разсужденіи своего закона, когда желаете, дабы она приняла къ себѣ того человѣка, коего она любить можетъ. Вы поступите по вашему благоразсмотрѣнію; но какое бы намѣреніе вы ни принимали, однако мнѣ кажется, что съ нею надлежитъ поступать съ великою тихостію. А поелику съ нею никогда иначе не поступали, то я увѣрена, что въ толь важномъ случаѣ, когда ея разумъ борется съ любовію, противоположенной сему способъ будетъ сверхъ ея силъ. Да внушитъ вамъ Творецъ, къ коему ваше благоговѣніе толико всѣмъ вѣдомо, наилучшія въ семъ дѣлѣ намѣренія? я присовокуплю только, что съ того времени, какъ открыла тайну, отъ коей прелестное ея свойство столько

измѣнилось, она кажется, гораздо спокойнѣе. Однако она страшится того пріема, которой ей при ея возвращеніи, какъ она думаетъ, поступки ея угрожаютъ. Она закликаетъ меня ѣхать вмѣстѣ съ нею, еслии получить отъ васъ приказаніе возвратиться. Помощь моя, какъ она говоритъ, будетъ ей нужна для подкрѣпленія ея духа. Она упоминаетъ, что пойдетъ въ монастырь, судя что ей равно не возможно быть женою другаго человѣка и согласить свой долгъ со страстію, коей преодолѣть не можетъ.

Одно утѣшительное слово, собственноручно вами написанное, много послужитъ, какъ я увѣрена, Сударыня, къ изцѣленію ея пронзеннаго сердца. Пребываю съ истиннымъ къ вамъ высокопочитаніемъ и проч;

Гортензія Бемонтъ.

Маркиза написала на сіе письмо такой отвѣтъ, въ коемъ матерняя признательность изъ каждой строки была видна и приложила къ нему записку къ своей дочери, исполненную самою нѣжнѣйшею къ ней любовію, понуждая ее не только возвратиться въ Болонію, но и склонить ея пріятельницу вмѣстѣ съ нею пріѣхать. Сіе приказаніе послѣдуемо было такимъ обѣщаніемъ, что именемъ ея отца и братьевъ она принята будетъ весьма милостиво, и увѣреніемъ, что всевозможныя употребятъ способы сдѣлать ее счастливою по собственному ея хотѣнію.

Примѣчаніе. Какъ былъ принятъ *Кавалеръ Грандиссонъ* въ пріѣздъ свой въ Вѣну.

Я былъ принятъ самимъ *Маркизомъ* и *Прелатомъ* со всѣми знаками истиннаго почтенія и дружества. Какъ скоро они меня оставили свободнымъ, то *Иеронимъ*, которой еще не выходилъ изъ горницы, обнялъ меня съ нѣжностію. Наконецъ, говорилъ онъ мнѣ, счастливо рѣшилось то дѣло, которое столь долго на сердцѣ у меня лежало. О *Кавалеръ!* ваше щастіе не сумнительно. *Клементина* принадлежитъ вамъ; теперь съ удовольствіемъ принимаю въ объятія своего брата; но я васъ останлю; подите къ счастливой моей сестрѣ. Вы ея найдете съ моею матушкою: онѣ васъ ожидаютъ. Облегчите нѣсколько смущеніе столь нѣжной дѣвицы. Она не будетъ въ силахъ выразить вамъ и половины своихъ чувствованій.

Тогда пришла къ намъ *Камилла*, желая меня провести въ кабинетъ къ *Маркизѣ*. Дорогою она сказала мнѣ тихимъ голосомъ: съ какою радостію видимъ мы опять у себя наилучшаго изъ всѣхъ мужчинъ. Столь многократно оказыванное благодущіе заслуживало сея награды.

Я засталъ *Маркизу* за уборнымъ столомъ въ пребогатомъ нарядѣ, какъ бы въ церемоніи, но при ней не было ни одной женщины, да и *Камилла*, какъ только отперла мнѣ дверь, отъ насъ ушла. *Клементина*

стояла за креслами своей матери. Она была одѣта съ лучшимъ вкусомъ, но сродная ей скромность, обнаженная любезнымъ румянцемъ, которой казалось выступалъ на ея лицѣ отъ тогдашнихъ обстоятельствъ, придавала ей болѣе блеска, нежели могла бы она получить отъ самыхъ богатыхъ нарядовъ. *Маркиза* при моемъ входѣ встала. Я подошедъ поцѣловалъ у нея руку, а она мнѣ говорила: вы, *Кавалеръ*, есть одни только, кому я могу оказать сію учтивость съ благопристойностію, потомъ оборотясь къ своей дочери сказала; что ты, дорогая моя *Клементина*, ничего не говоришь *Кавалеру*? Прелестная *Клементина* потупила глаза, и измѣнилась нѣсколько въ лицѣ, у ней не достаетъ голоса, прервала сія ласковая мать, но я вамъ ручаюсь за ея чувствованія.

Посудите, любезной мой *Докторъ*, сколько долженъ былъ меня тронуть столь лестной пріемъ, когда еще я и не зналъ, что мнѣ дѣлать будетъ приказано.

Пощадите меня, любезная *Маркиза*, говорилъ я самъ въ себѣ! Не требуйте отъ меня ничего такого что бы противно было моимъ правиламъ, и возьмите себѣ хотя весь свѣтъ со всею его славою и сокровищами, но я довольно буду богатъ, если вы мнѣ дадите свою *Клементину*.

Маркиза посадила свою дочь въ кресла. Я къ ней подошелъ. Но какъ могъ я предаться всей своей признательности, когда я смущался многими опасеніями? Однако я изъяснился съ такимъ жаромъ, что смогъ придать къ своей почтительности нѣкую твердость, коей она не одна была причиною. Потомъ выдвинувъ кресла для *Маркизы*, взялъ другіе по ея приказу и для себя. Она взяла свою дочь за руку, для привлеченія ея къ себѣ довѣренности, а я осмѣлился взять ее за другую. Любезная *Клементина* покраснѣвъ наклонила голову, но не отвергла сей моей смѣлости, какъ бы то сдѣлала въ другомъ случаѣ. Матушка ея предлагала мнѣ много безпристрастныхъ вопросовъ о моемъ путешествіи и о дворахъ, при коихъ я былъ со времени моего отъѣзда: она навѣдывалась о Англии, о моемъ батюшкѣ и о сестрицахъ; а при сихъ послѣднихъ вопросахъ оказывала видъ благопріязни и дружества, какой обыкновенно принимаемъ, когда навѣдываемся о такихъ особахъ, кои скоро намъ принадлежать будутъ.

Сколько трудностей и удовольствія чувствовалъ я отъ такой ласки! Я не сумнѣвался, чтобъ мнѣ не предложено было перемѣнить законъ, а менѣе еще колебался о непреодолимой своей приверженности къ отечественному нашему исповѣданію. По краткомъ разговорѣ любезная дѣвица вставъ поклонилась низко своей матушкѣ; мнѣ же оказала сію честь съ видомъ истиннаго достоинства и вышла изъ кабинета. Ахъ! *Кавалеръ*, сказала мнѣ тогда *Маркиза*, я ни какъ не чаяла, послѣ вашего отъѣзда, такъ скоро опять съ вами свидѣться, и не знала той причины, которая насъ теперь соединяетъ. Но вы можете принять свое

благополучіе съ признательностію. Скромность ваша служить обузданіемъ вашей пылкости.

Я ей отвѣчалъ на то низкимъ поклономъ. Чтобъ могъ я тогда сказать?

Маркизь и я, продолжала она, оставили нѣсколько дѣлъ на разобраніе между вами и *Епископомъ* нашимъ сыномъ. Вы получите, если не будете противиться, сокровище въ *Клементинѣ*, да сокровище еще и съ нею. Мы намѣрены сдѣлать въ ея пользу все, что бы мы дѣйствительно сдѣлали, еслибъ усмотрѣли въ ней привязанность къ тому супругу, коего отецъ ей назначалъ. Вы можете посудить, что дочь наша намъ дорога.... безъ чего....

Я одобрилъ благопривѣтливость ихъ.

Я не могу сумнѣваться, *Г. Грандиссонъ*, продолжала она, чтобъ вы не любили *Климентины* больше всѣхъ другихъ женщинъ.

Истинно сказать могу, любезной *Докторъ*, что я никогда не видалъ такой особы, къ коей бы болѣе чувствовалъ склонности. Я защищалъ себя высокимъ мнѣніемъ, которое имѣлъ о ихъ достоинствахъ, доводами касательно закона, довѣренностію, которою меня вся сія фамилія почтила, и намѣреніемъ, которое я принялъ при началѣ моихъ путешествій, не совокупляться бракомъ ни съ какою иностранкою.

Я увѣрилъ *Маркизу*, что не имѣю никакихъ обязанностей, и что не бывъ столь легкомысленъ дабы домогаться могъ того щастія, кое она мнѣ показываетъ, съ трудомъ смѣлъ льститься, что оно для меня сберегается. Она отвѣчала мнѣ, что почитаетъ меня того достойнымъ; что я знаю все то уваженіе, которое ея фамилія ко мнѣ имѣетъ; что уваженію *Климентины* ко мнѣ не иное есть основаніе, какъ добродѣтель; что мои свойства доставляютъ мнѣ сіе щастіе; что людскія мнѣнія не преминули привести ихъ въ нѣкое замѣшательства, но что они превозмогли сіи разсужденія и не сумнѣваются чтобъ я по великодушію своему равно и изъ благодарности не сдѣлалъ также всего того, что отъ меня зависѣть можетъ.

Маркизь не замѣдлилъ къ намъ придти. Глубокая задумчивость изображалась на всѣхъ чертахъ его лица. Сія любезная дочь, говорилъ онъ входя, сообщаетъ и мнѣ часть своей болѣзни. Не всегда бываетъ щастіемъ, *Кавалеръ*, имѣть дѣтей, подающихъ о себѣ наилучшую надежду. Но не будемъ о томъ говорить. *Клементина* дѣвица превосходная. По общимъ расположеніямъ Божія промысла зло однихъ обращается къ добру другихъ. *Епископъ Ноцера* вступитъ съ вами въ договоры.

Я изъяснила нѣсколько *Кавалеру*, прервала *Маркиза*, то что мы думаемъ для него сдѣлать.

Какъ ваша дочь его приняла, возразилъ онъ. Я думаю съ великимъ замѣшательствомъ.

Маркиза ему сказала, что она не смѣла поднять своихъ глазъ; а онъ отвѣчалъ со вздохомъ; это я предвидѣлъ.

Для чего, говорилъ я самъ себѣ, позволено мнѣ видѣть сію превосходную мать и ея прелестную дочь, прежде начатія договоровъ? Какіе родители! любезной мой *Докторъ*. Какая благопривѣтливость! и естли въ свѣтѣ что сравнительное съ ихъ *Клементиною*? Однако они несчастливы! но себя я считаю еще менѣе щастливымъ, себя, говорю я, которой охотнѣе бы перенесъ пренебреженія дватцатерыхъ женщинъ, нежели бы принужденнымъ себя нашель отвергнуть предложенія такой фамиліи, коей обязанъ оказывать толико уваженія и приверженности.

Въ сіе самое время сказано, что *Епископъ* желаетъ со мною видѣться въ ближнемъ отъ насъ залѣ. Я просилъ позволенія исполнить его приказъ. По нѣкоихъ объясненіяхъ онъ мнѣ объявилъ прямо, чего требуютъ отъ моихъ чувствованій къ *Клементинѣ* и отъ моей признательности къ ихъ фамиліи и я не обманулся въ своихъ опасеніяхъ: но хотя я предвидѣлъ сію странную для меня развязку всего нашего дѣла, но силъ мнѣ не доставало ему отвѣтствовать. Онъ опять началъ: вы ничего не говорите, любезной *Грандиссонъ*! вы сумнѣваетесь! Какъ? Государь мой, дочь изъ первѣйшей фамиліи въ Италіи, *Клементина* съ такимъ приданымъ, котороебъ возбудить могло честолюбіе и въ Князѣ, моглабъ получить отказъ отъ простаго дворянина, чужестранца, коего имѣніе еще зависить, отъ воли другаго? Возможно ли, государь мой, чтобъ вы могли недоумѣвать при моихъ представленіяхъ.

Я наконецъ отвѣчалъ, что менѣе удивленъ чемъ опечаленъ его предложеніями, что я сіе нѣсколько предчувствовалъ, безъ чего честь, оказанная мнѣ призывомъ къ нимъ, и знаки благодушія, съ коими здѣсь принять, не попустили бы мнѣ умѣрить своей радости.

Онъ коснулся потомъ до нѣкихъ членовъ закона, но я долго не соглашался вступать въ изслѣдованія онаго; и отвѣчалъ ему не такъ какъ богословъ, а какъ человѣкъ, любящій честь и приверженной къ своему закону по собственному своему убѣжденію.

Слабая защита, возразилъ онъ, я не думалъ видѣть въ васъ столько упорства въ заблужденіи. Но оставимъ такую матерію, которую вы столь худо разумѣете. Я бы почиталъ за странное несчастіе, когда бы принужденъ былъ употреблять разсужденія, дабы склонить простаго частнаго человѣка принять руку моей сестры. Знайте, государь мой, что естлибъ я далъ знать *Клементинѣ* что вы только недоумевали.... Онъ началъ разгорячаться, и краска выступила на его лицѣ.

Я у него просилъ позволенія прервать его речь, давъ ему замѣтить нѣсколько пылости въ такой укоризнѣ, увѣрялъ его что я и не думалъ себя защищать; ибо не долженъ былъ воображать, чтобъ онъ почиталъ меня способнымъ упустить хотя мало уваженія къ такой особѣ, которая заслуживаетъ почтенія и отъ Князей. Я ему говорилъ, что я по правдѣ не

что иное, какъ честной человѣкъ, но порода коего не имѣеть въ себѣ ничего презрительнаго, естли можно уважить долгое послѣдованіе предковъ и не лзя себя укорить, что они обезчещены. Но, милостивѣйшій государь, присовокупилъ я, къ чему послужать предки въ разсужденіи добродѣтели?

Другаго вождя я не знаю, кромѣ собственнаго своего сердца. Мои правила извѣстны были прежде нежели оказали мнѣ честь и сюда призвали. Вы не присовѣтуете мнѣ отъ нихъ отречься, сколь долго я вмѣнять буду въ честь имъ слѣдовать.

Онъ началъ тогда говорить, умѣря свою пылкость. Вы о томъ будете дѣлать и другія разсужденія, любезной мой *Кавалеръ*, а я прошу васъ только замѣтить что и вы также горячитесь.

Мы бы всѣ желали, равно какъ и сестра моя, видѣть васъ съ нами. Такой обращенникъ какъ вы, оправдалъ бы все что бы мы ни мыслимъ въ вашу пользу. Подумайте о томъ, любезной *Грандиссонъ*. Однако чтобъ никто въ нашей фамиліи не зналъ, что вамъ нужно о томъ думать и чтобъ моя сестра особливо никогда того не узнала. То что она въ васъ любитъ, есть душа ваша и отъ сего происходитъ та горячность, съ коею мы ободряемъ страсть столь чистую и благородную.

Я его увѣрялъ, что не могу выразить ему моего о томъ сожалѣнія и что во всю мою жизнь буду уважать его фамилію, и не по одной причинѣ что она благородна и знаменита.

И такъ вы не берете времени о томъ подумать? прервалъ онъ съ новымъ жаромъ. Вы совершенно въ своемъ упорствѣ закоснѣли. Естлибъ вы знали, отвѣчалъ я ему, чего мнѣ стоитъ сказать вамъ оное, то почли бы меня достойнымъ вашего сожалѣнія.

Онъ молчалъ нѣсколько времени, какъ бы въ недоумѣніи и по томъ нарочито грубо сказалъ: и такъ, государь мой, я о томъ жалѣю. Пройдемъ къ моему брату *Иерониму*. Онъ всегда былъ за васъ ходатаемъ съ тѣхъ поръ какъ съ вами спознался. *Иеронимъ* способенъ къ признательности, но вы, *Кавалеръ*, не показываете въ себѣ оной способности къ искренней любви. Одинъ отвѣтъ мой былъ только тотъ, что онъ, благодаря Бога, не отдаетъ справедливости моимъ чувствованіямъ.

По томъ пошелъ я съ нимъ въ покой его брата, гдѣ много я терпѣлъ отъ дружества одного и отъ настоятельныхъ требованій другаго. Наконецъ *Прелатъ* спросилъ меня съ большею холодностію, не желаюли я, чтобъ онъ провелъ меня къ его отцу, матери и сестрѣ, или хочу уѣхать не выдавъ ихъ. Ето было послѣднее слово, коего отъ меня ожидали. Я поклонился весьма низко обѣимъ братьямъ, препоручалъ себя въ ихъ дружбу, а посредствомъ ихъ въ дружбу тѣхъ почтенныхъ особъ, коихъ они называли и возвратился домой съ сердцемъ толико стѣсненнымъ,

что во весь тотъ день не могъ никуда выдти и въ тѣхъ самыхъ креслахъ, на кои я въ приходъ свой бросился, просидѣлъ я цѣлые два часа.

Подъ вечеръ *Камилла*, укрывшись большимъ салопомъ, пришла въ мой домъ и спрашивала о мнѣ. Она, какъ скоро мы остались съ нею наединѣ, во всемъ мнѣ изъяснилась. О! государь мой, говорила она, въ какомъ уныніи оставила я всю фамилію! никто не знаетъ, что я здѣсь; но я не могла удержаться, чтобъ сюда не придти. Я пробуду здѣсь одну минуту, чтобъ увѣдомить васъ, сколько мы жалости достойны.

Великодушіе ваше наставитъ васъ, что обязаны вы сдѣлать по такимъ обстоятельствамъ. Послѣ вашею ухода *Епископъ* разсказалъ госпожѣ *Маркизъ* все ваше съ нимъ сношеніе. Ахъ! Сударь, вы имѣете усерднаго друга въ *Иеронимъ*. Онъ старался все усладить и представить въ лучшемъ видѣ. Госпожа немедля увѣдомила о томъ своего супруга: и я никогда не видывала его въ такомъ гнѣвѣ. Безполезно повторять вамъ, что онъ говорилъ.

Противъ меня, *Камилла*!

Такъ, сударь : онъ почитаетъ свою фамилію лишенною чести.

Маркизъ *делла Порретта*, дорогая *Камилла*, есть достойнѣйшія изъ всѣхъ особъ..... я его уважаю до такой степени.... но пожалуй продолжай.

Маркиза не преминула увѣдомить о всемъ также и молодую мою госпожу. Она учиняла сіе въ самыхъ нѣжныхъ выраженіяхъ. Я была въ той самой горницѣ. Можетъ быть она думала, что будетъ имѣть нужду въ моихъ услугахъ. Не успѣла она еще окончить своего повѣствованія, какъ моя молодая госпожа упала предъ нею на колѣна, и благодаря ея за такія милости, просила ея униженно чтобъ пощадила ея отъ достальныхъ такихъ извѣтовъ. Я вижу, что *Порретта*, что дочь ваша, Сударыня, отвержена. Сего довольно; вѣрьте, сударыня, что ваша *Клементина* не имѣетъ столь подлаго духа, чтобъ требовала утѣшенія отъ своей родительницы, дабы перенести такой недостойной поступокъ. Я его ощущаю единственно за моего родителя, за васъ, сударыня, и за братцевъ. Благослови Боже сего иностранца, гдѣбъ онъ ни жилъ. Мало въ томъ благородства, чтобъ на него гнѣваться. Не властенъ ли онъ въ своихъ намѣреніяхъ. Но онъ также и меня содѣлываетъ властительницею въ своихъ собственныхъ.

Не опасайтесь, Сударыня, чтобъ въ семъ случаѣ упустила я твердость. Вы, Сударыня, батюшка мой и братцы, ни въ чемъ меня укорять не станете. Матушка прижала ея къ своей груди съ радостными слезами. Она велѣла позвать господина *Маркиза*, желая ему сказать отзывъ своей дочери. Онъ не съ меньшею нѣжностію принялъ ея въ свои объятія и всѣ радовались столь ясному признаку ея излеченія. Но отецъ *Марескотти*, ея наставникъ въ сіи самыя обстоятельства пришелъ со всемъ не вовремя. Его увѣдомили о всемъ, что ни происходило, и онъ возмнилъ, что ему должно воспользоваться симъ случаемъ, дабы ея

склонишь въ пользу *Графа Бельведере*: мнѣ поручено было предупредить ее симъ приходомъ. О *Камилла*! вскричала она; дай мнѣ возвратиться въ Флоренцію къ любезной моей госпожѣ *Бемонть*! поѣдемъ завтра; теперь, если можно. Я хочу отложить свиданіе съ отцемъ *Марескотти* до того времени, когда приду въ такое состояніе, въ какомъ онъ желаетъ меня видѣть. Но настоятельныя прозбы сего духовника ее преодолѣли. Я не сумнѣваюсь о его благоразположеніяхъ. Онъ пробылъ у ней четверть часа. Сей разговоръ оставилъ ее въ глубокой задумчивости. Ея матушка, желая скорѣе ее видѣть нашла ее какъ неподвижную; глаза ея твердо устремлены были на предметы и видъ столь же мраченъ какъ и прежде. Троекратными вопросами не можно было отъ нее добиться отвѣта. Когда она начала говорить, то рѣчи ея изъясляли заблужденныя ея мысли; и ее еще не склоняли въ пользу *Графа Бельведере*, а она объявила, что она не хочетъ вступить въ бракъ ни съ нимъ и ни съ другимъ какимъ человѣкомъ.

Матушка обѣщала позволить ей возвратиться въ Флоренцію. Тогда пришла она опять въ разумъ. О еслибъ она уѣхала прежде разговора съ своимъ духовникомъ! всѣ въ фамиліи того же теперь желаютъ. Какъ скоро она увидѣла себя на единѣ со мною, то сказала мнѣ: *Камилла* за чемъ отягощать *Кавалера Грандиссона*? Къ чему служить гнѣвъ противъ его? Въ етомъ мало великодушія. Обязанъ ли онъ взять дѣвицу, которая по излишней своей торопливости сдѣлалась можетъ быть презрительною въ его глазахъ? Я не могу терпѣть, чтобы съ нимъ худо было поступаемо. Но чтобы никогда не произносили предо мною его имени. Она тутъ не много остановилась. По томъ опять начала: однако, *Камилла*, должно согласиться, что очень трудно сносить презрѣніе. Тогда она встала со стула; и съ сего времени припадки ея подъ различными видами показываются. То говорить она сама съ собою, то кажется кому другому, и всегда показываетъ видъ изумленія или ужаса; иногда она дрожитъ, какъ обыкновенно бываетъ вдругъ отъ испугу, и хотя сидитъ хотя стоитъ, но никогда не бываетъ спокойна. Хотя она мучится, оказывая разные знаки печали и унынія; но не видно чтобы когда плакала она, которая всѣхъ въ слезы приводитъ. Въ ея речахъ кажется я замѣтила что она повторяетъ часть того разговора, которой происходилъ между ею и духовникомъ. Но ничего столь часто она не говоритъ, кромѣ сихъ трехъ словъ: Боже! быть презираемою! а однажды сказала: быть презираемою отъ Протестанта? Какой стыдъ!

Таково есть состояніе моей несчастной госпожи, присовокупила *Камилла*. Я вижу, государь мой, что сіе повѣствованіе васъ трогаетъ: вы чувствительны къ состраданію; великодушіе составляетъ также часть вашего свойства. Вы любите мою госпожу. Не возможное дѣло, чтобы вы ее не любили. Сколь я жалѣю о мученіяхъ раздирающихъ ваше сердце?

любовь моей госпожи къ вамъ простиралась далѣе проходящаго сего свѣта. Она желала быть вѣчно вашею.

Камилла могла бы еще и болѣе выразить нѣжность свою къ такой госпожѣ, которую она съ ребячества воспитала. Но я не чувствовалъ силъ говорить; а хотябъ и могъ, то съ какимъ бы намѣреніемъ сталъ я изображать ей мученія моего сердца? Я благодарилъ ей за такія ея желанія. Я поручилъ ей сказать *Иерониму*, что я вѣчно уважать буду его дружбу, что моя къ нему пріязнь равняется съ тѣмъ почтеніемъ, которое имѣю ко всей его знаменитой фамиліи и что все что у меня ни есть, не выключая самой жизни, будетъ всегда употребляемо по ихъ благоразсужденію. А какъ она прощалась со мною, то надѣлъ я ей на палець бриліантовой перстень, снявъ его съ своего и говоря ей, что боюсь дабы не запрещень мнѣ былъ входъ въ домъ *Порреттовъ* и чтобъ тѣмъ не лишился случаевъ съ нею говорить. Она долго отказывалась его принять, но наконецъ согласилась на мои сильныя прозбы.

Какія бы другіе договоры, любезной *Докторъ*, могъ я отвергнуть? Сколько умножились мои печали отъ повѣствованія *Камиллы*? Главнѣйшее мое утѣшеніе въ семъ прискорбномъ произшествіи есть то, что о всѣхъ своихъ размышленіяхъ, почитаю себя оправданнымъ свидѣтельствомъ моего сердца, тѣмъ болѣе что никогда можетъ быть не бывало столь великаго примѣра безкорыстности; ибо земля не производила еще ничего столь благороднаго, какъ *Клементина*.

Замѣчаніе. На другой день *Г. Грандиссонъ* получилъ слѣдующее письмо отъ *Г. Иеронима*.

Васъ ли, любезный другъ, долженъ я осуждать въ жесточайшемъ и самомъ несчастномъ произшествіи? Сего сдѣлать по справедливости я не могу: родителей ли моихъ? Они сами себя осуждаютъ, что позволили вамъ столь свободной доступъ къ ихъ дочери. Однако они признаютъ, что вы поступили весьма благородно. Но они забыли, что у ихъ дочери есть свои глаза. Кто не зналъ ея разсмотрительности? Кто не могъ вѣдати ея почтенія и склонности къ достоинствамъ? Такъ долженъ я осуждать свою сестру? Нѣтъ, конечно нѣтъ. Менѣе еще могу я осуждать двухъ ея другихъ братьевъ. Но не на меня должно обратиться сіе осужденіе? Сія дражайшая сестра, сказано мнѣ, призналась *Гжѣ. Бемонтъ*, что нѣжнѣйшая склонность, кою она во мнѣ къ вамъ усмотрѣла, имѣла вліяніе надъ ея сердцемъ. И такъ долженъ я самага себя обвинять? Когда я разсуждаю о своемъ намѣреніи и о правости своихъ чувствованій къ такому человѣку, коему обязанъ жизнію и склонностію своею къ добродѣтели; то не могу себя почитать виновнымъ, еслии предавался когда либо восторгамъ производящимъ отъ моей признательности. Не ужели не найду я никого, коего бы могли мы обвинить въ моемъ несчастіи. Оно весьма странно въ своемъ родѣ и обстоятельства онаго безпримѣрны!

Но справедливо ли, чтобъ была столь противная разность между двумя законами? Надлежитъ тому вѣрить. *Епископъ Ноцера* въ томъ удостовѣряетъ. *Клементина* такъ думаетъ. Родители мои въ томъ убѣждены.

Но вашъ батюшка такое ли мнѣніе о томъ имѣетъ? Не желаете ли, *Кавалеръ*, чтобъ мы его избрали нашимъ судіею? Нѣтъ, вы того не захотите. Вы столь же твердо убѣждены, какъ и мы, хотя по правдѣ и не такія имѣете причины.

И такъ къ чему прибѣгнуть? Попустимъ ли мы погибнуть *Клементинъ*? Какъ! не ужели тотъ храброй человѣкъ, которой не усумнился подвергнуть опасности свою жизнь за брата, ничего не предприметъ для спасенія сестры.

Приди сюда, жестокой другъ и ощути ея прискорбія. Однако вамъ не позволять ее видѣть въ семъ печальномъ состояніи. Впечатлѣніе отъ вашего отказа, коимъ она считаетъ себя уничиженною, и непрестанныя укоризны ревностнаго духовника....

Какъ могъ сей человѣкъ поставить себѣ за долгъ терзать душу, толико чувствительную къ жалости какъ и къ чести? Вы видите, что я наконецъ нашель кого мнѣ осуждать должно. Но я обращаюсь къ той причинѣ, которая понудила меня обезпокоить васъ симъ письмомъ. Пожалуйте, сдѣлайте удовольствіе, придите ко мнѣ окажите мнѣ честь, *Кавалеръ*, и проводите сего утра нѣсколько минутъ со мною. Можетъ быть вы никого кромѣ меня не увидите. *Камилла* мнѣ сказала, и только одному, что она вчера васъ видѣла. Она мнѣ описала ваши печали. Я бы отринулъ вашу дружбу, естлибъ вы менѣе оныхъ чувствовали. Я сердечно о васъ жалѣю; ибо давно знаю, съ какою твердостію привержены вы къ своимъ правиламъ, да при томъ и не возможно чтобъ вы не любили *Клементины*. Почто я не могу васъ предупредишь! я бы тѣмъ охотнѣе избавилъ васъ отъ сего труда, что въ теперишнихъ обстоятельствахъ ваше посѣщеніе не можетъ быть вамъ пріятно. Но сдѣлайте однако мнѣ сію честь по усиленнымъ моимъ прозьбамъ.

Вы дали выразумѣть моему брату, что почитая свои правила извѣстными, ласкались соглашеніемъ всякихъ противностей. Надобно вамъ о семъ со мною изъясниться. Естли я увижу хотя малѣйшій успѣхъ.... Но я отчаяваюсь другимъ средствомъ получить желаемое, а развѣ отверженіемъ отъ своего закона. Они любятъ вашу душу. Они увѣрены, что она драгоцѣннѣе для нихъ нежели для васъ самихъ. Не заключается ли въ семъ чувствованіи такую достоинства, какого вы въ себѣ показать не можете?

Мнѣ сказано, что *Генераль* сею ночью пріѣхаль. Нѣкоторыя надобности занимавшіе его нынѣшняго утра, не позволили еще мнѣ съ нимъ видѣться. Я думаю, что не очень хорошо будетъ вамъ съ нимъ повстрѣчаться. Онъ нравомъ вспыльчивъ. Онъ обожаетъ *Клементину*.

Онъ только половину знаетъ о нашихъ обстоятельствахъ. Какая переменна въ его надеждѣ? Главнѣйшая причина его поѣздки была та, чтобъ васъ принять въ свои объятія, и способствовать къ удовлетворенію *Клементины*. Ахъ! Государь мой, онъ пріѣхалъ за тѣмъ, чтобъ быть при двухъ торжественныхъ обрядахъ; и одинъ, которой бы послѣ другаго послѣдовалъ, былъ бы вашъ бракъ. Я повторяю, что вамъ не должно съ нимъ видѣться. Мнѣ смертельная будетъ печаль, естли вы получите хотя малѣйшую обиду отъ кого нибудь изъ моихъ кровныхъ, а паче всего въ домѣ моего отца. Однако приходите, я горю нетерпѣніемъ васъ видѣть и утѣшить; хотябъ вы должны были лишитъ всякой надежды къ утѣшенію вашего искренняго и вернаго друга

Иеронима делла Порретту.

Прим: Кавалеръ принявъ сіе приглашеніе, отдалъ тогда во всемъ отчетъ Доктору Барлету, которой продолжаетъ сообщать выписки его писемъ Миссъ Биронъ.

Я былъ введенъ безъ всякой трудности въ покой *Иеронима*. Онъ вставъ меня ожидалъ. Въ его глазахъ и въ пріемѣ усмотрѣлъ я, какъ мнѣ показалось, больше скрытности, нежели сколько я къ тому былъ привыченъ. Какъ я опасаюсь, сказалъ я ему, что бы не лишишься своего друга! онъ меня увѣрялъ, что такая переменна невозможна, и вдругъ начавъ о сестрѣ своей, говорилъ: любезная *Клементина* ету ночь провела очень худо. Матушка не оставляла ее до трехъ часовъ. Одна только она присутствіемъ своимъ ее подкрѣпляетъ.

Что могъ я отвѣчать? Я былъ пронзенъ до глубины моего сердца; другъ мой ето примѣтилъ и сжалился на мое смущеніе. Онъ сталъ говорить о постороннихъ вещахъ, но я не могъ внимательно его слушать.

Онъ обратился на другой предметъ, которой однако не такого былъ содержанія, чтобъ его пропустить. Можетъ быть *Генераль* тотчасъ сюда придетъ, говорилъ онъ мнѣ, и я думаю, такъ какъ уже принялъ смѣлость вамъ писать, что не прилично вамъ съ нимъ видѣться. Я приказалъ, чтобъ мнѣ сказали прежде нежелибъ кого сюда ввели, въ продолженіе того времени, которое вы здѣсь пробудете. Естли вы согласны не видѣть *Генерала* и даже моего отца и мать, когда они придутъ навѣдываться о моемъ здоровьѣ съ обыкновенною о мнѣ заботливостію; то можете войти въ боковую горницу или по крытой лѣстницѣ сойти въ садъ.

Я ему отвѣчалъ, мнѣ не менѣе другихъ жалѣть должно; что я пришелъ къ нему по его же приглашенію, и что естли онъ желаетъ, относительно къ самому ему, дабы я удалился при ихъ входѣ; то охотно бы сдѣлалъ ему сіе угожденіе, но что ни для какой инной причинѣ не расположенъ я укрываться. Такой отвѣтъ достоинъ васъ, сказалъ онъ мнѣ. Все одинаковъ, любезной *Грандиссонъ*! Почто мы не братья? По

крайней мѣрѣ мы оными называться можемъ во сердцу и душѣ нашей. Но какимъ соглашеніемъ вы мнѣ польстили?

Я ему тогда объявилъ, что по переменѣно могъ бы продолжать годъ въ Италіи, а другой въ Англіи, естли дорогая *Клементина* согласна будетъ со мною ѣздить: или естли ей такія поѣздки не нравны, то я хотя три мѣсяца проживать буду въ своемъ отечествѣ: чтожъ до закона касается; то она всегда будетъ свободна держаться исповѣдуемаго ею, я желаю только чтобъ раздаватель ея милостины былъ чловѣкъ степенной.

Онъ далъ мнѣ знать качаніемъ головы, что ничего отъ сего условія не надѣется; однако обѣщаль предложить оное какъ будто отъ себя. Оно бы мнѣ удовлетворило, продолжалъ онъ, но я сумнѣваюсь чтобъ оно равное имѣло дѣйствіе надъ другими. Я еще большее для васъ предпріялъ; но никто не хочетъ меня слушать. О естлибъ, *Кавалеръ*, изъ дружбы ко мнѣ и для всѣхъ.... но я знаю, что вы всегда имѣете причины себя защищать. Однако очень странно, что мнѣніе вашихъ предковъ кажется вамъ столь твердымъ. Я съ трудомъ могу повѣрить, чтобъ у васъ были молодые люди столь упорные.... противъ такихъ предложеній! выгодъ! впрочемъ истинно то, что вы любите мою сестру. Вы любите конечно и всю нашу фамилію.

Смѣю сказать, что всѣ здѣсь заслуживаютъ вашу любовь; и вы согласитесь, что они не могли вамъ оказать сильнѣйшихъ опытовъ своего уваженія.

Другъ мой не ожидалъ того, чтобъ я отвѣтствовалъ ему доводами. Въ столь трогательномъ случаѣ молчаніе было выразительнѣйшимъ моимъ отвѣтомъ.

Камилла приходомъ своимъ прервала его рѣчь. *Маркиза*, сказала она мнѣ, знаетъ что вы здѣсь, *Сударь*, и проситъ васъ не уходить прежде нежели съ нею увидите. Я думаю, что она идетъ за мною. Я ее оставила съ моею молодою госпожею и при томъ въ великомъ смущеніи, отъ того что не можетъ ее уговорить, дабы она позволила пустить себѣ кровь, чего она очень боится? *Г. Маркизь* и *Епископъ* оттуда вышли; они не могли перенести нѣжныхъ и сильныхъ ея прошеній, дабы отослали отъ нее лѣкаря.

Маркиза вошла почти въ то самое время. Безпокойство и печаль начертаны были на ея лицѣ, хотя при томъ и оказывала нѣкую нѣжность и горестъ. Останьтесь, сказала она мнѣ, *Кавалеръ*, не вставайте, и по томъ бросилась въ креслы. Она вздохнула и заплакала, но желалабъ, чтобъ можно ей было скрыть свои слезы.

Естлибъ я менѣе ея былъ тронуть, то бы старался ее утѣшить. Но что могъ я сказать? Я отворотилъ голову и желалъ чтобъ могъ также скрыть свое смущеніе. Другъ мой сіе примѣтилъ. Бѣдной *Кавалеръ*! сказалъ онъ голосомъ сожалительнымъ, я не сумнѣваюсь о его мученіяхъ,

отвѣчала *Маркиза* столь же милостиво, хотя ея сынъ выговорилъ свои слова очень тихо: *Кавалеръ* можетъ быть упоренъ; но я не почитаю его способнымъ къ оказанію неблагодарности. Превосходная женщина! сколь я былъ тронутъ ея великодушіемъ! симъ истинно поколебала она мое сердце. Вы меня знаете, любезной мой *Докторъ* и можете себѣ представить мои мученія.

Иеронимъ спрашивалъ о здоровьѣ своей сестры; я боялся самъ о томъ навѣдаться. Она не въ худшемъ состояніи, сказала ему *Маркиза*; но ея воображеніе въ такомъ помѣшательствѣ.... несчастная дочь! при семъ залилась она слезами.

Я осмѣлился взять ее за руку и говорилъ ей. О! сударыня, не уже ли не можно намъ согласишься, не лъзя-ли.

Нѣтъ, *Кавалеръ*, прервала она, законъ сего не принимаетъ. Мнѣ не позволено о томъ представлять. Весьма уже извѣстна ваша власть. Моя дочь не долго пробудеть Католичкою, есть ли мы согласимся ее за васъ отдать: а вы знаете, чтобъ могли мы тогда думать о ея спасеніи. Лучше ея на вѣки лишиться..... однако, какъ мать.... слезы ея выразили то, чего отъ скорби не могла она выговорить. Потомъ оправясь говорила, *Клементина* спорить съ своимъ лѣкаремъ и не хочетъ позволить пустить себѣ кровь. Она меня такъ усиленно просила о помощи, что за лучшее почла отъ нее уйти. Я думаю, что уже кровопусканіе окончилось. При сихъ словахъ она позвонила. Въ самое то время пришла ея дочь сама. Рука у нее была перевязана, лице блѣдно и смущенно. Она почувствовала дѣйствіе ланцета; но не болѣе трехъ капель крови могли выпустить изъ ея руки, и въ своемъ ужасѣ бѣжала она къ своей матери просить вспомоствованія.

Примѣч. Здѣсь *Г. Грандиссонъ* представляетъ, въ какое изумленіе она пришла его увидя и какъ вдругъ послѣ того успокоился ея духъ; ибо она безъ труда согласилась позволить пустить себѣ кровь; когда онъ соединилъ свои прозбы съ *Маркизинными*. Сіи подробности не безъ пріятности для тѣхъ описаны быть могутъ, кои подобныя повѣствованія любятъ, *Клементинъ* отворили кровь въ горницѣ ея брата и тогда воспользуюсь случаемъ столько оной выпустили, что она въ безпамятствѣ перенесена была въ свои покои, куда за нею и мать послѣдовала.

Потомъ *Кавалеръ* продолжаетъ.

Вскорѣ послѣ того послѣдовало другое явленіе. *Камилла* пришедъ объявила намъ, что *Генераль* пріѣхалъ, и что оставшись у *Маркизы* оплакиваетъ несчастное состояніе своей сестры, которая впала въ другой уже обморокъ. Онъ скоро сюда будетъ, сказалъ мнѣ *Иеронимъ*, расположены ли вы съ нимъ видѣться? Я ему отвѣчалъ, что какъ его братецъ можетъ быть знаетъ что я здѣсь, то мнѣ не можно тотчасъ отсюда выдти, не оказавъ тѣмъ нѣкоего притворства: а если онъ тамъ

не много замѣшкается, то я намѣренъ уйти. Лишь только я выговорилъ сіи слова, то онъ и вошелъ къ намъ одинъ, утирая слезы. Слуга вашъ, государь мой, сказалъ онъ мнѣ съ видомъ весьма угрюмымъ: и оборотясь къ брату своему спрашивалъ у него о здоровьѣ. Общихъ нашихъ печалей, присовокупилъ онъ, не лѣзя никакъ облегчить. Я видѣлъ *Климентину*. Ктобъ могъ подумать, что зло столь глубоко вкоренилось? По томъ обратясь ко мнѣ говорилъ: Правду сказать, Сударь, что вы должны хвалиться торжествомъ. Сердце *Климентины* не есть простое завоеваніе. Ея порода... я прервалъ его рѣчь: мнѣ кажется, государь мой, что я не заслуживаю такого приѣма. Мое торжество; государь мой! нѣтъ во всей вашей фамиліи толь опечаленнаго сердца, какъ мое.

Какъ? *Кавалеръ*, законъ и совѣсть столько имѣютъ силы?

Позвольте мнѣ предложить такой же вопросъ вамъ самимъ, государь мой, *Епископу Ноцерь* и всей вашей фамиліи. Вашъ отвѣтъ будетъ равно и моимъ.

Онъ меня съ укоромъ просилъ изъясниться.

Ежели вы находите, началъ я говорить, существенную разность между обѣими законами, когда требуется, чтобъ я оставилъ мною исповѣдуемый, то по чему бы я могъ оной оставить, я, которой считаю за долгъ имѣть къ оному столько же приверженности, сколько и вы къ своему. Положите, что вы теперь находитесь въ моемъ мѣстѣ, государь мой?

Пусть такъ, но я думаю что будучи на вашемъ мѣстѣ имѣлъ бы менѣе сумнительства. *Епископъ Ноцера* можетъ быть иначе бы вамъ отвѣчалъ.

Епископъ Ноцера не болѣе привержень быть можетъ къ его правиламъ, сколько я къ своимъ. Но я ласкаюсь, государь мой, что самый вашъ отвѣтъ на сію важную статью можетъ мнѣ подать нѣкое право къ вашему дружеству. Мнѣ предлагаютъ отречься отъ своего закона: я съ своей стороны не подаю вашей фамиліи никакого подобнаго сему представленія, напротивъ того еще соглашаюсь, чтобъ ваша сестрица пребыла непоколебима въ своемъ законѣ и готовъ опрѣделить хорошее жалованье разумному ея духовнику, коего вся должность только въ томъ и состоятъ будетъ, чтобъ утверждалъ ее въ догматахъ вашей вѣры. Что касается до нашего мѣстопробыванія, то предлагаю, чтобъ намъ можно было проживать годъ въ Италіи а другой въ Англии попеременно: естли же она не имѣетъ охоты къ такимъ поѣздкамъ; то я соглашаюсь чтобъ она и во все не оставляла своя фамиліи, я самъ довольствуюсь тѣмъ чтобъ въ каждой годъ жить по три мѣсяца въ своемъ отечествѣ.

А дѣти? прервалъ *Иеронимъ*, желая подкрѣпить мои предложенія.

Я соглашусь, государи мои, чтобъ дочери воспитываемы были матерью; но мнѣ позволятъ принять на себя воспитаніе сыновей.

Да въ чемъ же провинятся бѣднѣишія дочери, отвѣчалъ мнѣ *Генераль* съ насмѣшкою, что ихъ предадутъ погибели?

Разсудите, государь мой, что не входя во мнѣнія богослововъ обоихъ исповѣданій, предлагаю я только то, что къ соглашенію различныхъ нашихъ мнѣній послужить можетъ. Таковымъ пожертвованіемъ не началъ бы я домогаться и Принцессиной руки. Одно богатство не имѣеть надо мною власти. Пусть оставлятъ мнѣ свободу касательно закона; я охотно отрекусь даже до послѣдняго червонца отъ имѣнія вашей сестрицы.

Чемъ же моглибъ вы себя содержать....

Въ етомъ положитесь на нее и на меня. Я честнымъ образомъ въ такомъ случаѣ поступать буду. Если вы увидите что она для сего самаго меня оставитъ, то будете себя поздравлять что его предвидѣли.

Вашъ бракъ, государь мой, весьма умножилъ бы ваше имѣніе и можетъ быть сверхъ настоящаго вашего чаянія. Но для чего не обратимъ мы взоръ на ваше потомство, какъ Италіанцы? А въ такомъ предположеніи.... татъ онъ остановился.

Не трудно было угадать его заключенія.

Я не легчѣ могу, говорилъ я ему, отречься отъ своего отечества какъ и отъ закона. Потомство свое оставилъ бы я свободнымъ; но не желалъ бы лишить его той приверженности, которую вмѣняю себѣ въ честь, ни отнять у отечества своего такого поколенія, которое никогда не приносило ему безчестія.

Тутъ *Генераль* взялъ табаку, взглянулъ на меня и отворотилъ отъ меня голову весьма угрюмымъ видомъ: я не могъ удержаться, чтобъ не быть къ сему чувствительнымъ.

Не мало мнѣ стоитъ труда, государь мой, говорилъ я ему переносить трудности моего положенія, соединенныя паче всего съ тѣми печальми, кои оно само по себѣ мнѣ наноситъ. Быть здѣсь почитаему за виновнаго, когда совершенно ничемъ не могу себя укорить, ни въ мысляхъ своихъ ни въ моихъ ниже въ дѣянїяхъ.... Согласитесь, государь мой, что нѣтъ ничего столь жестокаго.... Такъ, братецъ, прервалъ *Иеронимъ*. Самое великое нещастіе въ семъ приключеніи, прибавилъ онъ весьма благопріятно, есть то, что *Кавалеръ* челоуѣкъ необыкновенной; а сестрицѣ нашей, которая не могла быть пристрастною къ простымъ достоинствамъ, не лъзя было остаться нечувствительною къ его качествамъ.

Какія бы ни были пристрастія моей сестрицы, отвѣчалъ гордѣливой *Генераль*, но ваши, *Г. Иеронимъ* намъ вѣдомы, и мы не отрицаемъ что онѣ великодушны: но не знаемъ ли мы всѣ, что пригожіе мужчины не имѣють нужды открывать рта для привлеченія къ себѣ молодыхъ дѣвицъ? Ядъ принятой однажды взорами вскорѣ разливается и по всему тѣлу.

Я его просилъ замѣтить, что честь моя въ разсужденіи женщинъ равно какъ и мужчинъ никогда не была подозрительна.

Онъ призналъ, что съ сей стороны я долженъ быть обезпеченъ и засвидѣтельствовалъ, что естлибъ его фамилія такого мнѣнія обо мнѣ не имѣла, то не вступила бы со мною ни въ какіе договоры; но что отъ сего не менѣе для нее чувствительно видѣть дѣвицу происходящую отъ ея крови отвергаемою и что я конечно не предвидѣлъ, какія слѣдствія отъ такого поношенія выдутъ въ той землѣ, гдѣ я нахожуся.

Отвергаемою? прервалъ я съ великимъ жаромъ. Естлибъ я отвѣчалъ на такое обвиненіе, государь мой, то симъ оскорбилъ бы вашу справедливость и обидѣлъ бы недостойнымъ образомъ вашу знаменитую фамилію. Онъ всталъ съ раздраженнымъ видомъ, клянясь что не хочетъ дабы съ нимъ поступали съ презрѣніемъ. Я всталъ также и говорилъ ему: ежели со мною такъ поступаютъ при томъ тогда, когда того не заслуживаю, то не привыкъ того сносить.

Иеронимъ казался пораженнымъ. Онъ намъ говорилъ, что противился нашему свиданію; что зналъ пылкой нравъ своего брата и что я самъ судя по прежнимъ произшествіямъ, долженъ былъ оказывать меньше негодованія чемъ жалости. Я ему отвѣчалъ что симъ оказано справедливое уваженіе нѣжному вкусу его сестрицы, къ коей привержень я самыми усердными чувствованіями, равно и нужда оправдать свой собственной поступокъ, которой не позволилъ мнѣ слышать слово *отверженіе* безъ движенія.

Безъ движенія! подхватилъ *Генераль*. Ето слова очень нѣжно, въ разсужденіи того, что оно значить можетъ. Но что до меня касается, то не разбирая тонкости въ словахъ; знаю только тѣ, кои выражаются дѣлами.

Я только сказалъ ему, что надѣялся отъ него больше благосклонности, чемъ удаленіи отъ предварительнаго моего о дѣлѣ положенія.

Тогда онъ ставъ спокойнѣе говорилъ: пожалуйста, *Кавалеръ*, разсудите хладнокровно объ основаніи сего дѣла. Что будемъ мы отвѣчать нашему отечеству, ибо мы люди государственные, церкви, коей мы принадлежимъ въ разномъ смыслѣ, и нашему собственному характеру, естли примемъ для дѣвицы и сестры нашей руку Протестанта? Вы принимаете участіе, говорите вы въ ея чести: чтожь будемъ мы за нее отвѣчать, естли услышимъ что ее почитать стануть дѣвицею ослѣпленною любовію, которая по страсти своей отвергла самыхъ знатныхъ жениховъ ея соотечественниковъ и единовѣрцовъ съ тѣмъ чтобъ броситься въ объятія иностранца, Англичанина....

Которой объщаетъ, прервалъ я, и надеется, вспомните ето, государь мой, оставить ей свободу въ законѣ ея исповѣдуемомъ. Естли вы опасаетесь такихъ трудностей въ отвѣтствованіи на ваши предположенія, прибавляя все къ ея пользѣ; та что подумаютъ обо мнѣ, которой хотя и

не государственной челоуѣкъ, но не изъ простаго же рода въ своемъ отечествѣ произхожденіе имѣеть; естли въ противность моему знанію и совѣсти оставлю свой законъ и отечество по какой либо причинѣ и безъ сумнѣнія въ частной жизни, но которая не отъ иннаго чего силу свою имѣеть, какъ отъ самолюбія и личной корысти.

Довольно сего, государь мой, естли вы пренебрегаете величество, и не вмѣняете ни во что богатства, почести и любовь, то можно сказать къ славѣ моей сестры, что она есть первая женщина, по крайней мѣрѣ мнѣ извѣстная, которая полюбила Философа, и я такого о томъ мнѣнія, что ей должно сносить и всѣ слѣдствія такого страннаго поступка. Ея примѣръ не очень будетъ заразителенъ. Нѣтъ, будетъ, сказалъ льстивно *Иеронимъ*, естли Г. *Грандиссонъ* Философъ. Я былъ чрезвычайно тронутъ видя съ какимъ легкомысліемъ окончено такое дѣло, которое пронзало мое сердце. *Иеронимъ* улуча случаи пошутить надъ нами, присовокупилъ къ тому и другія веселыя выдумки, для изстребленія всякой досады и прискорбія, кои отъ перваго разговора могли еще оставаться: и тогда оставилъ я обѣихъ братьевъ. Проходя чрезъ залу, къ удовольствію своему услышалъ отъ *Камиллы*, что ея госпожѣ послѣ кровопусканія стало легчѣ.

Послѣ обѣда *Генераль* удостоилъ меня своимъ посѣщеніемъ. Онъ мнѣ прямо открылся, что онъ въ худую сторону принялъ нѣкоторыя мои выраженія. Я не скрылъ отъ него, что нѣкоторыя его рѣчи привели также меня въ запальчивость и извинялся ему по его примѣру.

Онъ хорошо принялъ усильныя мои прозбы, коими препоручалъ я ему свой планъ къ соглашенію: но онъ мнѣ ничего не обѣщалъ и довольствуясь тѣмъ что взялъ письменныя мои предложенія, спросилъ меня, столько ли твердъ отецъ мой въ законѣ, какъ я? Я ему отвѣчалъ, что до сего времени ничего еще о семъ дѣлѣ не сообщалъ своему родителю. Онъ мнѣ сказалъ, что я его удивилъ; что какого бы кто закона ни былъ, но онъ всегда зналъ, что когда къ оному столько приверженности показываютъ, то должно быть, и единообразну, и кто можетъ упущать одинъ долгъ, тотъ въ состояніи нарушать и другой. Я тотчасъ ему отвѣтствовалъ, что не мысля никогда домогаться руки его сестрицы писалъ къ родителю своему только о благопріятномъ пріемѣ, оказанномъ мнѣ въ одномъ изъ знаменитѣйшихъ домовъ въ Италіи; что моя о томъ надежда весьма еще недавно произошла, какъ и ему самому не безызвѣстно, и умѣряема была въ самомъ своемъ началѣ тѣмъ страхомъ, чтобъ законъ и мѣстопробываніе не поставили въ томъ непреодолимыхъ препятствій: но что при первомъ признакѣ успѣха я намѣренъ сообщить о своемъ щастіи всей своей фамиліи будучи увѣренъ о одобреніи моимъ родителемъ такого союза, которой столь бы былъ соотвѣтственъ склонности его къ великолѣпію.

При уходѣ *Генераль* мнѣ сказалъ довольно гордѣливо: прощайте, *Кавалеръ*. Я полагаю, что вы не поторопитесь уѣхать изъ Болоніи. Мнѣ

невозможно отъ васъ скрыть, что я чрезвычайно чувствителенъ ко всѣмъ непріятностямъ сего произшествія. Такъ, присовокупилъ онъ съ клятвою. Я очень къ сему чувствителенъ. Не ожидайте того чтобъ мы обезчещивали сестру нашу и самихъ себя и приходилибъ къ вамъ свидѣтельствовать свое почтеніе, дабы вы ея руку приняли. По такимъ любовнымъ происшествіямъ можете вы самимъ себѣ казаться важнымъ; но госпожа *Оливія* вѣдь не *Клементина*. Вы теперь въ такой землѣ, гдѣ весьма ревнительны къ чести. Наша фамилія занимаетъ здѣсь одно изъ первѣйшихъ поколеній. Вы не знаете, государь мой, въ какое дѣло вы вступили.

Я ему отвѣчалъ, что онъ мнѣ говоритъ то, чего я не заслужилъ и по тому не хочу на то и отвѣчать. Изъ Болоніи я не выѣду прежде пока не дамъ ему о томъ знать и не удостовѣрюсь что не остается мнѣ ни какой: надежды къ тому благополучію, коимъ меня ласкали. Правила мои присовокупилъ я, были извѣстны прежде нежели они удостоили меня письмомъ во время пребыванія моего въ Вѣнѣ.

Итакъ вы насъ укоряете сею поступкою? возразилъ онъ, кусая у себя губы. Она подла; но я въ томъ не имѣлъ участія, и съ сими словами меня оставилъ будучи очень тронуть.

Сердце мое, дорогой *Докторъ*, было такъ стѣснено, что я желалъ дабы братъ *Клементины* пощадилъ меня отъ такой обиды. Мнѣ весьма жестоко показалось слышать угрозы. Но слава Богу, я такого поступка не заслуживаю.

Спустя два часа по уходѣ *Генерала* пришла ко мнѣ *Камилла*. Она мнѣ сказала, что сюда послана по желанію *Маркизы* и по приказу *Г. Иеронима*, которой поручилъ ей отдать мнѣ письмо. Я тотчасъ спросилъ ее о здоровьѣ ея молодой госпожи. Она довольно спокойна, сказала она мнѣ, и спокойнѣе нежели можно было чаять: ибо столь сильной припадокъ она чувствовала, что насилу вспомнила что насъ во утру видѣла.

Маркиза приказала *Камиллѣ* сказать мнѣ собственно отъ себя, что не взирая на мое упорство, перемѣняющее всю ея надежду въ отчаяніе, она считаетъ за долгъ имѣть ко мнѣ на всегда почтеніе и извѣститъ меня, что досады и гнѣвъ могутъ излишне далеко разпространяться, и по тому она желаетъ, дабы я не долго прожилъ въ Болоніи. Если же обстоятельства дѣла обратятся въ лучшую сторону; то обѣщаетъ быть первою изъ всѣхъ, кои меня тѣмъ поздравлять будутъ.

Я развернулъ письмо моего друга: оно было слѣдующаго содержанія:

Я чрезвычайно беспокоюсь и печалюсь, любезной *Грандиссонъ*, видя челоуѣка столь бодраго и великодушнаго, каковъ мой братъ, колеблема сильными страстями: я его болѣе не познаю. Безъ сумнѣнія по величію своей души предпочитаете вы свой законъ всѣмъ тѣмъ выгодамъ, кои приносятъ вамъ любовь и богатства. Я съ моей стороны думаю, что вы

весьма по сему дѣлу печалитесь: да естлибѣ не очень печалились, то не былибѣ довольно чувствительны къ достоинствамъ превосходной дѣвицы, и оказалибѣ себя чрезвычайно неблагодарнымъ, судя по тому отличію, коимъ она васъ удостоиваетъ. Я увѣренъ, что вы не похулите сихъ выраженій и вмѣните мнѣ въ право думать о ней такъ какъ о такой дѣвицѣ, которая приноситъ честь даже самому любезному моему *Грандиссону*. Но естли сіе дѣло будетъ имѣть не щастныя слѣдствія; то сколько прискорбій нанесетъ оное нашей фамиліи, когда одинъ изъ двухъ братьевъ погибнетъ тою самою рукою, которая спасла другаго, или вы, коимъ она одолжена спасеніемъ жизни младшаго брата, лишитесь своей собственною рукою старшаго! дай Боже! чтобъ вы имѣли болѣе умѣренности: но позвольте мнѣ испросить у васъ одну милость, пожалуйста удалитесь въ *Флоренцію* хотя на нѣсколько дней.

Сколь я нещастенъ, что не могу придать болѣе силы моему посредничеству, но *Генераль* при всемъ томъ вамъ удивляется. И какъ же его похулить за такую ревность, въ коей бы паче своей жизни желалъ, дабы честь ваша столько заключалась какъ и наша. Ради Бога удалитесь отсюда на нѣсколько дней, *Клементина* теперь спокойнѣе. Я испросилъ, чтобъ въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ не позволено было ея духовнику съ нею видѣться, хотя онъ человекъ предостойной и честный. Но какое нещастіе! всякой къ лучшему расположить свои старанія желаетъ; а всѣ бывають нещастны. Не ужели законъ толико бѣдствій заключить можетъ? Ахъ! я не въ силахъ дѣйствовать, мнѣ можно только размышлять и сокрушаться. Любезной другъ, напишите мнѣ хотя одну строчку, что вы завтра поѣдете изъ *Болоніи*. Сердце мое по крайней мѣрѣ получитъ отъ сего нѣсколько облегченія.

Я говорилъ *Камилль*, чтобъ она засвидѣтельствовала *Маркизу* мое подобострастіе и искреннюю признательность и присовокупилъ къ тому, что обѣщаюсь вести себя при семъ дѣлѣ съ такою осторожностію, которая достойна будетъ ея одобренія: я съ прискорбіемъ говорилъ о той вспыльчивости, которая ее приводила въ недоумѣніе и былъ увѣренъ, какъ сказывалъ *Камилль*, что до какогобъ степени она не доходила, но человекъ столь великодушной и благородно мыслящій, каковъ *Генераль*, ничего не будетъ предпринимать безъ разсужденія: выѣхать же изъ *Болоніи* мнѣ не можно, по тому что я еще не отчаяваюсь дабы не произошла какая щастливая перемѣна въ мою пользу. Я писалъ къ *Иерониму* письмо въ такомъ же разумѣ, увѣряя его о безпредѣльномъ моемъ высокопочтеніи къ его брату: оплакивалъ случай подавшій причину къ толь многимъ замѣшательствамъ, и ручался за себя въ умѣренности. Я напоминалъ ему также о прежнемъ моемъ твердомъ намѣреніи, въ коемъ моя непоколебимость была ему извѣстна, избѣгать всякихъ предумышляемыхъ встрѣчей, и представлялъ, сколько онъ на то положиться долженъ, судя что такое дѣло касается до сына *Маркиза делла*

Порреты и брата не токмо друга моего но и самой любвидостойной и дражайшей сестры.

Мой отвѣтъ не удовлетворилъ ни *Маркизь* ни *Герониму*. Но могъ ли я рѣшиться на что-либо другое? Я далъ слово *Генералу* не выѣзжать прежде изъ *Болоніи*, пока его о томъ не увѣдомлю, и дѣйствительно ласкался надеждою какого либо щастливаго по сему дѣлу оборота, какъ о томъ и *Маркизь* объяснился.

Маркизь, *Прелатъ* и *Генераль* поѣхали въ *Урбинъ*; и тамъ, какъ я послѣ отъ своего друга узналъ, въ полномъ собраніи положено рѣшеніе, что *Кавалеръ Грандиссонъ*, по различію своихъ правилъ и по неравенству породы и имѣнія недостойнъ вступить въ ихъ сродство. Дано даже выразумѣть *Генералу*, что онъ не менѣ былъ достоинъ его гнѣва.

Въ отсутствіе отца и двухъ братьевъ *Клементина* подала нѣкую надежду къ выздоровленію. Она усиленно просила у своей матушки позволенія со мною видѣться. Но *Маркиза* не смѣя положиться на ея желанія, и опасаясь укоризнъ отъ своей фамиліи, а особливо въ такое время когда приступали, къ основательнымъ изслѣдованіямъ тогдашнихъ обстоятельствъ, удалила съ нѣжностію такую прозьбу. Ея отказъ только что умножилъ настоятельныя прошенія *Клементины*. *Геронимъ* соглашался ее удовольствовать, но какъ духовникъ подкрѣплялъ опасенія *Маркизы*, то другъ мой, не взирая на свои старанія и совѣты, не могъ бы преодолѣть внушеній отца *Марескотти*, естълибъ *Клементина* неприняла такого предпріятія, которое всѣхъ ихъ озаботило и побудило склониться на ея желанія. Отъ *Камиллы* слышалъ я подробно всѣ странныя сіи обстоятельства, о коихъ одно воспоминаніе терзаетъ еще мое сердце и кои однимъ вамъ только сообщить могу.

Болѣзнь *Клементины*, по нѣкоторыхъ благополучныхъ признакахъ появилась опять, но подъ другимъ видомъ. Безпокойства и колебанія, въ коихъ непрестанно она находилась, замѣняли нѣкія признаки спокойства, и она казалась весьма веселою. Но какъ не обѣщано ей было позволеніе выдти изъ своихъ покоевъ, то такое принужденіе ее опечалило. *Камилла*, оставя ее на четверть часа одну, испугалась чрезвычайно, когда возвратясь къ ней не нашла ее въ покояхъ. Она тотчасъ привела весь домъ въ смятеніе. Всѣ покои и всѣ части сада были: осматриваны. Отъ премногихъ печальныхъ мыслей, коихъ одинъ другому объяснять не смѣлъ, всѣ страшились даже найти ту, которую съ такимъ стараніемъ искали.

Наконецъ *Камилла* увидѣла, какъ себѣ воображала, одну служанку, которая тихими шагами сходила по лѣсницѣ; она на нее разсердилась и чрезвычайно бранила ее, что она такъ спокойна въ такое время, когда всѣ въ домѣ въ смертельномъ страхѣ и безпокойствѣ находится. Не сердись. *Камилла*, сказала ей мнимая служанка. О любезная моя госпожа! вскричала *Камилла* призвавъ *Клементину*; какъ! ето вы; — и въ платье

служанки! куда вы идете, Сударыня? Сколько мученія вы намъ причинили! и въ то самое время приказала нѣкоторымъ служителямъ увѣдомить о томъ *Маркизу*, которая въ чрезвычайномъ страхѣ скрылась въ одной садовой бесѣдкѣ и трепетала дабы кто нибудь не пришелъ къ ней съ пагубною какою вѣстію.

Клементина пробывъ нѣсколько минутъ съ *Камиллою* приняла на себя весьма притворной видъ. Я хочу идти со двора, сказала она ей, точно я хочу выдти. Вы меня очень много печалите съ сумозбродными вашими движеніями. Не ужели не можете вы быть также спокойны, какъ я? Что же васъ беспокоитъ? Мать ея, которая тотчасъ къ ней подошла, взяла ее въ свои объятія. О дочь моя! вскричала она задыхаясь. Какъ могла ты насъ привести въ такой ужасъ? что значитъ это переодѣяніе? Куда ты идешь? Куда я иду, Сударыня? Я иду на служеніе Богу; на обращеніе души къ своему Создателю: не для своей корысти, но для Бога самаго ощущаю я къ себѣ сіе святое побужденіе: чрезъ часъ или два я отдамъ вамъ въ томъ вѣрный отчетъ.

Печальная *Маркиза* уразумѣла часть ея намѣренія: она ласкою склонила ее возвратиться въ свои покои, гдѣ отъ самой ее услышала, что въ отсутствіе *Камиллы* она ходила въ дѣвичью и тамъ надѣла платье одной служанки: она рѣшилась, какъ говорила своей матери, видѣться съ *Кавалеромъ Грандиссономъ*. Она помышляла о какихъ то доводахъ, коимъ бы онъ не могъ противиться: и хотя она простая дѣвица, но ласкается имѣть надъ нимъ больше впечатлѣнія нежели *Епископъ Ноцера* и отецъ *Марескотти*. Онъ мнѣ отказалъ, присовокупила она; все кончено между имъ и мною. Никто не будетъ меня обвинять, что ищу въ томъ себѣ корысти: его собственной пользы я ищу. Мы его еще не столько ненавидимъ, чтобъ не желали его обращенія. И такъ я иду на служеніе Богу.

Но кудажь ты идешь? Спросила у ней мать, трепеща отъ ея словъ. Знаешь ли ты, гдѣ живетъ *Кавалеръ*? Отъ такого вопроса она стала безмолвна. Она долго стояла въ задумчивости. Нѣтъ, сказала она напоследокъ, право я о томъ и не думала. Но не всѣ ли знаютъ въ городѣ, гдѣ живетъ *Кавалеръ Грандиссонъ*? Я въ етомъ увѣрена..... однако естълибъ онъ самъ здѣсь побывалъ, то все бы пошло гораздо лучше: все было бы легче. Онъ придетъ, прервала тотчасъ ея речъ *Маркиза*. Я велю его сюда попросить. *Маркиза* надѣялась добровольно удержать ее симъ общаніемъ. И въ самомъ дѣлѣ она показала весьма довольною.

Какъ я вамъ обязана, говорила она. Ваше согласіе, Сударыня, подаетъ мнѣ щастливое предзнаменованіе. Ежели я склонила ваше сердце къ удовлетворенію моей волѣ; то для чего не моглабъ склонить его къ тому, чтобъ онъ самъ себя удовольствовалъ? Другаго намѣренія я не имѣю. Онъ мнѣ служилъ учителемъ; мнѣ хотѣлось бы оказать ему равную услугу. Но надобно меня оставить съ нимъ наединѣ; ибо сіи

гордѣливые люди стыдятся при людяхъ, когда ихъ дѣвица убѣдитъ въ какихъ либо правилахъ.

Хотя матушка ея намѣрена была только успокоить ея духъ такимъ общаніемъ; однако щастливое дѣйствіе, которое въ ней отъ того произошло и страхъ дабы она не рѣшилась на другое какое покушеніе, которое бы могло избѣжать неусыпнаго за нею назиранія всѣхъ людей, убѣдили ее совершенно предложить мнѣ сіе посѣщеніе. Поди, сказала она *Камилль*. Не лзя думать, чтобъ онъ уѣхалъ изъ Болоніи. Расскажи ему все что здѣсь ни происходило. Естли онъ хочетъ склониться на наши желанія; то можетъ стать что теперь не очень еще поздно оное дѣло опять начать: но ему не должно ожидать возвратнаго пріѣзда отца и двухъ сыновей. Однако я ничего себѣ не обещаю отъ такого поступка. Все чего я отъ того надѣюсь, есть то что возвращу тѣмъ нѣсколько спокойства моей дочери; она прошла въ покой *Иеронима*, дабы сообщить ему сіе намѣреніе, коему, какъ была увѣрена, весьма онъ будетъ радоваться: а *Камилла* пошла послѣ того ко мнѣ съ ея приказаніями.

Я безъ всякаго сумнѣнія онымъ повиновался, хотя чрезвычайно былъ тронутъ всею что ни слышалъ. Я засталъ еще *Маркизу* въ покояхъ моего друга. *Камилла?* сказала она мнѣ, должка была васъ увѣдомить о нашемъ состояніи. Сія любезная моя дочь нетерпѣливо хочетъ съ вами переговорить. Кто знаетъ, не произведетъ ли ваша и моя благопривѣтливость какого либо щастливаго дѣйствія? Она съ того времени спокойнѣе стала, какъ начала ожидать вашего посѣщенія. Она надѣется привести васъ къ обращенію. Дай Боже! сказалъ мнѣ *Иеронимъ*, чтобъ таковое чудо предоставлено было произвести состраданію? Какъ я о васъ жалѣю, *Кавалеръ*? Какое искушеніе готовится для вашего человеколюбія! въ глазахъ вашихъ усматриваю я всю вашу скорбь; увы! отвѣчалъ я ему: она еще сильнѣе и жесточаѣ свирѣпствуетъ въ моемъ сердцѣ. *Маркиза* велѣла спросить у своей дочери, расположена ли она насъ принять; а *Камилла* пришедъ отъ нее сказала, что она насъ ожидаетъ.

Замѣчаніе. Какое бы разсужденіе ни было о слѣдующемъ произшествіи, однако кажется нужно оное сохранишь для того, дабы подать какое нибудь понятіе о подобныхъ оному, о коихъ здѣсь умалчивается.)

Клементина, продолжаетъ *Кавалеръ*, въ сокращенныхъ выпискахъ *Доктора*, сидѣла у окна держа въ рукахъ книгу. Она встала съ весьма величественнымъ видомъ. *Маркиза* подошла къ ней утирая глаза свои платкомъ: я шелъ за нею, и на нѣсколько шаговъ отъ нее остановясь низко ей поклонился. Сердце мое столь стѣснено было, что я ничего ей сказать не могъ. *Клементина* не въ такомъ замѣшательствѣ казалась: она мнѣ немедлѣнно сказала. *Кавалеръ*, вы для меня ни что не составляете: вы отвергли мою руку и я за то васъ благодарю: я даже хвалю васъ; ибо я

весьма гордѣлива, а вы видите сколько печали наношу я самымъ лучшимъ моимъ родителямъ и сродникамъ. Я васъ хвалю отъ искренняго сердца; та, которая свою фамилію приводитъ въ толь великія замѣшательства, должна устращишь человѣка, имѣющаго способность размышлять. Однако мнѣ кажется, что законъ есть главною вашею цѣлію. Я жалѣю, что вы упорны. Ваши сведенія подавали мнѣ больше надежды. Но вы были моимъ учителемъ. *Кавалеръ*, желаете ли чтобъ и я равную оказала вамъ услугу?

Я обѣщаюсь весьма внимательно слушать, Сударыня, всѣ тѣ наставленія коими вы по милости своей меня удостоить изволите.

Но позвольте мнѣ, Сударь, утѣшить мою матушку. Она бросилась на колѣни предъ *Маркизою* и взявъ обѣ ея руки поцѣловала ихъ одну послѣ другой. Успокойтесь, матушка. О чемъ вы плачете? Я здорова. Не уже ли вы не видите, что духъ мой свободенъ? Подайте мнѣ свое благословеніе.

Боже да благословитъ мою дочь!

Тогда она встала весьма легко и обратясь ко мнѣ говорила: вы кажетесь печальны, государь мой, вы молчите. Я не хочу видѣть васъ въ печали, но согласуюсь, чтобъ хранили сіе молчаніе. Ученикъ имѣеть нужду во вниманіи и я оной въ разсужденіи васъ никогда не упускала.

По томъ подумавъ нѣсколько времени отвортила отъ меня голову, положила руку ко лбу. Я о весьма многомъ хотѣла съ вами говорить, *Кавалеръ*, но ничего не могу вспомнить. Отъ чего же вы такъ печальны? Вы знаете собственное свое сердце и ничего такого не сдѣлали, чтобъ не показалось вамъ справедливымъ. Не правдали? Отвѣчайте, государь мой? По томъ оборотясь къ своей матушкѣ говорила: Бѣдной *Кавалеръ* лишился голосу, Сударыня. Однако никто его не смущаетъ. Я его вижу въ печали. Перестаньте, Сударь, печалиться, говорила она мнѣ... однако человѣкъ, которой отвергъ мою руку... Ахъ! *Кавалеръ*, етотъ поступокъ съ вашей стороны очень жестокъ! но я тотчасъ оной превозмогла. Вы видите, сколько я теперь спокойна. Не можете ли и вы быть стольже спокойны.

Что могъ я тогда отвѣчать? Я не въ силахъ былъ ее успокоить, когда она хвалилась своимъ спокойствіемъ, и не могъ вступить съ нею въ разсужденія. Еслибъ мое расположеніе къ соглашенію всѣхъ дѣлъ было принято; то я объяснился бы ей въ самыхъ нѣжныхъ выраженіяхъ. Но былъ ли когда до меня такой человѣкъ, которой бы находился въ столь несчастномъ недоумѣніи? Для чего не вся фамилія отреклась меня видѣшь? Для чего *Иеронимъ* не прервалъ совершенно со мною знакомства? Для чего сія безпримѣрная родительница не преставала привлекать меня къ своему дому по нѣжнѣйшему моему высокопочитанію къ ея фамиліи и возбуждать во мнѣ купно благодарность и уваженіе.

Клементина начала опять говорить съ прежнею тихостію: скажите пожалуйста, государь мой, какъ могли вы быть столь несправедливы, что желали, дабы я оставила свой законъ, когда вы столь твердо своего исповѣданія придерживаетесь. Не много ли несправедливости заключается въ такой надеждѣ? По истиннѣ, я думаю, что вы мужчины вмѣняете ни во что совѣстное зазрѣніе въ женщинахъ; для васъ довольно и того, когда вы видите, что мы научаемся узнавать вашу волю и исполнять съ вѣрностію то что мы вамъ должны дѣлать. Мужчины почитаютъ себя, такъ сказать, земными Богами и думаютъ что женщины сотворены единственно для служенія имъ: такихъ жестокихъ правилъ я отъ васъ не чаяла: вы привыкли говоришь всегда съ почтительностію о нашемъ полѣ. Отъ чего могла произойти такая ваша несправедливость?

Столь мало заслуженная укоризна усугубила мученія моего сердца. Я оборотился къ ея матери и говорилъ: позволители мнѣ, Сударыня, объявить вашей любезной дочери мои предложенія? Она видно думаетъ, что я требовалъ отъ нее перемѣненія ея закона. Не было и намѣренія, отвѣчала, мнѣ *Маркиза*, внушишь ей такія мысли: но я помню, что при первомъ извиненіи, которое я ей учинила о всемъ происшедшемъ между вами и *Епископомъ Ноцерою*, не могла я отъ ея нетерпѣливости всего того досказать. Довольно того, говорила она, что рука ея отвергнута. Она заклинала меня, не говоритъ ей о протчемъ и съ самага того дня была въ такомъ состояніи, что никакъ не лзя было ее подробнѣе о томъ увѣдомить. Ежели бы ваши предложенія были такія, чтобъ мы могли ихъ принять; то первое наше намѣреніе было бы то, чтобъ ее о томъ извѣстить. Однако и теперь не вижу въ томъ я ничего худаго, естли объявлю ей, что вы предлагали. Она увидитъ, что тутъ нѣтъ ничего такого, что она называетъ пренебреженіемъ: а сія самая мысль можетъ быть и перемѣнила ея нравъ и довела до того, что по сильныхъ колебаніяхъ въ коихъ мы ее видѣли стала она чрезмѣрно сокрушаться и задумываться.

А какъ ея матушка говорила со мною очень тихо, то отъ того показалась она опечаленною. Не нужно, сказала она мнѣ, утаевать отъ меня вашихъ разсужденій. Оказавъ мнѣ такое пренебреженіе, государь мой, можете вы повѣрить, что я могу все снести и все слушать: по томъ оборотясь къ *Маркизѣ* сказала, вы видите, Сударыня, какъ я спокойна. Я умѣла себя преодолѣть. Не опасайтесь вступать при мнѣ въ объясненія.

Пренебреженіе! дражайшая *Клементина*. Клянусь Богомъ при вашей матушкѣ, что такое ненавистное чувство не входило въ мое сердце. Ежели бы предлагаемыя мною условія были приняты; то сталъ бы я щастливѣйшимъ человѣкомъ.

Такъ, такъ, говорила она, а и стала бы несчастнѣйшею женщиною: словомъ сказать, вы отвергли мою руку. По томъ покрывъ лице свое обѣими руками сказала, чтобъ по крайней мѣрѣ опречь нашего дома не

знали, что дочь наилучшей матери должна была перенести отказъ отъ другаго кого, а не отъ владѣтельнаго Князя. Сколько сама я презираю сію дѣвицу! какъ можетъ она казаться на глаза того, кто ее презираетъ? Я сама себя стыжусь! (*отступя на нѣсколько шаговъ назадъ*) О! Госпожа Бемонтъ, безъ вашихъ стараній тайна моя отсюда бы не вышла! (*прижимая грудь одною рукою, а другую держа еще на лицѣ.*) По томъ подошедъ ко мнѣ говорила. Но не говорите мнѣ ничего, Сударь. Слушайте только меня. И когда окончу то, что вамъ объявить имѣю, то да будетъ мнѣ позволено хранить вѣчное о томъ молчаніе.

Мать ея утопала въ слезахъ и я отъ сокрушенія былъ какъ недвижимъ.

Мнѣ кажется, что я о весьма многомъ хотѣла съ вами говорить. Я хотѣла убѣдишь васъ въ заблужденіяхъ, коими вы омрачены. Не воображайте, Сударь, чтобъ я домогалась у васъ малѣйшей милости. Все сіе происходитъ отъ безпристрастнаго моего къ вамъ почтения. Гласъ небесный, какъ я вѣрю, повелѣваетъ мнѣ привести васъ къ обращенію. Я готова была ему повиноваться и совершила бы его повелѣніе: въ томъ усумниться я не могу. Изъ устъ младенцевъ изводитъ Богъ себѣ славу. Вы знаете сіи слова въ нашемъ завѣтѣ. Если бы мнѣ позволено было выдти, такъ какъ я желала.... тогда все я знала; но теперь ничего не помню. Докучливая *Камилла* перебила мои мысли неотступными своими вопросами. Она со мною говорила съ такимъ видомъ, которой мнѣ казался совершенно сумозброднымъ. Она была тронута, видя что я такъ спокойна.

Я хотѣлъ ей отвѣчать; но она мнѣ сказала: будете ли вы молчать, когда я вамъ приказываю? Въ самое то время она закрыла мнѣ ротъ своею рукою, которую я удержавъ обѣими своими руками, осмѣлился прижать къ своимъ устамъ.

Ахъ! *Кавалеръ*, продолжала она не отнимая ее, вы ничто иное, какъ льстецъ! развѣ забываете вы, что льстите такой дѣвицѣ, которую пренебрегли?

Теперь, Сударыня, позвольте мнѣ сказать два слова. Не проносите больше ни одного изъ оныхъ, дабы не могъ я послѣ васъ ихъ повторять, я прошу васъ изъ милости выслушать предложенія, учиненныя мною вашей фамиліи. Она дала мнѣ время ихъ объяснить, и я присовокупилъ къ тому, что одному Богу извѣстны мученія моего сердца.

Постойте, прервала она, и обратясь къ своей матери сказала: я ничего, Сударыня, не понимаю, что говорятъ мужчины. Должна ли я имъ вѣрить, матушка? По виду его кажется, что ему повѣрить могу; скажите, Сударыня, могу ли я положиться на его слова?

Мать ея отъ сердечнаго сокрушенія не въ силахъ была ей отвѣтствовать.

Ахъ? Государь мой: моя матушка, которая вамъ не неприятельница, опасается за васъ ручается. Но я хочу васъ къ тому обязать собственною вашею подпискою. Она побѣжала въ свой кабинетъ и принесла перо, чернильницу и бумагу. Увидимъ, Сударь, вы конечно не думаете мною играть. Напишите все то, что я отъ васъ слышала. Но я сама его напишу, и мы увидимъ, подпишите ли вы свое имя.

Она тотчасъ написала слѣдующія слова: „*Кавалеръ Грандиссонъ* торжественно объявляетъ, что предлагалъ съ усиленною прозьбою и по движенію своего сердца оставить одной дѣвицѣ, которую думали совокупить съ нимъ бракомъ, свободное отправленіе ея закона, предать въ ея волю выбрать благоразумнаго человѣка ея духовникомъ, никогда ее не принуждать ѣхать въ Англію и жить съ нею въ Италіи черезъ каждой годъ, которой проведетъ въ своемъ отечествѣ..”

Подпишите ли вы это предложеніе, Сударь? я подписалъ свое имя.

Она прочла въ другой разъ то, что написала. Какъ? Вы предлагали такія условія? Правда ли это, Сударыня?

Правда, моя дорогая: и я бы тебѣ прежде о томъ сказала: но ты такъ была поражена тою мыслию, что отвергають твою руку.... О Сударыня, прервала она, въ самомъ дѣлѣ очень было мучительно почитать себя отверженною!

Однако желалалибъ ты, моя любезная, чтобъ мы подали свое согласіе на его представленія? Могалибъ ты рѣшиться быть женою Протестанта? Дѣвица такой породы!

Она отвела свою мать на сторону; но въ движеніи своемъ говорила такъ громко, что я могъ все слышать.

Я соглашаюсь, Сударыня, что я не хорошо бы поступила: но я очень радуюсь, что не съ презрѣніемъ отвержена. Я радуюсь, что мой наставникъ и избавитель моего брата не почиталъ меня презрѣнія достойною. Откровенно сказать, я подозрѣвала, что онъ любитъ *Оливію* и ищетъ однихъ только увертокъ.

Не увѣрена ли ты, моя дочь, что ты въ разсужденіи своего закона подверглась бы великой опасности, естлибъ мы приняли предложенія *Г. Грандиссона*?

Почему! Сударыня? Со всемъ ни мало. Не могла ли я надѣяться привести его къ обращенію, такъ какъ и онъ надѣялся вовлечь меня въ свои заблужденія? Я законъ свой вмѣняю себѣ въ славу. Онъ не менѣе и къ своему привержень, моя дорогая. Это его вина, Сударыня. *Кавалеръ*, говорила она подошедъ ко мнѣ, вы чрезмѣрно упорны. Я ласкаюсь мыслию, что вы нашихъ речей не слышали.

Ты обманываешься, душа моя; онъ не упустилъ ни одного слова и я о томъ не жалѣю.

Дай Богъ, сказалъ я тогда *Маркизь*, чтобъ мнѣ можно было отъ васъ надѣяться хотя нѣсколько милости! нѣкоторыя слова произнесенныя любвидостойною *Клементиною* подали бы мнѣ смѣлость....

Не заключайте ни чего изъ моихъ словъ, Сударь, прервала *Клементина* покраснѣвши. Я не могу недоумѣвать въ такомъ дѣлѣ, которое касается до моего спасенія.

Я просилъ ея мать на минуту со мною удалиться отъ *Клементины* и говорилъ ей со всею жаромъ, какой только могъ совокупить съ своимъ голосомъ. Ради Бога, Сударыня, не супротивляйтесь отчаянной моей надеждѣ. Не видите ли вы уже нѣкоей перемѣны въ состоянїи вашей дражайшей дочери? Не примѣчаете ли въ ней большаго спокойствія съ того самаго времени, когда начала она усматривать, что ничего въ разсужденїи своей чести и совѣсти страшишься не можетъ? Посмотрите на нее: какая прїятная веселость видна въ глазахъ ея кои доселѣ показывали нѣкое заблужденіе!

Ахъ! *Кавалеръ*, вы у меня требуете того, что не въ моей власти; а когда бы ваше щастіе и отъ меня зависѣло; но я не могла бы желать для своей дочери супруга столько прилѣпленнаго къ своимъ заблужденіямъ: да и для чегожъ, Сударь? Естьлибы, я въ васъ усматривала менѣ ревности къ вашему закону; то бы имѣла болѣе надежды, а слѣдственно менѣ и возраженій.

Естьлибъ я имѣла менѣ приверженности къ моимъ правиламъ; то искушеніе превозмогло бы мои силы, когда предлагается о бракѣ съ *Клементиною* и о чести вступить въ сродство въ такую знаменитую фамилію. Ахъ! *Кавалеръ*, я не могу вамъ подать нималѣйшей надежды.

Пожалуйте, Сударыня, посмотрите на дражайшую вашу дочь! можетъ быть она колеблется и преклоняется въ мою пользу; вспомните, что она составляла всю радость вашего сердца. Подумайте, что съ нею сдѣлаться можетъ, и отъ чего, прошу Бога, ее предохранить, какую бы судьбу онъ мнѣ не опредѣлилъ. Какъ? Сударыня, не уже ли любвидостойная *Клементина* не найдетъ себѣ ходатая въ своей родительницѣ? Я свидѣтельствуюсь Богомъ что ея благополучіе болѣе участія имѣетъ въ моихъ обѣтахъ, нежели мое собственное. Еще прошу васъ, изъ любви къ своей дочери. Но что значать всѣ мой пользы въ сравненїи ея выгодъ? Позвольте мнѣ колѣнопреклонно просить сильнаго вашего заступленія, и когда оное соединено будетъ съ стараніями любезнаго сердцу моему *Иеронима*; то предвижу изъ того такія дѣйствія, коихъ единая лестная надежда возраждаетъ во мнѣ радостное чувствованіе.

Клементина не могла слышать моихъ словъ; но какъ скоро увидѣла меня въ томъ положенїи, въ коемъ я находился; то подбѣжала ко мнѣ и простирая обѣ руки говорила своей матери, помочь ли мнѣ ему встать, Сударыня? Скажите же ему, чтобъ онъ всталъ. Онъ плачетъ, посмотрите

на его слезы. Но я вижу, что и всѣ проливаютъ слезы. О чемъ же вы плачете, *Кавалеръ*? Матушка также плачетъ. Какаябъ была причина столь великаго сокрушенія.

Встаньте, *Кавалеръ*, сказала мнѣ *Маркиза*. О любезнѣйшая дочь! она приведетъ меня ко гробу отъ состраданія къ ней и скорѣби. Вы ничего, *Сударь*, не получите иначе какъ по нашимъ собственнымъ условіямъ, да и сама я не желаю, чтобъ дѣла наши получили другой оборотъ. Но возможноли чтобъ сія любезная дѣвица васъ не тронула? Нечувствительной *Грандиссонъ*!

Тогда я вставъ говорилъ; какой мой жребій! меня называть нечувствительнымъ, *Сударыня*, когда сердце мое, пронзенно состояніемъ вашей любезнѣйшей дочери и тою печалію, которую она разпространяетъ въ такомъ домѣ, гдѣ все для меня равно дорого и почтенно! какое инное изъявилъ я желаніе, кромѣ того чтобъ не оставитъ тою закона, къ коему я привержень по совѣсти и по чести? Вы сами, *Сударыня*, имѣя матернее и дружелюбное сердце, не моглибъ быть болѣе меня опечалены.

Въ сіе время *Клементина* посматривала съ великимъ вниманіемъ то на меня, то на свою матушку, у коей текуція слезы видѣла. По томъ прервавъ молчаніе и поцѣловавъ у *Маркизы* руку говорила; я не понимаю ничего, что здѣсь происходитъ. Етотъ домъ уже не тотъ, что былъ прежде. Одна только я не перемѣнилась. Мой батюшка со всемъ противъ прежняго перемѣнился; братцы мои также: матушка никогда не перестаетъ плакать. Я одна не плачу и должна всѣхъ утѣшать. Такъ, ето мой долгъ. Любезная матушка! перестаньте сокрушаться. Но я только умножаю вашу печаль! О! матушка, что бы вы сказали, естлибъ я отвергла ваши утѣшенія! она стала на колѣни передъ *Макизою* и взявъ ея руки цѣловала съ нѣжностію. Утѣштесь, *Сударыня*, я васъ заклинаю, или дайте мнѣ хотя одну свою слезу дабы и я могла съ вами плакать. Для чего не могу я извлечь оныхъ изъ своихъ глазъ? Я вижу, что и *Кавалеръ* плачетъ! о чемъ ето? Не ужели вы мнѣ не скажите? Вы видите, какой примѣръ я вамъ подаю; я, слабая дѣвица не проливаю ни одной слезы. Она въ сіе время показывала весьма свободной видъ и твердость.

О! *Кавалеръ*, сказала мнѣ *Маркиза* испущая вздохи при каждомъ словѣ, я легко увѣряюсь, что сердце ваше тронуто.

Любезная дочь! (принявъ ее въ свои объятія) Дражайшая *Клементина*! Дай Боже, чтобъ жертва жизни моей могла способствовать къ твоему изцѣленію! *Кавалеръ*! естлибъ мы надежны были, склоняясь на ваши предложенія.... но вы ничего для насъ сдѣлать не хотите?

Какая укоризна, *Сударыня*, когда я до такого состоянія довелъ наше дѣло что не сдѣлалъ бы сего можетъ быть и для первой Принцессы въ свѣтѣ! позвольте мнѣ повторить оныя объясненія передъ вашею дочерью.

Какъ, прервала *Клементина*, что хочетъ онъ повторить? Ахъ! Сударыня, позвольте ему сказать все что онъ ни думаетъ. Дайте ему свободу облегчить свое сердце. Говорите, *Кавалеръ*. Могули я послужить къ вашему утѣшенію? Мое щастіе, естлибъ то сдѣлать могла, состояло бы въ томъ, дабы васъ всѣхъ учинить благополучными.

Сего уже излишне много, Сударыня, сказалъ я ея матери съ глубокимъ вздохомъ. Сколь удивительная изящность въ ея свойствахъ изъясняется и при возмущенномъ ея воображеніи! Не уже ли вы не вѣрите, Сударыня, что не было еще столь несчастнаго человѣка, какъ я?

О дочь моя! сказала ей *Маркиза*, дражайшій плодъ нѣжной моей любви, можешь ли ты согласиться быть женою человѣка не единой съ тобой законъ исповѣдающаго, иностранца! вы видите, *Кавалеръ*, что я ей повторила ваши предложенія; быть женою такого человѣка, любезная моя дочь, которой противоборствуетъ какъ закону своихъ собственныхъ предковъ такъ и твоему?

Но нѣтъ, Сударыня, я не могу думать, чтобъ онъ имѣлъ о мнѣ такое мнѣніе.

Позвольте мнѣ, Сударыня, говорилъ я *Маркизъ*, представишь ей сіе же самое въ другомъ видѣ... Но естли вы мнѣ не дадите никакой надежды къ полученію вашего покровительства и естли ничего не могу ожидать отъ *Маркиза* и двухъ вашихъ сыновей; то боюсь нанести вредъ тому, чего наиболѣе желаю.

Нѣтъ, *Кавалеръ*, они ни на что не согласятся.

И такъ, Сударыня, я долженъ казаться несправедливымъ, неблагодарнымъ и даже наглымъ въ глазахъ *Клементины*, естли такое представленіе можетъ послужить къ облегченію ея сердца и къ успокоенію ея духа. Когда я лишаюсь надежды получить ваше покровительство, то дѣйствительно не остается мнѣ ничего кромѣ отчаянія.

Естлибъ я усмотрѣла хотя малѣйшій способъ съ пользою вамъ услужить, то всевозможное употребила бы о томъ стараніе. Но въ такомъ важномъ дѣлѣ мнѣ не позволено имѣть разнаго съ моею фамиліею мнѣнія.

По томъ желая окончить такую матерію сказала она своей дочери: Не говорила ли ты мнѣ, моя дорогая, что хотѣла переговорить на единѣ съ *Г. Грандиссономъ*? Теперешній случай есть одинъ только такой, какого бы ты могла надѣяться. Твой батюшка и братья завтра сюда пріѣдутъ. Тогда *Кавалеръ*, сказала она обратясь ко мнѣ, все будетъ кончено.

Клементина говорила довольно спокойно, что она въ самомъ дѣлѣ хотѣла со мною видѣться на единѣ и не имѣла сама никакой выгоды въ томъ, что мнѣ говорить желала.... думаешь ли ты, прервала *Маркиза*, чтобъ вспомнила все, что ему сказать хотѣла, естлибъ сама его посѣтила, такъ какъ прежде къ тому располагалась?

Я не знаю.

Такъ я выду отсюда. Выдти ли мнѣ, моя дорогая?

Клементина оборотясь ко мнѣ говорила: вы были моимъ учителемъ, Сударь, и дали мнѣ превосходныя наставленія: должна ли я желать, чтобъ матушка моя отсюда вышла? Должна ли я сказать вамъ что нибудь такое, чего бы она не могла слышать? Мнѣ кажется, что нѣтъ.

А какъ *Маркиза* уходила; то я ее просилъ войти въ ближній кабинетъ такъ чтобъ не была она примѣчена. Должно вамъ Сударыня, говорилъ, я ей, все слышать. Сей случай можетъ сдѣлаться весьма важнымъ. Естьли вы выдите, то остановитесь по крайней мѣрѣ такъ близко отъ насъ, чтобъ могли судить о нашихъ поступкахъ. Я прошу вашего одобренія или сужденія.

О! *Кавалеръ*, отвѣчала она мнѣ, благоразуміе и великодушіе всегда вамъ сопутствуютъ. Почто не можете вы сдѣлаться Католикомъ? По томъ она вышла и я принаровилъ такъ, что она вошла опять къ намъ не будучи усмотрена своею дочерью, которую просилъ сѣсть въ креслы, коихъ за спинокъ стоялъ прямо къ дверямъ. Она сѣла безъ всякой недовѣрчивости и приказала мнѣ сѣсть подлѣ себя.

Мы сидѣли нѣсколько минутъ въ молчаніи. Я желалъ, чтобъ она начала прежде говорить, дабы не могли меня обвинять что я предупредилъ ея воображеніе. Она казалась въ недоумѣніи; поднимала и опять опускала свои взоры и обращала ихъ на всѣ стороны. Ахъ! *Кавалеръ*, сказала она мнѣ напоследокъ, щастливо то время, какъ я была ваша ученица и когда вы учили меня по Аглински.

Въ самомъ дѣлѣ щастливо, Сударыня.

Госпожа *Бемонтъ* была очень неотступна, *Кавалеръ*, знаете ли вы Госпожу *Бемонтъ*?

Я ее знаю, она есть изъ лучшихъ особъ мнѣ извѣстныхъ.

Я о ней такого же мнѣнія. Но она подвергла меня страннымъ опытамъ. Я думаю, что сдѣлала большую ошибку.

Какую ошибку, Сударыня?

Какую ошибку! Я допустила ее проникнуть въ одну тайну, которую скрывала отъ своей матушки, отъ милостивой и снисходительной своей матушки. Вы на меня смотрите, *Кавалеръ*. Но я вамъ не скажу, какая ето тайна.

Я о томъ васъ не прошу, Сударыня.

Да вы бесполезно бы меня о ней спрашивали. Но мнѣ казалось, что я очень много хотѣла съ вами говорить! За чѣмъ бѣшенная *Камилла* меня остановила, когда я шла къ вамъ? Я очень много хотѣла съ вами говорить.

Какъ! Сударыня, не уже ли ничего не можете вспомнить.

Дайте мнѣ немного подуматъ.... И такъ, прежде всего я думала, что вы меня презираете. Но не ето меня печалило, божусь вамъ. Напротивъ того такая мысль послужила мнѣ въ пользу. Я гордѣлива, государь мой; я

ето превозмогла и стала спокойна. Вы видите, сколько я спокойна. Однако, говорила я сама въ себѣ, етогъ бѣдной *Кавалеръ*, хотя меня презираетъ, хотя нѣтъ.... я хочу вамъ открыть всѣ мои мысли, Сударь: но чтобъ онѣ васъ не опечалили. Вы видите, что духъ мой спокоенъ. Однако я ничто иное какъ слабосильная дѣвица. Васъ считаютъ человѣкомъ благоразумнымъ: не посрамите же своего благоразумія. Человѣкъ благоразумный не уже ли будетъ слабѣ простой дѣвицы? Но чтобъ никогда такой укоризны..... какъ начала я вамъ говорить?

Етогъ бѣдной *Кавалеръ*, говорили вы, Сударыня.

Да, етогъ бедной *Кавалеръ*, я говорила, получилъ отъ Бога изящную душу. Онѣ много трудился меня обучать. Не уже ли мнѣ не трудиться о его обращеніи? Я собрала множество превосходныхъ мнѣній и ученій изъ священнаго писанія. Всѣ мысли мои были оными заняты,... ета наглая *Камилла* истребила ихъ изъ моей памяти. Однако я нѣчто помню: такъ я ето не забыла. Я хотѣла вамъ сказать въ заключеніе моего рѣчи.... такъ ето было предумышленное намѣреніе, скажите вы мнѣ: я въ томъ согласна, *Кавалеръ*. Я должна вамъ ето сказать на ухо. Но нѣтъ. Оборотитесь лучше лицомъ къ другой сторонѣ. Я чувствую, что на лицѣ моемъ краска уже выступаетъ. Не смотрите на меня. Смотрите къ окну. (Я дѣлала все что она ни приказывала.) И такъ я намѣрена была вамъ сказать.... но я думаю, что все ето есть у меня на письмѣ. (Она вынула изъ кармана свои бумаги) Вотъ они. Смотрите въ другую сторону, когда вамъ приказываю. Она стала читать. *Я согласуюсь, государь мой, отъ искренняго сердца*, (вы видите, что ето сказываю весьма чистосердечно.) *Дабы вы питали единую ненависть, презрѣніе и отвращеніе отъ злополучной Клементины: но заклинаю васъ спасеніемъ безсмертной вашей души прильпиться къ истинной православной церкви.* И такъ, Сударь, что вы мнѣ на ето отвѣчать будете? Обращаясь прелестнымъ своимъ лицомъ къ моему, которое я еще отвращалъ къ другой сторонѣ, ибо не имѣлъ еще силъ на нее взирать. Скажите, Сударь, что вы на сіе соглашаетесь. Я всегда думала, что сердце ваше честно и чувствительно. Скажите, что оно покорствуемъ истиннѣ. Я не для себя о томъ васъ прошу. Я уже сказала вамъ, что избираю себѣ долею ваше презрѣніе. Не будетъ сказано, что вы согласились на усиленныя прозбы женщины. Нѣтъ, Сударь; одна совѣсть ваша будетъ имѣть всю славу сего подвига, я не скрою отъ васъ, что о самой себѣ помышляю. Я буду жить въ мирѣ и спокойствіи; (при сихъ словахъ она встала съ видомъ сановитымъ и съ такимъ достоинствомъ, которое отъ рвенія ея къ закону, еще болѣе умножалось) и когда ангель смерти придетъ; я простру къ нему руку и скажу. Приблизься; о! мирный вѣстникъ. Я послѣдую за тобою къ тому злачному берегу, куда душа моя стремится достигнуть; и тамъ хочу сохранить одно мѣсто для такого человѣка, коему не давно еще того желаю, но съ коимъ неразлучно навѣки пребывать тамъ буду. Сія надежда удовлетворить

Клементину и замѣнить для нее богатства свѣта. И такъ вы видите, какъ я сказывала моей матушкѣ, что я хотѣла идти на служеніе Богу и что въ томъ никакой собственно моей выгоды не находится.

Она могла бы продолжать свою речь цѣлые два часа и я не подумалъ бы ее прервать. Ахъ! любезный другъ, какія мученія терзали мое сердце! она внимала вздохамъ, кои я испущалъ. Вы вздыхаете, *Кавалеръ*. Вы не нечувствительны, какъ васъ укоряли. Не соглашаетесь ли вы? Скажите, что соглашаетесь. Я не хочу въ етомъ имѣть отказа. Любопытствуете ли узнать мой жребій? Если послѣдній часъ моего житія наступитъ не такъ скоро, какъ я желаю; то заключусь въ монастырь и на все время несчастной моей жизни посвящу себя на служеніе Господу.

Какъ я могъ я найти выраженія, дабы отвѣчать на ея речи? Какъ изъяснить ей въ обоюдномъ нашемъ положенія всѣ нѣжныя ощущенія, въ коихъ сердце мое, такъ сказать, плавало? Состраданіе есть такая страсть, которая не можетъ удовлетворишь женщину великодушную; но какимъ способомъ говорить ей о любви? Могъ ли я рѣшиться придти опять у ней въ любовь, когда вся ея фамилія отвергала мои предложенія а подавала такія, коихъ я принять не могъ? Вступить въ разсужденія противъ ея закона въ защищеніе моего, никакъ было не можно; я не долженъ былъ о томъ и мыслить судя по тому смущенію, которое видѣлъ въ ея духѣ. Впрочемъ справедливость и великодушіе позволяли мнѣ употребить во зло ея состояніе, дабы внушить ей сумнѣнія о такихъ догматахъ, къ коимъ она искренно была привержена?

Я довольствовался уже и тѣмъ что началъ приписывать великія хвалы ея благочестію. Я ее называлъ Ангеломъ и говорилъ, что она, составляетъ украшеніе своего пола и честь закона. На конецъ я всячески старался перемѣнить ея разговоръ. Но она догадываясь о моемъ намѣреніи и помолчавъ нѣсколько сказала, что я самой упорной изъ всѣхъ мужчинъ; однако, присовокупила она, я не могу думать, чтобъ вы имѣли ко мнѣ презрѣніе. Прочтемъ еще разъ вашу бумагу. Она опять прочтала мои условія и при каждомъ обѣщаніи спрашивала меня, вѣрнолибъ я оныя исполнилъ. Не сумнѣвайтесь, говорилъ я ей, о такой вѣрности, которая бы составила все мое щастіе. Она, какъ казалось, о всемъ томъ разсуждала, сравнивала, передумывала и оставляя размышленія, со вздохомъ мнѣ сказала, что можно сказать о такихъ произшествіяхъ, кои еще сокрыты въ таинствахъ провидѣнія?

Я тогда разсудилъ, что какъ нашъ разговоръ обратился со всемъ въ другую сторону, то *Маркизь* не худобъ было выдти изъ Кабинета. Я легко могъ способствовать ея выходу. Она подошла къ намъ; и глаза ея орошены были слезами. Ахъ, *Сударыня!* сказала ей *Клементина*, я теперь окончила сильной споръ съ *Кавалеромъ*: и наклонясь къ ея уху говорила: я не отчаиваюсь, *Сударыня*, чтобъ онъ не былъ убѣжденъ. Сердце его

нѣжно. Но помолчавъ, присовокупила она приложа палець ко рту. Потомъ возвыся голосъ хотѣла говорить о перечитанной ею бумагѣ; но мать ея видно опасалась, чтобъ это была не излишняя для меня милость и тогда въ первой разъ, какъ казалось, усмотрѣлъ я въ ней умалившееся ея желаніе къ моему съ ними союзу. Она тотчасъ прервала ея речь сказавъ ей: любезная моя, мы объ етой матеріи будемъ говорить между собою, она позвонила. *Камилла*, пришла въ ту горницу и получила приказъ остаться съ *Клементиною*.

Маркиза вышла и приглашала меня къ себѣ. Лишь только вошли мы въ боковую горницу, какъ обратилась она ко мнѣ и сказала: ахъ! *Кавалеръ*, какъ могли вы противиться сему произшествію? Вы не имѣете къ моей дочери всей той привѣзанности, коей она заслуживаетъ: сердце ваше благородно, чувствованія доказываютъ великодушіе ваше; но вы непреодолимо упорны.

Какъ! Сударыня, я кажусь вамъ неблагодарнымъ. Сколько умножаетъ такая укоризна мои мученія! но не уже ли лишился я вашей милости и покровительства? На вашемъ добродушіи и благопріязни, Сударыня, и на дружествѣ любезнаго мнѣ *Иеронима* основалъ я всю свою надежду.

Я знаю, *Кавалеръ*, что ваши предложенія никогда приняты быть не могутъ и ничего больше отъ васъ не надѣюсь. Послѣ такого свиданія, которое по видимому будетъ послѣднее, неостается мнѣ никакой надежды. Дочь моя начала уже колебаться. Сколько сердце ея вами страстно! Но никакъ не можно соединиться вамъ бракомъ: я это вижу и не хочу ее болѣе подвергать такимъ свиданіямъ, отъ коихъ ничего щастливаго ожидать не могу. Вы кажетесь опечалены, я бы жалѣла о вашихъ прискорбіяхъ, государь мой, естлибъ ваше и наше щастіе не отъ васъ зависѣло.

Я не ожидалъ такой перемѣны въ расположеніяхъ *Маркизы*. Будетъ ли мнѣ позволено, Сударыня, говорилъ я ей съ великою покорностію, проститься съ дражайшею особою, коея сердце и сожалѣніе о мнѣ заслуживаютъ мое обожаніе.

Мнѣ кажется, *Кавалеръ*, чтобъ это лучше было отложено. Отложено! Сударыня. *Маркизь* и *Генераль* пріѣдутъ; и сердце мнѣ вѣщаетъ, что я навсегда лишусь щастія ее видѣть.

На етотъ разъ по крайней мѣрѣ лучше, чтобъ это было отложено, Сударь.

Естли вы требуете моего послушанія; то я долженъ вамъ оное оказать, Сударыня, и только отъ Бога могу надѣяться щастія познать всѣ ваши милости; да сохранить онъ здравіе дражайшей вашей дочери! да низпошлетъ вамъ Его Всемогущество всякое щастіе! время можетъ нѣчто въ мою пользу сдѣлать, время и свидѣтельства моего сердца... Но вы никогда не видѣли предъ собою нещастнѣйшаго человѣка.

Я взялъ смѣлость поцѣловать ея руку и удалился отъ нее въ великомъ движеніи. *Камилла* тотчасъ пошла за мною въ слѣдъ. Она мнѣ говорила, что *Маркиза* хотѣла знать, не увижусь ли я съ сыномъ ея *Иеронимомъ*. Богъ да благословитъ дражайшаго моего друга! отвѣчалъ я ей. Видѣться съ нимъ мнѣ не можно. Я бы только одни жалобы ему приносить могъ. Всѣ бы мученія моего сердца предъ нимъ были изъявлены. Препоручите меня въ его дружество. Да ниспошлетъ Богъ небесныя свой щедроты на всѣхъ ихъ. *Камилла*, услужливая *Камилла*, прости.

О! дражайшій *Докторъ*! но кто можетъ осуждать *Маркизу*? Она должна была отвѣчать за свой поступки въ отсутствіе мужа. Она знала рѣшительное намѣреніе своей фамиліи: а ея *Клементина* хотѣла по видимому оказать мнѣ болѣе милости, нежели сколько приличествовало по тогдашнимъ обстоятельствамъ. Однако она имѣла случай замѣтить, что ея любезная дочь въ тогдашнемъ своемъ состояніи не легко оставляла то, что твердо предприняла исполнить: впрочемъ ее не пріучили сносить противорѣчія.

На другой день пришла ко мнѣ *Камилла* отъ *Маркизы*, которая приказала ей просить у меня извиненія, что не позволила мнѣ проститься съ ея дочерью. Она меня просила ни на что иное не взирать въ семь отказъ, какъ только на ея осторожность въ семь благоразуміи. Она обѣщала на всегда ко мнѣ хранить уваженіе и далѣе столько благопріязни, какъ будто самыя лестныя ея желанія были исполнены. *Маркизь делла Порреттта*, *Графъ* его братъ, *Епископъ Ноцера* и *Генераль* вчера въ вечеру пріѣхали. Она подвержена была многимъ укоризнамъ за то, что согласилась на вчерашнее мое свиданіе съ ея дочерью; но она тѣмъ менѣе о томъ жалѣла, что съ самой нашей разлуки *Клементина* показывалась очень довольною и весьма спокойно отвѣчала на всѣ вопросы своего отца. Однако она желаетъ, чтобъ я выѣхалъ изъ Болоніи, какъ для пользы ея дочеря, такъ и для своей собственной. *Камилла* сказала мнѣ отъ *Иеронима*, что онъ весьма бы радъ былъ, естлибъ я уѣхалъ въ Тридентъ или Венецію. Она присовокупила, какъ бы отъ себя самой, что *Маркизь*, *Графъ* его братъ и *Генераль* дѣйствительно осуждали наше свиданіе: но были однако весьма довольны тѣмъ, что *Маркиза* не позволила мнѣ еще видѣться съ его дочерью, когда та записка, которую приказала она мнѣ подписать, подавала ей по видимому нѣкую надежду продолжать наше дѣло на такомъ основаніи: они казались всѣ согласны въ своихъ намѣреніяхъ и думая что я буду всегда готовъ слѣдовать ихъ произволеніямъ не почитали уже сродство мое съ ними приличнымъ, разсмотря какая моя природа, имѣніе и честь: словомъ, *Камилла* дала мнѣ заключить изъ своего повѣствованія, что какъ всѣ ихъ выгоды были рассмотрены; то мои очень много потеряли въ сравненіи съ оными, такъ что трудности стали теперь непреодолимы. Они дошли даже до того, что

съ строгостію объяснялись съ *Иеронимомъ* о той горячности, съ какою онъ вступалъ въ мои выгоды. Духовникъ былъ возвращень. У него спрашивали совѣтовъ, какъ у Оракула. Наконецъ и *Графъ Бельведере* входилъ въ сей планъ. Они намѣревались его увѣдомить, что прежнія его предложенія были бы въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ приняты и не разбирая тонкости съ мысляхъ своихъ ласкались, что мужъ будетъ для нее надежнѣйшимъ врачествомъ, нежели всѣ тѣ, кои прежде употреблены были.

Примѣч: Г. *Грандиссонъ* продолжаетъ описывать съ великою подробностію всѣ случившіяся въ продолженіи нѣсколькихъ дней произшествія въ фамиліи. Онъ получилъ освѣдомленія не только отъ *Иеронима*, которой усиленно его просилъ выѣхать изъ Болоніи, но и отъ ихъ духовника, которой самъ къ нему приходилъ и по нѣкоторыхъ объясненіяхъ ощутилъ въ себѣ все достодолжное къ нему уваженіе и дружество, и даже ставъ на колѣна молился усердно о его освѣдомленія. Но не видя ни какого плода отъ сей своей ревности, увѣщеваешь его такъ же изъ города удалиться. *Кавалеръ* задерживанъ былъ по двумъ причинамъ: по нѣжному его состраданію къ *Клементинѣ*, коей болѣзнь, какъ его увѣдомляли, со дня на день умножалася, и по опасеніи, дабы ему самому не проступить, естлибъ вдругъ согласился онъ на такія прозбы, въ коихъ усматривалъ нѣкія угрозы. Наконецъ прислано ему было письмо весьма осторожно писанное отъ *Маркиза*, въ коемъ сей огорченный родитель просилъ его, не налагая ему ни какого закона, подать ему способъ увѣрить свою дочь въ отъѣздѣ его въ Англію. Оно рѣшило его намѣренія; онъ обѣщалъ ѣхать; но писалъ въ отвѣтъ *Маркизу*, что поелику въ сердцѣ своемъ ни какихъ укорицъ для себя не находитъ а питаетъ напротивъ того искреннюю признательность къ фамиліи за прежнія ея благодѣянія; то и проситъ позволенія лично съ оною проститься. Такое требованіе произвело между ими великіе споры. Большему числу изъ нихъ оно показалось весьма смѣлымъ. Но какъ *Иеронимъ* съ жаромъ имъ представлялъ, что она достойно его друга, его избавителя и невиннаго ни въ чемъ чловѣка, не желающаго дабы его отъѣздъ походилъ на удаленіе виновнаго; то и заключено пригласишь *Кавалера* по надлежащимъ обрядамъ, и назначили два дни для собранія другихъ ихъ родственниковъ, кои никогда его не видя, хотѣли до сей послѣдней разлуки узнать иностранца, котораго по толь многимъ произшествіямъ почитали за необыкновеннаго чловѣка.

Между тѣмъ *Иеронимъ* въ весьма продолжительномъ письмѣ увѣдомляетъ его о всемъ что ни происходило у нихъ въ домѣ. Въ назначенный день Г. *Грандиссонъ* былъ у *Маркиза* и во всемъ собраніи велъ себя съ такимъ благородствомъ, умѣренностію и благоразуміемъ, что отъ всѣхъ заслужилъ уваженіе и пріязнь. Слышны тогда были одни только вздохи и нѣжное сожалѣніе: всѣ проливали слезы. Каждой

желалъ ему щастія и просилъ его дружбы, исключая однако *Генерала*, которой на противъ того старался его оскорблять гордыми своими взглядами и нѣкими колкими выраженіями. Онъ нашелъ способъ отвѣчать ему съ такою же твердостію, какъ вѣжливостію и умѣренностію. Онъ удовольствовалъ всѣхъ; и говорилъ въ собраніи съ однимъ послѣ другаго, даже и съ самимъ *Генераломъ*, коего сила разума и справедливости сдѣлала безмолвнымъ. Они весьма много оказывали ему уваженія, изъ чего казалось что ихъ дѣло спокойно окончится. Однако когда *Кавалеръ* подошелъ къ *Иерониму* и хотѣлъ его обнять; то *Генераль* вставъ, подошелъ къ нему и говорилъ тихимъ голосомъ. Вы не можете думать, государь мой, чтобъ я въ хорошую сторону принялъ нѣкоторыя ваши рѣчи, и даже полагаю, что вы не съ такимъ намѣреніемъ оныя говорили. Я объ одномъ только хочу васъ спросить; въ которой день вы поѣдете?

Здѣсь входитъ самъ *Кавалеръ* въ сей разговоръ. Позвольте мнѣ, государь мой, отвѣчалъ я ему безъ всякаго принужденія, спросить также и васъ, когда вы намѣрены возвратиться въ Неаполь?

Къ чему такой вопросъ ?

Я вамъ о томъ скажу откровенно. Вы мнѣ съ начала нашего знакомства, государь мой, оказали честь, приглашая меня ѣхать въ Неаполь, и я на то согласился. Если вы не на долго отложите свой отъѣздъ, то я не только намѣренъ тамъ засвидѣтельствовать вамъ свое почтеніе, но испросить у васъ въ домѣ себѣ жилище: а какъ я не думаю, чтобъ заслужилъ въ томъ вашего отказа; то и ласкаюсь, что буду тамъ принять стольже милостиво, сколько благопріятства оказали вы мнѣ своимъ приглашеніемъ. Я думаю, что завтра по ѣду изъ Болоніи.

О братецъ! сказалъ ему *Епископъ Ноцера*, не уже ли не уступите вы такимъ великодушнымъ чувствованьямъ?

Искренно ли вы говорите? Спросилъ гордой *Генераль*.

Такъ точно, государь мой. Я имѣю при разныхъ дворахъ въ Италіи многихъ почтенныхъ друзей, съ коими хочу проститься, прежде нежели выѣду изъ такой земли, которую отчаяваюсь впредь видѣть. Я чрезмѣрно желаю, дабы и васъ могъ считать въ числѣ оныхъ. Но я не усматриваю еще того вида дружества, которой ищу въ вашихъ взорахъ. Позвольте мнѣ, государь мой предложить вамъ мою руку. Честной человѣкъ унизился бы, еслибъ отвергъ дружественныя представленія отъ честнагоже человѣка. Я въ томъ ссылаюсь, государь мой, на собственныя ваши чувствованія.

Онъ довольствовался тѣмъ, что поднялъ только руку, когда увидѣлъ что я ему подавалъ мою. Я не безъ гордости, любезной *Докторъ*, вы это знаете, и въ семъ случаѣ я чувствовалъ мое надъ нимъ превосходство. Я принялъ его руку, такъ какъ онъ мнѣ ее подавалъ; но жалѣлъ нѣсколько о принужденномъ его видѣ и о его движеніи, въ коемъ не познавалъ уже

тѣхъ пріятностей, какія всегда соединены бываютъ съ тѣмъ, что онъ ни дѣлаеть и ни говоритъ, *Епископъ* меня обнялъ: ваша умѣренность, сказалъ онъ мнѣ, даетъ вамъ всегда преимущество. О *Кавалеръ!* вы есть изящнѣйшее произведеніе рукъ Всемогущаго. Любезной мой *Иеронимъ* утиралъ глаза и простеръ ко мнѣ свои объятія. *Генералъ* же мнѣ говорилъ: я черезъ недѣлю буду въ Неаполѣ. Я столько тронуть нещастіями моей фамиліи, что не могу вести себя такъ, какъ бы въ семъ случаѣ долгъ отъ меня требовалъ. Но истиннѣ, *Грандиссонъ*, трудно тѣмъ людямъ кои страждутъ сохранять всѣ добродѣтели въ одномъ степени. Такъ, любезной *Графъ*, отвѣчалъ я ему, и я его самъ чувствую. Моя надежда, подкрѣпляемая столь лестнымъ для меня стараніемъ теперь уничтожается и оставляетъ мнѣ одно только отчаяніе.

И такъ могу я ожидать васъ въ Неаполѣ? Прервалъ онъ мою рѣчь по видимому съ тѣмъ дабы удалишь всѣ таковыя мысли.

Можете, государь мой: но въ продолженіе сего времени прошу у васъ милости, дабы вы съ тихостію поступали съ вашею любезною *Клементиною*: по что не могу сказать съ моею? Да еще позвольте мнѣ испросить у васъ милости, которая только до меня касается; увѣдомьте ее что я простился со всею вашею фамиліею и при моемъ отъѣздѣ отъ искренней дружбы желаю ей всякаго благополучія. Я не предлагаю сей прозбы господину *Иерониму* потому что онъ изъ любви ко мнѣ вошелъ бы въ такія подробности, кои бы могли умножить наши прискорбія.

Замѣчаніе. Г. *Грандиссонъ* оставилъ всѣхъ зрителей въ удивленіи къ своимъ достоинствамъ. Онъ вышелъ отъ нихъ обремененный сильнѣйшею скорбію, но не преминулъ однако изліять свою щедрость на служителей, кои съ горестію жалѣли, что не видятъ его въ числѣ своихъ господъ.

Въ тотъ же самой день и на другой до своего отъѣзда увѣдомился онъ изъ писемъ *Иеронима* и въ послѣднія посѣщенія *Камиллины*, что въ домѣ *Порреттовъ* спокойства не было, и что нещастная *Клементина* извѣщенная о его намѣреніи, впала паки въ задумчивость и въ скорби своей приходила въ заблужденіе ума. Но какъ онъ лишился всей надежды ее видѣть; то и поѣхалъ въ Флоренцію, гдѣ остановился только для тогъ, чтобъ приказать своему банкиру изготвить изчисленіе наслѣдства дѣвицы *Жервинсъ*. У него были въ Сиеннѣ, въ Анконѣ, а особливо въ Римѣ столь любезные ему друзья, что онъ весьма хотѣлъ съ ними видѣться прежде возвращенія въ свое отечество: но какъ онъ имѣлъ таковыхъ и въ другихъ мѣстахъ Италіи; то его еще болѣе его понудило выполнить обязательство данное *Генералу*. Онъ прибылъ въ сей городъ къ тому времени, которое къ сему назначилъ.

Генералъ, пишетъ онъ, принялъ меня больше съ учтивостію чемъ съ пріязнію. По первыхъ вѣжливыхъ отзывахъ онъ мнѣ говорилъ: вы самые щастливые изъ людей: пренебрегая опасности нашли вы способъ

предохранить себя отъ оныхъ. Я признаюсь вамъ, что много дѣлалъ себѣ насилія, что не посѣтилъ васъ въ Болоніи для важныхъ причинъ. Я намѣрился сдѣлать оное прежде, нежели вы мнѣ подали надежду оказать мнѣ здѣсь сію честь.

Я весьма бы сожалѣлъ, отвѣчалъ я ему, естлибъ видѣлъ у себя брата *Клементины* для такой причины, которая бы не позволила меня почитать его ея братомъ. Но не присовокупляя къ тому ни слова, позвольте мнѣ навѣдаться о ея здравіи. Въ какомъ состояніи находится превосходнѣйшая отъ своего пола особа?

Такъ вы объ етомъ не знаете? Не знаю, государь мой, но это не отъ того, чтобъ я не старался. Я посылалъ трехъ нарочныхъ, но не получилъ отъ нихъ никакого удовлетворенія.

Вы не узнаете отъ меня такого, котороебъ много онаго вамъ причинить могло.

Какое усугубленіе моихъ скорбей! Въ какомъ состояніи находятся по крайней мѣрѣ *Маркизь* и *Маркиза*.

Не спрашивайте о томъ Они чрезмѣрно несчастны.

Я увѣдомленъ что мой любезной другъ *Иеронимъ* вытерпѣлъ.... страшную операцію? прервалъ онъ; такъ васъ не обманули. Сколь достоинъ онъ сожалѣнія? Онъ не могъ васъ самъ о томъ увѣдомить. Боже да сохранить его намъ! Но вы, *Кавалеръ* спасли только половину его жизни, хотя мы вамъ много обязаны, что вы возвратили въ наши объятія столь драгоцѣнные намъ остатки.

Я мало участвовалъ въ семъ произшествіи, государь мой, и никогда не вмѣнялъ оное себѣ въ заслугу: все сіе сдѣлалось по случаю. Мнѣ оно ничего не стоило и ету заслугу мою съ лишкомъ уже уважили.

Дай Боже, чтобъ и всякой подобныя услуги оказывалъ! Сіе произшествіе, государь мой, понуждаетъ меня желать того же самаго и отъ другихъ.

Онъ мнѣ показывалъ свои картины, статуи и хранилище любопытныхъ и рѣдкихъ вещей; но не столько для удовольствованія моего вкуса, сколько для своего тщеславія. Я даже замѣтилъ въ его поступкахъ больше холодности. Онъ взглядывалъ на меня пасмурно и тѣмъ оказывалъ болѣе негодованія, нежели той открытости, какую можетъ быть долженъ бы былъ ко мнѣ имѣть, когда я переѣхалъ двѣсти миль для того только, чтобъ его посѣтить и изъявить свою довѣренность на его честность.

А какъ такой поступокъ вредилъ ему же самому; то я довольствовался тѣмъ, что о немъ сожалѣлъ: но былъ чувствительно тронутъ, что не могъ отъ него получить ни малѣйшаго объясненія о здравіи такой особы, коея болѣзни терзали мое сердце. За обѣдомъ было нарочито много гостей и разговоръ былъ общій. Онъ не преставалъ поступать со мною съ великимъ уваженіемъ: но я усматривалъ въ томъ

больше притворства, и тѣмъ болѣе мучился, что всѣ такія принужденныя поступки приводили меня въ страхъ, не производили какія новыя злополучія въ Болоніи со времени моего отъѣзда.

Онъ предложилъ мнѣ проходиться по саду. Вы по крайней мѣрѣ недѣлю у меня пробудете, *Кавалеръ*?

Нѣтъ, государь мой. Мнѣ за важными дѣлами должно быть необходимо во Флоренціи и въ Римѣ. Я думаю завтра ѣхать въ Римъ, а оттуда отправлюсь въ Тоскану.

Такая поспѣшность приводитъ меня въ изумленіе. Вамъ нѣчто въ поступкахъ моихъ не нравится, *Кавалеръ*?

Я признаюсь, государь мой со сродною мнѣ откровенностію, что не вижу въ васъ болѣе той благопривѣтливости и ласки, какую при другихъ случаяхъ въ васъ усматривалъ.

Божусь вамъ, *Кавалеръ*, что мало такихъ людей, къ коимъ бы я чувствовалъ болѣе склонности, нежели къ вамъ: но я равно признаюсь, что здѣсь взираю на васъ не съ такимъ дружелюбіемъ, какъ удивленіемъ.

Не требуютъ ли сіи слова, государь мой, нѣсколько объясненія. Вы удивляетесь очевидной моей довѣренности: а въ такомъ смыслѣ я благодарю васъ за такое мнѣніе, которое приноситъ мнѣ честь.

Я не усматриваю въ семъ ничего для васъ оскорбительнаго; а разумѣю особливо въ сихъ словахъ то благородное намѣреніе, которое васъ сюда привело, и великодушіе оказанное вами въ Болоніи, когда прощались со всею моею фамиліею. Но не входило ли тутъ желанія меня обидѣть?

Единое мое тогда намѣреніе было то, чтобъ показать вамъ, какъ и здѣсь, что вы не всегда имѣли о моихъ чувствованіяхъ то мнѣніе; какое думаю я заслуживалъ. Но когда я примѣтилъ, что вы начали разгорячаться, то вмѣсто отвѣта на вашъ вопросъ о моемъ пребываніи въ Болоніи, я предложилъ самъ ѣхать за вами въ Неаполь, и при томъ такими словами, кои конечно ни мало вамъ обидны быть не могли.

Я признаюсь, *Кавалеръ*, что отъ того пришелъ въ замѣшательство. Я намѣренъ былъ избавить васъ отъ сей поѣздки.

Въ семъ ли намѣреніи, государь мой, сдѣлали вы мнѣ честь своимъ приглашеніемъ?

Совершенно нѣтъ. Я ни на что еще тогда не рѣшился. Я хотѣлъ съ вами говорить, но не зналъ какое будетъ слѣдствіе сего переговоровъ. Но естълибъ я вамъ предложилъ выдти, соотвѣтствовали либъ вы моимъ требованіямъ?

Судя по объясненію, какое бы вы мнѣ о томъ подали.

И согласныбъ были теперъ на оныя естълибъ ѣхалъ съ вами до Рима предъ возвращеніемъ вашимъ въ Флоренцію?

Согласился бы, естлибъ то требовало соотвѣтствованія. Но думаете ли вы, чтобъ я могъ предлагать что нибудь такое, которое бы того не требовало?

Государь мой, я думаю, что долженъ обстоятельнѣе съ вами изъясниться. Вы приняли противъ меня худо основанныя прерасужденія. Вы какъ кажется, приписываете мнѣ тѣ нещастія, къ коимъ не можете быть болѣе меня чувствительны. Я знаю свою невинность. Я имѣю право почитать себя оскорбленнымъ тою тщетною надеждою, какую произвольно мнѣ подавали, когда не можно меня укорять, чтобъ я лишился оной своимъ проступкомъ. Какое опасеніе можетъ смущать сердце невинное и оскорбленное? Естлибъ я оказалъ слабость; то она послужила бы къ моему вреду. Не былъ ли я среди вашихъ родственниковъ въ качествѣ только иностранца, и могъ ли избѣжать васъ, хотя бы къ тому и былъ способенъ, ежелибъ вы приняли намѣреніе меня искать? Я всегда, какъ честный человекъ, пойду лучше противъ моего непріятеля, нежели стану отъ него укрываться, какъ виновный. Побѣгъ въ моемъ отечествѣ почитается за признаніе въ преступленіи. Ежелибъ вы мнѣ учинили такія предложенія, коимъ бы мнѣ не прилично было соотвѣтствовать; то я принесъ бы вамъ о томъ свои жалобы, и можетъ быть съ такимъ же спокойствіемъ, какое здѣсь во мнѣ видите. Естлибъ вы не захотѣли меня слушать, но я не упустилъ бы защищать себя по надлежащему: но ни за что бы въ свѣтъ не поранилъ, когдабъ того миновать могъ, брата *Клементины и Иеронима*, и сына *Маркиза делла Порретты*. А ежелибъ ваша вспыльчивость подала мнѣ надъ вами нѣкое преимущество, естлибъ на примѣръ васъ обезоружилъ, то поднесъ бы вамъ обѣ наши шпаги и раскрылъ бы вамъ свою грудь. Она уже пронзена печальми вашей любезной фамиліи и можетъ быть присовокупилъ бы только сіи слова: отмщайте за себя, естли думаете, что я нанесъ вамъ какое-либо оскорбленіе.

Теперь находясь въ Неаполѣ объявляю вамъ, государь мой, что естли вы рѣшились ѣхать со мною съ другими какими намѣреніями, а не дружественными; то и нынѣ не перемѣню моего поступка. Я положусь на свою невинность и надежду преодолѣть великодушнаго человека великодушнымъ дѣйствіемъ. Одни виновные ищутъ своей безопасности насиліемъ и убійствомъ.

Какая гордость! сказалъ онъ мнѣ въ движеніи и осматривая меня съ ногъ до головы. Да на чемъ, скажите пожалуйста, основываете вы надежду получить тогда нѣкое преимущество?

Когда я буду спокоенъ и разположенъ единственно къ защищенію себя; когда увижу своего противника, колеблемаго страстьми, такъ какъ то всегда бываетъ съ нападателями; то несомненно почту, что одержу побѣду. Но противъ васъ, государь мой, естли не лишасъ вашего

почтенія могу обойтись безъ шпаги, то никогда не будетъ она обнажена. Невозможное дѣло, чтобъ вы не знали моихъ правилъ.

Я ихъ знаю, *Грандиссонъ*, знаю и то, что вамъ приписываютъ столькоже искусства сколько и храбрости. Думаете ли вы, чтобъ я терпѣливо слышалъ предложенія о сродствѣ, естлибъ ваши качества.... Тогда насказалъ онъ весьма много для меня лестныхъ похвалъ. Но по томъ показывая будто о томъ жалѣть говорилъ мнѣ: однако, *Грандиссонъ* возможноли, чтобъ моя сестра подвержена была такимъ сильнымъ недугамъ, естлибъ какія нибудь хитрости любовничіи....

Позвольте мнѣ прервать вашу речь, государь мой.... я не могу перенести такого подозрѣнія. Естлибъ хитрость имѣла въ томъ какое участіе; то бы зло сіе не столь было велико. Не можете ли вы считать свою сестру за дѣвицу, производящую отъ одного иль двухъ знаменитѣйшихъ поколѣній въ Италіи? Не можтели ее представить себѣ въ томъ состояніи, въ коемъ *Гжа. Бемонтъ* столь выразительно ее описывала, борющеюся противъ своего сердца и противъ самой себя за долгъ и законъ свой, твердо намѣрясь лучше умереть, нежели попуститься въ малѣйшую слабость? Почто вспомнилъ я сей пріятной предметъ? Но виденъ ли былъ когда-либо примѣръ страсти, столь благородно превозмогаемой? и не могу ли я присовокупить, что никакой человекъ не былъ меня въ такомъ дѣлѣ безкорыстнѣ, и не находился въ страннѣйшемъ противъ моего состояніи? Вспомните только о первомъ моемъ отъѣздѣ, которой былъ не токмо произволенъ но и противенъ ожиданію вашей фамиліи. Какое величіе духа при семъ случаѣ сказывалось въ дѣянїяхъ вашей сестрицы? и сколь благородны были еще ея признанія, когда *Гжа. Бемонтъ* вывѣдала отъ нее ту тайну, которая принесла бы мнѣ славу, естлибъ я былъ щастливъ и которая повергаетъ меня теперъ въ глубочайшее уныніе.

По истиннѣ, *Кавалеръ*, сестрица моя весьма благороднаго духа. Можетъ быть излишне въ поступкахъ своихъ соображались съ произшествїями, не разсматривая причинъ оныхъ.

Но позволить вамъ столь свободное съ нею обхожденіе? Съ такими качествами, кои въ васъ всѣ усматриваютъ и по коимъ, какъ я думаю, обстоятельства послужили къ большему изъявленію вашихъ достоинствъ.

Ахъ! Государь мой, прервалъ я его речь, объ етомъ также вы судите по произшествїямъ. Но у васъ есть письмо *Гжи. Бемонтъ*. Какое благороднѣйшее свидѣтельство великодушїя найти можно въ женщинѣ! другихъ доказательствъ къ защищенію моихъ поступокъ я приводить не буду.

Ето письмо у меня. *Иеронимъ* мнѣ его отдалъ при моемъ отъѣздѣ, и помню, что тогда онъ мнѣ говорилъ: *Кавалеръ Грандиссонъ*, (вотъ его слова,) не преминетъ побывать у васъ въ Неаполѣ. Вашъ горячій нравъ

меня приводитъ въ страхъ. Его твердость всѣмъ извѣстна. Вся моя надежда основывается на его правилахъ. Поступайте съ нимъ благородно. Я полагаюсь на ваше великодушіе, но прочитайте это письмо прежде его посѣщенія. Я признаюсь вамъ, продолжалъ *Генераль*, что я не имѣлъ охоты его читать; но я прочту тотчасъ, если вы позволите.

Онъ вынулъ изъ кармана письмо, и отошедъ на нѣсколько шаговъ прочиталъ оное. По томъ возвратясь ко мнѣ взялъ меня дружески за руку, говоря: я самъ себя стыжусь, любезный мой *Грандиссонъ*: я не оказалъ достоюднаго великодушія, признаюсь вамъ. Всѣ прискорбія несчастной фамиліи мнѣ представлялись живо и я васъ принялъ и поступалъ съ вами, какъ съ виновникомъ того зла, которое ни чему иному приписать не могу какъ злему нашему року. Я искалъ причинъ васъ оскорбятъ. Простите мнѣ. Располагайте всѣми усерднѣйшими моими услугами. Я увѣдомлю моего брата, съ какимъ великодушіемъ вы меня преодолѣли, прежде нежели имѣлъ нужду въ его письмѣ, но когда оное прочелъ, то крайне жалѣлъ, что прежде того не сдѣлалъ. Я заглаживаю свой проступокъ и поставляю себѣ въ славу имѣть такую сестру, какова моя. Однако я изъ сего самаго письма усматриваю, что благодарность моего брата способствовала тому злополучію кое мы оплакиваемъ. Но не станемъ больше говорить о сей несчастной дѣвицѣ. Для меня чрезмѣрно прискорбно вспоминать о ея бѣдствіяхъ.

Вы не позволите, государь мой....

Ахъ! *Кавалеръ*, пожалуйста сдѣлайте мнѣ сіе угожденіе. *Иеронимъ* и *Клементина* терзаютъ мою душу. Но ихъ здоровье не такъ худо, сколько страшиться о томъ могли. Не поѣхать ли намъ завтра ко двору? Я думаю представить васъ Королю.

Этой чести удостоился я въ первое мое путешествіе въ Италіи. Я обязанъ завтра ѣхать и простился уже съ нѣкоторыми друзьями живущими въ семъ городѣ.

Однако по крайней мѣрѣ вы у меня весь етотъ день пробудете?

Это и есть мое намѣреніе, государь мой.

Возвратимся къ гостямъ. Я имъ долженъ извиниться. Но я представляю имъ въ мое оправданіе необходимость вашего отъѣзда. Мы пришли въ гостиную и я усматривалъ въ *Генераль* одну только открытость и дружелюбіе.

Г. *Грандиссонъ* поѣхалъ на другой день и даже до самаго отъѣзда видѣлъ въ *Генераль* больше откровенности и ласки.

Пріѣхавъ въ Флоренцію онъ распорядилъ и привелъ къ концу все что ни касалось до наслѣдства его друга, съ тою горячностію и умѣренностію, какія въ немъ купно усматривали во всѣхъ дѣлахъ, кои онъ предпринималъ. То, чего бы другой и во многія мѣсяцы не сдѣлалъ, окончилъ онъ въ нѣсколько дней. Однако должно ему было преодолѣть

нѣкія препятствія отъ *Оливіи*. Онъ увѣдомился, что до его отъѣзда въ Неаполь *Гжа. Бемонтъ* по усиленнымъ прозьбамъ *Маркизы* возвратилась въ Болонію. Не получая никакого извѣстія отъ своего любезнаго *Іеронима* онъ рѣшился отписать къ *Гжѣ. Бемонтъ*, прося извѣститъ его о состояніи фамиліи, а особливо о здравіи своего друга, коего молчаніе по трехъ письмахъ посланныхъ къ нему одно за другимъ, приводило его въ чрезмѣрное опасеніе. Онъ объяснился сей Госпожѣ что естли не увидитъ никакого средства къ споспѣшествованію благополучія столь любезной ему фамиліи; то намѣренъ чрезъ нѣсколько дней ѣхать въ Парижъ. *Гжа. Бемонтъ* отписала ему слѣдующій отвѣтъ.

Государь мой.

Я ни о чемъ щастливом не могу васъ увѣдомить. Мы всѣ здѣсь въ чрезвычайномъ унынїи. Служителямъ приказано давать на всякія освѣдомленія невразумительные отвѣты и рачительно утаевать истинну.

Вашъ другъ *Іеронимъ* претерпѣлъ страшную операцію. О его выздоровленїи ни малой нѣтъ надежды; но съ того времени какъ онъ получилъ сію жестокою услугу отъ лѣкарей, естли лѣченіе не излишне далеко доведено, ласкаются по крайней мѣрѣ, что зло, коего страшатся, не столь еще скоро его постигнетъ.

Какъ онъ жалокъ? Однако при концѣ своихъ страданій опять началъ онъ беспокоиться о своей сестрицѣ и о васъ.

Прїѣхавъ въ Болонію я нашла *Клементину* въ плачевномъ состояніи: иногда приходила она въ изступленіе; иногда сидѣла въ молчанїи связанная, ибо сама подала причину страшиться, что предприметъ какое нибудь пагубное намѣреніе, такъ что принуждены были связать ей руки. Мнѣ кажется, что очень неосторожно выбрали способъ поступать съ нею.

Они употребляютъ то тихость, то строгость: и не слѣдуютъ ни какому образцу. Она чрезвычайно просила позволенія видѣться съ вами до вашего отъѣзда. Неоднократно просила она на колѣнахъ предъ ними сей милости, обѣщая быть спокойнѣе, естли окажутъ ей сіе угожденіе; но они боялись, чтобъ тѣмъ не умножить еще ея злополучія. Я ихъ за то осуждала и говорила что лучшее средство поступать съ нею есть тихость. Какъ только вы уѣхали изъ Болонїи, то увѣдомили ее о вашемъ отъѣздѣ. *Камилла* привела меня въ ужасъ, когда рассказала, въ какую ярость и отчаяніе пришла *Клементина* отъ такого объявленія; но по томъ молчаливость и глубочайшая задумчивость послѣдовали за сими сильными ея страстями.

Они ласкались при моемъ прїѣздѣ, что мое присутствіе и сотоварищество подадутъ ей нѣкое облегченіе. Но въ цѣлые два дни она меня почитай не примѣчала и не слушала моихъ словъ. На третій день примѣтя, что она чрезвычайно страдала, что не имѣетъ свободы, испросила я съ великимъ трудомъ, чтобъ развязали ей руки и позволили ей прогуляться со мною по саду. Они мнѣ дали выразумѣть, что очень

боятся, дабы ихъ дочь не бросилась тамъ въ воду; а какъ съ нами пошла ея горнишная, то я не преминула привести ее непримѣтнымъ образомъ въ ту сторону. Она сѣла на скамью на супротивъ большаго водопада; но не оказала никакою движенія, которое могло бы меня озаботить. Съ того самаго дня почувствовала она ко мнѣ болѣе любви и дружбы, нежели прежде. Когда я испросила ей свободу, то первое употребленіе ея рукъ было то, что она меня обняла и сокрыла свое лице въ моей груди. Я легко примѣтила, что ето было выраженіе ея благодарности, но она казалась мало расположена говорить со мною. Обыкновенное ея состояніе есть глубокая задумчивость сопровождаемая безмолвіемъ. Однако я иногда примѣчаю, что духъ ея сильно колеблется. Она встаетъ, чтобъ перемѣнить только мѣсто, и не долго остается на томъ, которое выберетъ, и такъ проходя отъ одного къ другому обходитъ вокругъ всей горницы. Такое зрѣлище пронизываетъ внутренность моего сердца. Никогда не видала я столь совершенной и любезной дѣвицы, какъ она. Въ непрерывномъ своемъ изступленіи она совершенно не умалила своего усердія къ совершенію молитвъ. Она сохраняетъ всѣ свои добрыя обычаи. Но въ другое время ее и узнать не можно.

Она часто занимается письмами, кои къ вамъ отослать намѣрена. Не упускаютъ однако ни одного случая тайнымъ образомъ уносить отъ нее то, что пишетъ; но она кажется того не примѣчаетъ; ибо никогда не спрашиваетъ, куда дѣвалось ея письмо, а беретъ еще бумаги и начинаетъ писать снова. Предмѣтами къ тому всегда избираетъ она святыхъ или ангеловъ. Она часто внимательно разсматриваетъ ландкарту Великобританіи, и я многожды слышала, что она воздыхала желая быть перенесена въ Англію.

Госпожа де *Сфорсъ* усиленно проситъ позволенія отвезти ее въ Урбинъ или Медіоланъ; но я надѣюсь что того не получить. Сколь нѣлепое дружество ни оказываетъ ей сія Госпожа, но она увѣрена, какъ я вижу, что только отъ одной строгости можно получить успѣхъ; а я на противъ того точно знаю, что ето никогда *Клементинъ* не будетъ служить въ пользу.

Я не долго могу съ нею прожить. Нещастія молодой особы столь любвидостойной приводятъ меня въ безмѣрное уныніе. Еслибъ я была ей въ чемъ нибудь полезна, то для сего согласилась бы охотно лишиться всего того, что дражайшаго во Флоренціи оставила: но я твердо увѣрена, такъ какъ и здѣсь дала выразумѣть, что одна минута ея съ вами свиданія имѣла бы больше дѣйствія для успокоенія ея духа, нежели всѣ тѣ строгости, кои съ нею употребляютъ не перестаютъ. Я думаю, что съ вами увижусь, государь мой предъ отъѣздомъ вашимъ изъ Италіи. Безъ сумнѣнія ето произойдетъ во Флоренціи, ежели не въ Болоніи. Вы столь будете великодушны что оставите сей выборъ на мою волю.

Я съ недѣлю живу уже въ семь домѣ, но ни малѣйшей еще надежды не вижу. Всѣ доктора, коихъ призывали для *Клементины*, предписываютъ имѣть строгія съ нею поступки а самой ей наблюдать должно великое отъ пищи воздержаніе: но естли не обманываюсь, дѣлають они ето изъ угожденія къ нѣкоторымъ особамъ фамиліи. Увы! злополучная *Клементина* имѣетъ столь великое отвращеніе отъ пищи, что смѣло можно ее уволить отъ всякихъ яствъ. Она пьетъ одну воду.

Вы просили меня, государь мой, обстоятельно васъ о всемъ извѣститъ. Я удовольствована ваше желаніе, хотя ко вреду моихъ глазъ, и не буду удивляться, естли сіе письмо приведетъ въ смущеніе такое чувствительное сердце, каково ваше. Да подастъ вамъ Богъ щастіе такими путями, какія васъ достойны. Сего искренно желаетъ ваша покорнѣйшая и пр:

Гортензія Бемонтъ.

Госпожа *Бемонтъ* выѣхала изъ Болоніи, проживъ тамъ двенадцать дней. Она видѣла *Клементину* въ спокойнѣйшія ея минуты и прощаясь съ нею спрашивала ея приказовъ. Любите меня, говорила она ей, и сожалѣйте о вашей злощастной пріятельницѣ. Не лъзя дѣлать одного безъ другаго. Еще одной милости хочу я у васъ испросить, прибавила она наклонясь къ ея уху: вы можетъ быть увидите *Кавалера*, хотя я не имѣю уже прежней надежды, но скажите ему, что *Клементина* бываетъ иногда весьма достойна сожалѣнія. Скажите ему, что она была бы здѣсь щастлива, естлибъ могла обрѣсть его по крайней мѣрѣ въ будущей жизни: но что онъ ее лишитъ и сего утѣшенія, ежели будетъ отвращать свое сердце отъ истинны, скажите ему, что я сочла бы за великую его милость, когда бы онъ не помышлялъ о женидбѣ, не объявля мнѣ съ кѣмъ, и не бывъ въ состояніи меня увѣрить, что будетъ любимъ избранною имъ особою столько, какъ другою.

О! Гжа. *Бемонтъ*, какое для меня будетъ нещастіе, естли *Кавалеръ* вступитъ въ бракъ съ такою особою, которая его не достойна.

Въ сіе время Г. *Грандиссонъ* изготовилъ все нужное къ отъѣзду, а я пріѣхалъ изъ Леванта и Архипелага, куда по его прозьбѣ сопровождалъ Г. *Бошампа*, общаго нашего друга. Онъ удостоилъ меня другимъ свидѣтельствомъ своей ко мнѣ довѣренности, поруча въ мое смотрѣніе *Миссъ Жервинсъ*, свою любезную питомицу, при госпожѣ *Бемонтъ*, коей попеченія, во время его отсудствія, совершенно соотвѣтствовали его ожиданію.

Тогда онъ писалъ къ *Епископу Ноцеръ*, предлагая ему, что онъ еще пріѣдетъ въ Болонію, естли его посѣщеніе не будетъ неприятно его фамиліи; но какъ сей новый знакъ его благодарности и приверженности къ нимъ не былъ за благо принятъ; то онъ поѣхалъ наконецъ въ Парижъ. Вскорѣ потомъ долженъ онъ былъ отправиться въ свое отечество по

причинѣ смерти своего отца; а спустя нѣсколько недѣль по своемъ возвращеніи писалъ ко мнѣ, чтобъ и я ѣхалъ обратно въ Англію съ его питомицею.

Можетъ быть вы сожалѣете, любезная моя *Биронъ*, что при окончаніи сего извѣстія не нашли о настоящемъ состояніи злополучной *Клементины* столько объясненій, сколько того желаете. Я въ краткихъ словахъ присовокуплю къ тому тѣ извѣщенія кои, послѣ отсюда получены.

Когда въ Болоніи увѣрились, что *Г. Грандиссонъ* выѣхалъ изъ Италіи; то фамилія *Порреттовъ* начала, хотя уже поздно, сожалѣть о томъ что не позволила быть тому свиданію, коего *Клементина* столь сильно желала и просила: а когда извѣстились, что онъ возвратился въ Англію для принятія наслѣдства своего отца; то такое усугубленное удаленіе, при одной мысли о *мортъ*, которое по ихъ мнѣніямъ противопологало имъ страшныя препятствія, учинило ихъ жалобы еще горчайшими. Для нѣкоего утишенія духа *Клементины* иннаго средства они не изобрѣли какъ то, чтобъ непрерывно ей быть въ упражненіи, и разѣзжать по разнымъ мѣстамъ: ибо немогши испросить свиданія съ *Г. Грандиссономъ* сохраняла она всегда сіе самое желаніе. Сперва ее возили въ Ноцеру, Римъ и въ Неаполь, по томъ во Флоренцію, Медіоланъ и даже до Турина. Подавали ли они ей надежду свидѣться съ *Г. Грандиссономъ*; того я не знаю, но справедливо то, что она при концѣ каждой поѣздки ласкалась его увидѣть и что сіе ожиданіе приносило ей больше спокойствія въ ея путешествіи. Иногда ѣздила съ нею *Маркиза*, коей, какъ судили, перемѣна воздуха и движеніе стольже нужны были для здравія, какъ и ея дочери, а иногда *Гжа. Сфорсъ* и другія ея родственники. Но какъ такія поѣздки съ лишкомъ за три мѣсяца предъ симъ окончились, то больная *Клементина* начала ихъ обвинять, что ее обманывали. Она стала весьма нетерпѣлива и два раза покушалась отъ нихъ бѣжать. Они по страху своему начали ее уже запирасть въ горницѣ и съ начала по прошенію *Гжи. Сфорсъ*, единственно для опыта отвезли ее въ монастырь, гдѣ она была нарочито спокойна. Но какъ скоро *Генераль*, съ коимъ о семъ не совѣтывались, узналъ такую перемѣну, то по такимъ причинамъ, кои понять мнѣ кажется трудно, оказалъ о семъ прискорбіе и по его усиленнымъ прозьбамъ она немедлѣнно возвращена въ домъ отеческій. Воображеніе ея еще болѣе стало наполнено ея учителемъ, ея другомъ и *Кавалеромъ*. Она горитъ нетерпѣливостію его видѣть. Я почитаю ихъ весьма достойными осужденія, естли они склонили ее для сей самой надежды путешествовать; ибо она послужила только къ усугубленію сильнаго ея желанія къ такому свиданію. Естли буду я имѣть, говоритъ она, утѣшеніе его еще разъ видѣть, дабы ему сказать, съ какою жестокостію со мною поступаютъ, то сіе привело бы у ней въ забвеніе всѣ ея печали. Она увѣрена, что возбудитъ въ немъ нѣсколько сожаленія,

хотя всё о ней того не оказываютъ. За нѣсколько дней *Сиръ Карль* получилъ отъ *Епископа Ноцеры* нѣжное и весьма понудительное письмо, коимъ приглашаетъ его еще ѣхать въ Болонію. Я оставляю ему самому стараніе сообщить вамъ о семъ его намѣреніи, тѣмъ болѣе что до сего времени я только что прочелъ мимоходомъ сіе послѣднее письмо, которое возобновило всё мученія его сердца. Онъ также получилъ письмо и отъ *Камиллы*, которая его увѣдомляла, не говоря по чьему приказу, что всё искренно желаютъ его возвращенія въ Болонію.

Клементинъ угрожаетъ то смертельное расслабленіе, которое здѣсь называютъ изтощеніемъ жизненныхъ духовъ. *Графъ Бельведере* не менѣе ее обожаетъ. Онъ приписываетъ безпорядокъ ея разума меланхолическимъ чувствованіямъ касательно закона; а какъ подробности домашнихъ обстоятельствъ не довольно были свѣдомы; то сожаленіе, къ коему онъ по природѣ сродень, наполняетъ его искреннимъ о ней состраданіемъ. Однако онъ знаетъ, что безъ чрезвычайной ея приверженности къ своимъ правиламъ она бы предпочла *Кавалера Грандиссона* всякому другому человѣку, и не только отъ такой мысли не охладѣваетъ, но удивляется еще такому великодушію, по коему она предпочитаетъ законъ своей любви.

Иеронимъ все еще находится въ весьма печальномъ положеніи. *Сиръ Карль* пишетъ къ нему часто съ тою искренностію и любовію, какую поставляетъ за долгъ оказывать превосходному своему другу. Въ послѣднемъ письмѣ увѣдомляютъ его что лѣкари хотятъ начать надъ нимъ новую операцію и что успѣхъ оной очень сумнителенъ.

Съ сколь благороднымъ духомъ *Сиръ Карль* переноситъ такія тяжкія печали! Ибо прискорбія его друзей бываютъ всегда его мученіями. Но сердце его въ тайнѣ кровію наполняется. Чувствительное сердце есть такое благо, которое дорого стоитъ тѣмъ, кои его имѣютъ; но кое не захотѣли бы они промѣнять ни на какое другое благо.

Сіе самое служитъ также нравственнымъ доказательствомъ невинности; поелику сердце удобное дѣлать печали другаго, не можетъ быть таковымъ, которое бы произвольно могло оныя наносить другому.

Я ласкаюсь, что любезная *Миссъ Биронъ* довольна будетъ повиновеніемъ, кое я изъявилъ ея приказу. Она не менѣе тутъ найдетъ точности и вѣрности какъ и въ томъ повѣствованіи, которое касается до всѣхъ произшествій съ *Олівією*. Но какъ она опечаливала себя столь печальными изображеніями, то я прошу, дабы для своего утѣшенія позволила она мнѣ привлечь ея взоры на другой порядокъ вещей, которой будетъ истиннымъ источникомъ силы и утѣшенія для разумной души.

ПИСЬМО XLIX.

Миссъ Биронъ къ Люціи Сельби.

Въ тотъ же день.

Кавалеръ Грандиссонъ прибылъ къ намъ вчера въ вечеру. Съ обыкновенною учтивостію послалъ онъ навѣдаться о моемъ здоровьѣ и просить *Г. Ревса* придти къ нему въ сіе утро на завтракъ. Для его ли или для меня употребляетъ онъ такія церемоніи? Можетъ для обоихъ. И такъ я скоро увижу благородной предметъ любви *Клементининой*, ея будущаго.... Ахъ *Люція*!

Но вы видите, что главная его учтивость относилась къ *Г. Ревсу*. Останется ли мнѣ въ своей горницѣ? и дожидаться ли пока онъ не захочетъ со мною видѣться? Онъ мнѣ нѣсколько обязанъ за то движеніе, въ которое меня привелъ въ библіотекѣ *Милорда Л...* съ того времени я его почитай не видѣла. Честь мнѣ запрещаетъ, говорилъ онъ мнѣ тогда.... однако честь мнѣ велитъ.... но я не могу не оказать справедливости, великодушія, ни думать о чемъ иномъ, кромѣ собственныхъ моихъ выгодъ.... Сіи слова, любезная *Люція*, еще слышатся въ ушахъ моихъ. Какъ ихъ растолковать? *Честь мнѣ запрещаетъ....* Что же? изъясниться? Онъ мнѣ рассказывалъ весьма трогательное повѣствованіе и окончилъ оное: что же можетъ ету честь запрещать? *Однако честь мнѣ велитъ.* Кто препятствовалъ ему слѣдовать законамъ чести? *Но я не могу не оказать справедливости:* можетъ быть, *Клементинъ*. Кто принуждаетъ его не оказывать оной *справедливости*? Я того отъ васъ не опасаюсь, *Сиръ Карль Грандиссонъ*. Слава ваша помрачается, когда занимаете свои мысли такими маловажными заботами, какъ будто бы ваши качества подвержены были искушенію показать васъ несправедливымъ, какъ будто вы имѣете нужду имѣть всегда противъ самага себя осторожность.

Я не могу не оказать великодушія.... Кому же? безъ сумнѣнія знаменитой *Италіанкѣ*. Онъ долженъ имѣть о ней состраданіе. Но не уже ли я своею прозьбою обязала его мнѣ ето объявлять, какъ будтобъ желала, чтобъ онъ менѣе оказалъ мнѣ великодушія, нежели хочетъ? Такой мысли я перенести не могу. Не то ли ето, какъ будтобъ онъ сказалъ: *Нѣжнач Генріетта*, я вижу, чего вы отъ меня ожидаете; но я долженъ оказать состраданіе и великодушіе *Клементинъ*. Однако же какое ето слово *состраданіе!* *Добродетельная Клементина*, я о васъ печалюсь, что вы находите въ немъ только великодушнаго человѣка. О! да предохранить меня судьба отъ необходимости быть предметомъ состраданія какого-либо человѣка, не выключая и *Кавалера Грандиссона!*

Но что онъ хотѣлъ выразить словомъ *собственная выгода*? Я того не понимаю. *Клементина* получила на свою часть весьма великое имѣніе; а *Генріеттино* посредственно. Онъ не можетъ не оказать справедливости и великодушія, ни думать о чемъ иномъ, кромѣ собственныхъ выгодъ....

послѣднія слова приводятъ меня въ замѣшательство, когда произнесены такимъ человѣкомъ, которой ни чего на вѣтеръ не говорить.

Очень хорошо; но между тѣмъ какъ я съ собою разсуждаю, а время завтрака наступаетъ. Я хочу сойти въ низъ, дабы избѣжать всякой принужденности. Я постараюсь взирать равнодушно на того, коему мы всѣ удивлялись и коего въ продолженіи двухъ недѣль разсматривали въ толь различныхъ видахъ; Христіанинъ, герой, другъ.... Ахъ *Люція!* Любовникъ *Клементины*, скромный и великодушный благотворитель, образецъ благодушія и всѣхъ добродѣтелей. Но онъ идетъ! пока я забавляюсь перомъ а онъ пришелъ. Да и чего ты меня удержала, дорогая *Люція?* Теперь я глупицкая должна сойти въ низъ съ торопливостію однако она хочетъ дожидать, пока ее кликнутъ.

А это въ сію самую минуту и сдѣлано.

О *Люція!* Какой разговоръ должна я тебѣ разсказать? Но надлежитъ привести тебя къ нему постепенно.

Сиръ Карль подошелъ ко мнѣ, какъ скоро меня увидѣлъ. Онъ показался мнѣ во всемъ своемъ совершенствѣ; его скромность, вѣжливость и при томъ не принужденной видъ и ласковая благопривѣтливость толико его отличали, что я того описать не могу. По первому его движенію я сперва было подумала, что онъ хочетъ меня взять за руку, и признаю съ тебѣ, что ни той ни другой руки я не отдернула. Съ какимъ искусствомъ умѣетъ онъ соединять съ толь откровенными поступками такое уваженіе, которое могло удовлетворить и самихъ принцессъ?

Послѣ завтрака Г. и Гжа. *Ревсъ* отозваны были къ *Кавалеру Аллетрису* и его племянницѣ, кои обыкновенно по утрамъ принимаютъ посѣщенія: а я осталась одна съ *Сиромъ Карломъ*. Тогда съ видомъ равно учтивымъ сколь и дружественнымъ, началъ онъ говорить слѣдующую рѣчь.

Въ послѣдній мой разговоръ съ вами, разсказалъ я вамъ, *Миссъ Биронъ*, весьма трогательное происшествіе, и былъ увѣренъ, что оно возбудитъ въ такомъ сердцѣ, каково ваше, великодушное соболѣзнованіе объ одной изъ первыхъ особъ вашего пола. Я ласкался, что не заслужа никакой укоризны, дабы поступилъ въ чемъ безразсудно или нескромно, и самъ буду имѣть нѣкое участіе въ вашемъ сожаленіи. Мнѣ показалось, *Сударыня*, что сіе печальное повѣствованіе чувствительно васъ тронуло, и дабы не допустить до унынія васъ, (позвольте мнѣ примолвить также и себя самага) я просилъ *Доктора* объяснить вамъ премногія обстоятельства, о коихъ я не могъ васъ столь подробно извѣстить, какъ онъ. Онъ мнѣ отдалъ отчетъ во всемъ томъ, что вамъ ни сообщилъ. Я помню, въ какое смущеніе привело васъ мое повѣствованіе и несумнѣваюсь, чтобъ въ такомъ чувствованіи благодушія и соболѣзнованія, объясненія *Доктора* не причинили вамъ еще большаго унынія. Но позволители мнѣ, *Сударыня*, присовокупить къ прежнимъ

объясненіямъ такія обстоятельства, о коихъ не могъ онъ васъ увѣдомить? Теперь, когда уже вы знаете большую часть моего приключенія, желалъ бы я, чтобъ вамъ больше нежели всякой другой женщинѣ все то извѣстно было что самъ я знаю.

Онъ остановился. Я трепетала. Государь мой.... государь мой.... Признаюсь, что сіе повѣствованіе чрезвычайно трогательно. Сколь достойна сожаленія сія злополучная особа! Вы мнѣ сдѣлаете честь, еслии увѣдомите меня о ея теперешнемъ состояніи.

Докторъ вамъ сказалъ, *Сударыня*, что *Епископъ Ноцера*. Другой братъ *Клементины*, недавно ко мнѣ писалъ и проситъ меня еще разъ съѣздишь въ Болонію. Его письмо со мною. Вы знаете по Италіански, *Сударыня*. Позвольте ли мнѣ... или сами желаете взять на себя сей трудъ? При семъ подалъ онъ мнѣ письмо, и вотъ въ чемъ оно заключалось:

„*Епископъ* увѣдомляетъ его о печальномъ состояніи своей фамиліи. Здравіе его отца и матери не чувствительно умаляется; а *Г. Иерониму* стало еще гораздо хуже, нежели при отъѣздѣ *Сира Карла*. Сестра его не въ лучшемъ состояніи находится и всегда въ чрезвычайною нетерпѣливостію желаетъ видѣть своего учителя. Она теперь въ *Ноцерѣ*, но намѣряются вскорѣ отвезть ее въ *Неаполь*. *Епископъ* дѣйствительно проситъ усиленно *Сира Карла* ихъ еще навѣстить, хотя признается, что не вся фамилія равно того желаетъ; но онъ, *Маркиза* и духовникъ согласно хотятъ сдѣлать сіе снизхожденіе непрестаннымъ желаніямъ его сестры. Онъ предлагаетъ ѣхать на встрѣчу *Сиру Карлу*, въ какое мѣсто онъ самъ разсудитъ, и проводитъ его до Болоніи, гдѣ увѣряетъ его, что удовольствіе его видѣть не преминетъ преклонить всѣхъ въ пользу его свиданія. Ежели сіе средство, коему жалѣетъ что столь долго противорѣчилъ, не будетъ имѣть ожидаемаго успѣха; то присовѣтуетъ, говоритъ онъ, заключить свою сестру въ монастырь, или поручить ее попеченіямъ нѣкихъ честныхъ людей, кои станутъ поступать съ нею съ тихостію, но такъ какъ поступаютъ съ такими, которые по нещастію впадаютъ въ подобное состояніе.,,

Сиръ Карлъ далъ мнѣ послѣ того прочесть письмо *Г. Иеронима*, которой ему описываетъ свое горестное состояніе. „Жизнь для него есть ни что иное, какъ бремя такъ что онъ желаетъ прекращенія оной. Его лѣкари, кажется ему, не довольно искусны. Особливо жалуется онъ на рану, открывшуюся на бедрѣ, которая всему ихъ проницанію была неизвѣстна. Болѣе всего просилъ бы онъ Бога, говоритъ онъ, чтобъ видѣть *Кавалера Грандиссона*; ибо величайшее щастіе, какого онъ желать можетъ есть то, чтобъ онъ испустилъ послѣднее дыханіе въ объятіяхъ дражайшаго своего друга.,, Но въ семъ печальномъ письмѣ не говоритъ онъ ни слова о своей сестрѣ. *Сиръ Карлъ* для объясненія его молчанія полагаетъ, что поелику *Клементина* не въ Болоніи находится; то

скрываютъ ея плачевное положеніе отъ *Иеронима*, боясь раздражить еще болѣе его болѣзнь.

Онъ мнѣ прочиталъ также нѣкоторыя мѣста изъ письма *Гжи. Бемонтъ*, писанаго на Аглинскомъ языкѣ, и большая часть статей онаго не менѣе печальны. Она извиняется, что не скоро увѣдомила его о *Клементинѣ* по тому что долго не могла сама получить такихъ освѣдомленій, какихъ желала.

Она крайне жалѣетъ о сей любезной дѣвицѣ, что не получила никакой пользы отъ своихъ путешествій, и вся вина, кажется падаетъ на спутниковъ ея, кои каждой день ласкали ее надеждою встрѣтиться съ *Кавалеромъ Грандиссономъ*. Они въ другой разъ отвезли ее въ монастырь по ея собственному прошенію, и спокойствіе ея, послѣдовавшее отъ того на нѣсколько дней, начало подавать надежду, что всего отъ времени ожидать можно, но сія перемѣна столь же долго продолжалась, какъ и новость ея состоянія; и одна монахиня сдѣлала зло ея гораздо худшимъ противъ прежняго, предложая ей для испытанія сойти съ нею въ пріемную горницу, гдѣ обѣщала доставить ей свиданіе съ однимъ Аглинскимъ дворяниномъ.

Она стала тѣмъ болѣе не терпѣлива, видя себя обманутою, что употребила цѣлыя два часа въ приуготовленіи себя къ сему свиданію. Болѣе недѣли думала она только о томъ, чтобъ переѣхать въ Англію. По бесполезныхъ стараніяхъ тѣхъ кои въ одномъ мѣстѣ съ нею жили, одна только мать ея могла лишишь ее сихъ мыслей, прося ее выкинуть оныя изъ любви къ ней. Столь скорое послушаніе ободрило *Маркизу* взять ее обратно подъ свое смотрѣніе. Но какъ припадки ея начали опять съ великою силою сказываться, а здравіе снисходительной ея матери чувствительно умалялось, то одинъ изъ самыхъ степенныхъ *Докторовъ* произнесъ такой приговоръ, что отъ нее ничего добраго безъ строгости ожидать не должно. *Гжа. Сфорсъ* и *Генераль* объявили, что согласуются съ симъ мнѣніемъ: принято намѣреніе отвезть ее въ *Медиоланъ*. Однако она съ такимъ усиліемъ на то жаловалась и просила позволенія прожить нѣсколько времени въ *Флоренціи* у *Гжи. Бемонтъ*, что ея мать еще для нее сію милость ихходатайствовала. *Маркизь* взялся самъ проводить ее въ *Флоренцію* и безъ труда склонилъ *Гжу. Бемонтъ* вступить въ его намѣренія.

Почти съ мѣсяць *Клементина* казалась довольно спокойна, особливо когда она говорила объ *Англии*, о *Кавалерѣ Грандиссонѣ* и о его сестрахъ, съ коими она весьма желала имѣть нѣкое знакомство. По томъ когда *Генераль* съ *Гжею. Сфорсъ* къ ней пріѣхалъ; то оба они очень оскорбились, видя что она непрестанно занимается такими предметами. Они жаловались, что столь снисходительно съ нею поступали и не утаявая, что въ томъ подозрѣвали нѣкое другое намѣреніе, простерли гнѣвъ свой такъ далеко, что въ тотъ же день принудили ее съ собою ѣхать къ

чрезмѣрному сожалѣнію госпожи *Бемонтъ* и Флорентинскихъ госпожъ, кои называли ее своею невинною и задумчивою дѣвицею, и весьма ее полюбили. Госпожа *Бемонтъ* увѣряетъ, что тихость, съ каковою поступали съ нею въ обществѣ разумныхъ и любезныхъ госпожъ, могла бы постепенно служить къ возстановленію ея здоровья.

По томъ рассказываетъ она, сколь жестоко поступаемо было съ ея злополучною пріятельницею. *Сиръ Карлъ* хотѣлъ было прервать при семъ мѣстѣ свое чтеніе. Онъ говорилъ мнѣ, что не можетъ продолжать онаго безъ измѣненія своего голоса, которое бы усугубило мою скорбь и изъявилобъ мнѣ его уныніе. Въ самомъ дѣлѣ я испустила нѣсколько слезъ, читая два первыя письма, и тогда какъ онъ прочелъ сіе мѣсто изъ третьяго письма, я не сумнѣвалась, чтобъ оставшіяся въ ономъ статьи не извлекли слезъ изъ моихъ глазъ. Однако я его просила дать мнѣ это прочесть самой.

Злополучіе, говорила я ему, не странное для меня зрѣлище. Я умѣла принимать участіе въ печаляхъ другаго человѣка, а иначе не заслуживалабы, чтобъ брали оное и въ моихъ нещастіяхъ. Онъ мнѣ показалъ то мѣсто и не присовокупя ни слова отошелъ къ окну.

Госпожа *Бемонтъ* увѣдомляетъ его, что печальная мать принуждена была отдать совершенно свою дочь въ смотрѣніе Госпожѣ *Сфорсъ*, которая немедленно увезла ее съ собою въ Медіоланъ. Однако ее просили употреблять только необходимыя съ нею строгости: на что она и согласилась; но съ начала удаляла отъ нее *Камиллу*, которую винила въ томъ, что оказывала своей молодой госпожѣ надмѣру великое угожденіе. Она приставила на мѣсто ее къ *Клементинѣ* другую женщину, именемъ *Лавру*, которая гораздо лучше могла способствовать ея намѣреніямъ. Вы вскорѣ узнаете, съ какою жестокостію онъ съ нею поступали. Дѣвица *Даурана*, дочь госпожи *Сфорсъ*, по неразумію своему тѣмъ хвалилась въ нѣкоторыхъ письмахъ, вмѣняя своей матери въ честь, что была щастливѣе въ выборѣ средства къ исправленію *Клементины*, и госпожа *Бемонтъ*, не могши забыть своей пріятельницы, получила слѣдующія освѣдомленія отъ самага ея духовника, коего *Маркиза* просила доставить ей оныя въ поѣздку его въ *Медіоланъ*.

Онъ не мало удивился тому затрудненію, съ коимъ позволено ему съ начала видѣться съ *Клементиною*: настоя въ своемъ прошеніи именемъ ея матери, нашелъ онъ ее въ чрезмѣрномъ уныніи и въ великомъ страхѣ; ибо она боялась даже говорить, не смѣла поднять глазъ на свою двоюродную сестру, но при всемъ томъ показывала видъ, что желаетъ жаловаться на свою участь.

Онъ изъявилъ о томъ свое удивленіе *Даурани*: а сія дѣвица отвѣчала ему, что это наилучшее средство для *Клементины*, что *Доктора* всѣ въ етомъ согласны; что *Клементина* при своемъ пріѣздѣ говорила только про *Кавалера* и что хочетъ весьма съ нимъ видѣться; но ее довели уже до

того, что не смѣетъ она произнести его имени. Чего не должна была она претерпѣть, прервалъ духовникъ, дабы оказать такоеже повиновение? Объ етомъ не безпокойтесь, сказано ему съ тою же жестокостію. Все что ни дѣлають, служить ей въ пользу.

Трепещущая *Клементина* безъ труда его узнала и сложа руки просила его съ покорностію, дабы ее отвезли въ монастырь, гдѣ хочетъ произнести свои обѣты и во вѣки посвятить себя на служеніе Богу. Кажется, что старались нарочно внушить ей сіе намѣреніе, и госпожа *Сфорсъ* не скрывала, что она почитаетъ оное единымъ средствомъ, могущимъ способствовать къ возстановленію спокойствія ея племянницѣ: она промолвила, что не желая ни кому предписывать законовъ сама она увѣрена, что ея родственники прогнѣвляють Бога, противясь желаніямъ молодой особы, хотящей посвятить себя Богу и что ея болѣзнь можетъ быть есть за то наказаніемъ.

Въ письмѣ своемъ къ госпожѣ *Бемонтъ* духовникъ утверждаетъ, что Гжа. *Сфорсъ* такъ съ ней поступаетъ изъ корыстолюбія, а дѣвица *Даурана* по прежней зависти къ превосходнымъ качествамъ своей двоюродной сестры. Онъ приводитъ весьма трогательный примѣръ ихъ жестокости, а все въ ея пользу, дорогая *Люція*. Сколь негодуешь мое сердце противъ сихъ двухъ женщинъ? *Лавра*, новая ея служанка, подъ видомъ исповѣди учинила духовнику съ пролитіемъ слезъ слѣдующее признаніе: ето производило на канунѣ того дня.

„Когда хотѣли употреблять какую-либо строгость съ несчастною *Клементиною*, то сей дѣвкѣ приказывано было уходить изъ ея покоевъ; госпожа ея выговаривала нѣсколько такихъ словъ, за кои хотѣли ее наказывать. Гжа. *Сфорсъ*, которая не такъ далеко простирала свое тиранство, какъ ея дочь, не была на то время дома. *Лавра* изъ любопытства начала подслушивать ихъ разговоры. Она услышала, что *Даурана* съ неистовствомъ ей грозила; а *Клементина* не могла конечно противорѣчить обидамъ своей сестры говорила, что я тебѣ сдѣлала, *Даурана*, что такъ худо со мною поступаешь? Ты больше не имѣешь ко мнѣ дружества. Ты видишь мое состояніе; то для чего столь жестоко мною ругаешься? Естьли рука Божія на мнѣ отяготѣла, то не должна ли ты имѣть о мнѣ нѣсколько сожалѣнія? Сія свирѣпая сестра говорила ей, что все что ни дѣлають, служить ей въ пользу, и что самыя ея жалобы, кои не всегда столь разсудительны бывали, показываютъ твердыя тому доказательства. Увы! прервала она, я думала, что ты меня любишь. У меня нѣтъ уже матери, а ты ее имѣешь. Моя была наилучшая изъ родительницъ; но она меня оставляетъ! или лучше сказать не я ли по несчастію съ нею разлучена? Я не знаю, кто изъ насъ тому причиною!

„*Даурана*, видно раздраженная сими нѣжными жалобами, грозила ее побить корсетомъ; наказаніе, которое всегда приводило въ великій страхъ несчастную *Клементину*. *Лавра* слышала, что она съ великою

покорностію ее упрашивала, во какъ *Даурана* въ великомъ гнѣвѣ отъ нее вышла, то *Лавра* принуждена была удалиться. Въ это время *Клементина* опасаясь, чтобъ ея непріятельница не пришла къ ней съ корсетомъ, коимъ ей грозила, немедлѣнно сошла на низъ и спряталась подъ лѣстницу, гдѣ однако скоро ее нашли по платью, которое она не вздумала подобрать за собою.,,

О любезная *Люція*. Сколь трудно мнѣ было удержаться при семъ чтеніи отъ слезъ! *Сиръ Карлъ* видя, что оныя полились въ изобиліи изъ моихъ глазъ легко узналъ до какого мѣста я въ письмѣ его дочитала. Разсудите, *Сударыня*, говорилъ онъ мнѣ измѣнившимся голосомъ, какіябъ были мои размышленія, естлибъ совѣсть моя могла меня укорить, что былъ произвольно виновникомъ толикихъ злополучій.

Ободрясь нѣсколько начала я дочитывать сіе начальное письмо. „*Свирепая Даурана*, по своему тиранству вытацила свою несчастную унылую сестру за полы ея платья, присовокупляя къ сему насиліе всякія новыя угрозы. *Клементина* ей не противилась. Стоя на колѣнахъ и держа руки крестообразно на груди она просила помилованія не словомъ, но очами своими, хотя изъ оныхъ ни единой слезы не капнуло: но не могла ее упросить: ее отвели въ ея горницу, гдѣ и получила то наказаніе, коимъ была угрожаема.

„*Докторъ* былъ чрезмѣрно тронутъ повѣствованіемъ *Лавры*: не менѣежъ пораженъ былъ и по собственнымъ своимъ наблюденіямъ. Однакожъ возвратясь въ Болонію, почелъ за нужное пощадить *Маркизу* отъ унынія, скрывъ отъ нее какимъ образомъ поступаютъ съ ея дочерью, сказавъ только, что того одобрить не можетъ; онъ ей совѣтовалъ не противиться возвращенію *Климентины*, естли можно на то согласить *Епископа* и *Генерала*. Но онъ больше открылся *Прелату*, которой, немедлѣнно отписалъ къ своему брату и просилъ его пристать къ его сторонѣ, и прервать невольничество ихъ сестры. Они согласились на сей конецъ съѣхаться въ Медіоланъ. *Клементина* была освобождена, но неудовольствіе госпожи *Сфорсъ* и ея дочери, производитъ новыя замѣшательства въ фамилии. Онѣ утверждаютъ, что ихъ поступки начали было производить превосходныя слѣдствія: то есть, онѣ хотятъ, дабы принужденная послушливость и дѣйствія страха почитаемы были за нѣкое начало излѣченія...

А какъ *Маркиза* была весьма слаба здоровьемъ, то отвезли ея дочь въ Неаполь, возвратя ей *Камиллу* для услугъ. Госпожа *Бемонтъ* думаетъ, что онѣ теперъ въ томъ городѣ. Несчастная *Клементина*! Какой жребій! быть влекомою такимъ образомъ изъ одного города въ другой, но кто о ея сестрѣ *Дауранѣ* безъ чрезмѣрнаго негодованія вспоминать можетъ?

Епископъ, присовокупляетъ госпожа *Бемонтъ*, весьма бы желалъ склонить *Генерала* своего брата къ тому, чтобъ пригласить имъ вмѣстѣ *Сира Карла*, дабы пріѣхалъ въ Италію; и сіе почитаетъ послѣднимъ

средствомъ, на какое должно покуситься предъ заключеніемъ своей сестры въ монастырь и прежде порученія ея чужимъ людямъ. Но *Генераль* отрекается отъ сего намѣренія. Онъ спрашиваетъ, какая польза будетъ отъ сего посѣщенія, когда всѣ слѣдствія, кои оное произвести можетъ, успокоя духъ *Клементины* еще болѣе прежняго подадутъ ей желанія къ тому окончанію ея дѣла, коего избѣгать стараются?

Никогда не соглашусь я, говорилъ *Генераль*, чтобъ моя сестра вышла за Англичанина, Протестанта. *Епископъ* объявилъ, что онъ столь же на то согласенъ, но желаетъ, чтобъ разсужденія о семъ важномъ дѣлѣ отложены были до другаго времени, въ той надеждѣ, что ихъ сестра по излѣченіи своемъ найдетъ въ своихъ правилахъ силу соотвѣтствовать всѣмъ ихъ желаніямъ. Можно бы было испытать это средство, сказала *Генераль*: но *Кавалеръ* кажется ему человѣкомъ лукавымъ, которой для оболъщенія *Клементины*, употребилъ неотмѣнно такія способы, коихъ никто усмотрѣть не могъ и кои гораздо были дѣйствительнѣе, нежели явное открытіе страсти. Не хитростію ли заманилъ онъ въ свои сѣти *Оливію* и всѣхъ другихъ госпожъ, кои его знали? Наконецъ *Генераль* признается, что не любитъ *Г. Грандиссона*; и естли обходился съ нимъ учтиво, то конечно дѣлалъ это изъ ничего незначущей вѣжливости, каковую считалъ за долгъ оказывать его неустрашимости, что судить о дѣлахъ по слѣдствіямъ оныхъ; что за вѣрное почитаетъ для себя лишеніе такой сестры, которая по своимъ достоинствамъ достойна была короны, и что естли встрѣтитя еще съ *Кавалеромъ* въ какомъ нибудь мѣстѣ; то не отвѣчаетъ за то, что произойдетъ при такомъ свиданіи. Но когда духовникъ и *Маркиза* приняли, какъ говоритъ *Епископъ*, намѣреніе покуситься на сей послѣдній способъ и были увѣрены, что ни *Маркизь* ни *Иеронимъ* онаго оуждать не будутъ; то и отправлено къ *Кавалеру* приглашеніе въ вышеозначенныхъ выраженіяхъ.

Таково есть, моя дорогая, сіе несчастное приключеніе, сколько по крайней мѣрѣ могу я обстоятельства онаго упомнить. Но ты знаешь, сколько сердце помогаетъ памяти ничто отъ него утаиться не можетъ. Оставалось мнѣ знать, какой отвѣтъ *Сиръ Карль* на то дастъ. Не довольноли нѣжно было тогда мое положеніе, любезная *Люція*, естлибъ онъ совѣтовался со мною прежде принятія своихъ намѣреній; то я отъ всего моего сердца подала бы ему такой совѣтъ, чтобъ онъ лѣтель на помощь несчастной *Клементинѣ*; но мнѣ кажется, что такая неизвѣстность не была бы ея достойна, а его ко мнѣ вѣжливость не болѣе бы приличествовала свойству человѣка, толико великодушнаго. Однако мое уваженіе къ его собственнымъ выгодамъ во всей своей силѣ сказалось. Мое уваженіе, *Люція*! не кажется ли тебѣ это слово принужденнымъ? То, что великодушіе или лучше сказать справедливость требовала отъ него для *Клементины*, и сіе уваженіе дѣлала нѣкое раздѣленіе въ моемъ сердцѣ. Мнѣ нужно было нѣсколько

минуть о томъ подумать. Я чувствую, сколь трудно было разсудишь о моемъ поступкѣ, дабы не показать и вида принужденности или излишняго старанія. По щастію Гжа. *Ревъ* вошла къ намъ въ горницу желая взять какую-то вещь, про которую забыла; а я употребила его время себѣ въ пользу, и между тѣмъ, какъ *Сиръ Карлъ* дѣлалъ ей вѣжливыя привѣтствія, я оттуда вышла, сказавъ обоимъ что чрезъ минуту опять возвращуся.

Я прибѣжала въ свои покои и раза съ четыре прошла по передней горницѣ. *Генріетта Биронъ!* сказала я сказала себѣ, не окажи подлости. Не имѣешь ли ты предъ своими глазами примѣра *Клементины*? Бореніе ея закона и любви опровергли ея разсудокъ. Такое искушеніе тебѣ не угрожаетъ; но не можешь ли и ты показать такого великаго духа, естлибъ въ такихъ же обстоятельствахъ находилась? *Кавалеръ Грандиссонъ* справедливъ. Онъ обязанъ дать преимущество превосходной *Клементинѣ*. Пренія права, состраданіе къ ея мученіямъ! столь отличныя достоинства! не достоинства ли ты въ немъ любишь? Для чего бы не любить тебѣ оныхъ въ особѣ твоего пола, естли въ оной усматриваешь ихъ въ толикомъ же отличіи? тебѣ конечно многого это будетъ стоить; но сойди въ низъ и потщись превозмочь саму себя.

Я дѣйствительно сошла въ низъ будучи довольна, что могла принять такое намѣреніе. Моя двоюродная, сестра вышла оттуда, какъ только меня увидѣла. *Сиръ Карлъ* шелъ мнѣ на встрѣчу даже до дверей: я ласкаюсь, что онъ въ моемъ видѣ усмотрѣть могъ достоинство безъ гордости.

Я начала говорить прежде его, когда ощутила, что духъ мой сталъ возвышенъ, дабы утвердиться въ семь, разположеніи. Сердце мое обливается кровію, говорила я ему, когда разсуждаю о нещастіяхъ вашей *Клементины*. (Такъ *Люція*, я сказала, вашей *Клементины*.) Я вышла отсюда ни для чего иннаго, какъ для того удивленія, кои ея качества въ меня внушаютъ. Какъ я сожалею о ея состояніи! Но нѣтъ ничего труднаго и великаго, чего бы *Сиръ Грандиссонъ* не могъ сдѣлать. Вы меня удостоили, государь мои, названіемъ сестры: во всемъ пространствѣ сего нѣжнаго имени, я не могу отъ васъ скрыть своихъ опасеній со стороны *Генерала*, и чувствую почти столько же какъ и вы, тѣ новыя прискорбія, кои настоящія нещастія другаго человѣка принести вамъ должны. Однако я увѣрена, что вы ни минуты не колебались рѣшиться оставить всѣхъ вашихъ друзей въ Англіи, дабы ѣхать въ Италію и испытать по крайней мѣрѣ то, чего еще тамъ можно надѣяться.

Естлибъ онъ меня много хвалилъ за такія рѣчи, то въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ коихъ мы оба находились, показалось бы что онъ почиталъ мое безпристрастіе за чрезвычайное дѣйствіе великости духа, слѣдственно предполагалъ бы во мнѣ такія о немъ намѣренія, отъ коихъ удивлялся, чтобъ я могла отречься, сердце его самое нѣжное. Онъ

просиль меня сѣсть, и садясь подлѣ меня не оставляя моей руки, которую онъ взялъ дабы привести меня къ кресламъ, говорилъ мнѣ: съ того времени, какъ я узналъ *Миссъ Биронъ*, почиталъ я ее за честь ея пола. Сердце мое требуетъ съ нею союза и ласкается получить оной, хотя въ толь нѣжномъ дѣлѣ едва я могу на себя самага положиться. Съ самага начала я далъ дѣвицѣ *Биронъ* наименованіе сестры; но она болѣе для меня составляетъ, нежели любезнѣйшая сестра. Я помышляю о нѣжнѣйшемъ дружествѣ, къ коему съ нею стремлюся, не взирая на всѣ произшествія, кои могутъ противиться и съ той и съ другой стороны пространнѣйшимъ его желаніямъ: и его есть такое благо, въ которомъ, какъ онъ надѣется, она ему не будетъ отказывать, доколѣ можетъ онъ согласоваться съ другими его обязанностями.

Онъ при сихъ словахъ остановился. Я усиливалась ему отвѣчать; но голось мой прерывался. Я чувствовала, что лице мое стольже горячо было какъ огонь, передъ которымъ мы сидѣли.

По томъ началъ онъ опять свою речь: я всегда говорю то, что у меня на сердцѣ: оно страждетъ, когда не могу выразить всего того, что оно мнѣ вѣщаетъ. Къ простымъ вѣжливымъ отзывамъ мало я имѣю охоты. Но не почитая себя недостойнымъ вашего дружества, я полагаю что вы ко мнѣ оное имѣете, и возвращаюсь къ своимъ дѣламъ съ тою откровенностію, какую сіе нѣжное чувство требуетъ.

Вы мнѣ дѣлаете честь, государь мой. Вотъ все, что я могла ему отвѣчать.

Я получилъ, продолжалъ онъ, письмо, отъ вѣрной *Камиллы*, не отъ того чтобъ я велъ съ нею хотя малѣйшую переписку, но поступки, кои, какъ она видитъ, употребляютъ съ ея молодою госпожею и нѣкоторыя слова произнесенныя *Епископомъ* означавшіе по видимому, что онъ чрезмѣрно желаетъ меня видѣть въ Болоніи, понудили сію служанку ко мнѣ послать письмо, въ коемъ закликаетъ меня предпринять путешествіе. Однако не имѣя письма ни отъ кого изъ ихъ фамиліи и не видя ни какого знака, дабы другіе на то согласовались, съ какимъ основаніемъ могъ бы я надѣяться хорошаго пріема, когда прежде столько же разъ было мнѣ отказывано имъ себя представить, сколько о томъ ни просиль, особливо когда госпожа *Бемонтъ* не только не подаетъ мнѣ никакого ободренія, но еще увѣдомляетъ меня, сколь худо къ тому разположены въ фамиліи.

Она все еще думаетъ, какъ вы могли замѣтить при концѣ ея письма, что я долженъ отложить свой отъѣздъ до того времени, пока *Генераль* и *Маркизь* не соединятъ своихъ прошеній съ желаніями *Маркизы*, *Епископа* и духовника. Но я какъ скоро прочиталъ письмо *Прелатово*; то и обязался весьма учтивымъ отвѣтомъ удовольствоваться всѣ ихъ желанія. Я въ немъ помѣстилъ одно только изъятіе, чтобъ меня не понуждали ѣхать далѣе

Болоніи, гдѣ буду имѣть удовольствіе видѣть любезнаго моего *Иеронима* и его сестрицу.

Сердце мое было не безъ движенія, дорогая *Люція*; но я досажаю на свое сердце; а разсудокъ мой не менѣе отъ того защищаль сторону *Сира Карла*. Вы удивляетесь, *Сударыня*, возразилъ онъ, не видя ни какихъ приуготовленій къ отъѣзду. Все уже готово. Я ожидаю только сотоварищества одного честнаго человѣка, которой распоряжаетъ всѣ свои нужныя къ путешествію вещи и по томъ со мною въ путь отправится. Сей мой товарищъ есть искусный лѣкарь, которой весьма прославился искусствомъ своимъ въ прошедшія войны. Другъ мой инымъ не хвалится. Ежели *Г. Ловтеръ* можетъ способствовать къ ея излѣченію; то какое будетъ ето для меня удовольствіе! и ежели мое путешествіе принесетъ какую нибудь пользу любвьидостойной *Клементинѣ*.... Но какъ я могу ласкаться столь пріятною надеждою? Однако я увѣренъ, что въ ея положеніи, съ таковымъ свойствомъ, каково ея, и когда она столь жало привычна къ тѣмъ насиліямъ, кои она претерпѣла, единое средство къ возстановленію ея здравія есть то, чтобъ предупредить всѣ ея желанія. Какая необходимость прекословить молодой особѣ, которая въ самыхъ сильныхъ припадкахъ своего недуга не изъявляла никогда ни желанія, ни мысли противной ея долгу, чести ея имени, и позвольте мнѣ сказать, *Сударыня*, гордѣливости ея пола?

Я долженъ, примолвилъ онъ, остановиться въ Парижѣ для распорядженія дѣлъ покойнаго господина *Данби*. Въ два дни до моего возвращенія я успѣю все ето окончить. Въ то время, которое должно мнѣ пребыть въ Италіи можетъ быть я удучу случай окончить два или три щета, кои касаются до моей питомицы и кои остались не досмотрены. Сего дня будетъ у меня обѣдать госпожа *Ольдгамъ* съ своими сыновьями. Послѣ обѣда я жду къ себѣ госпожу *Огару* съ мужемъ и съ Капитаномъ *Салмонетомъ*. Завтра, *Сударыня*, я увѣренъ, что вы окажете мнѣ честь и отобѣдаете у меня съ *Г.* и *Гжею Ревсъ*, и прошу васъ склонить ихъ, дабы они весь тотъ день у меня побыли. Не должно отказать мнѣ въ сей милости, ибо я имѣю нужду во всемъ вашемъ вліяніи надъ моею сестрою *Шарлоттою*, дабы убѣдить ее, чтобъ назначила щастливой день для *Милорда Ж...* Я чрезмѣрно желаю видѣть ихъ сочетавшимися до моего отъѣзда; а какъ возвращеніе мое не извѣстно, [*Ахъ! Лидія*, какъ увеличилось мое смущеніе.] то я назначилъ въ будущій четвертокъ совершить три брака молодыхъ *Данбіевъ*. Ежели я увижу, что до нашей разлуки благополучіе *Милорда Ж...* и *Шарлотты* будетъ возстановлено, то съ чувствительнѣйшимъ утѣшеніемъ отсюда поѣду. Я равномѣрно весьма желаю прибытія моего любезнаго *Бельшера*, дабы оставить его всей нѣжности его отца. *Докторъ Барлетъ* и онъ найдутъ другъ въ другѣ свое благополучіе. Я буду вестъ съ *Докторомъ* переписку. Онъ вамъ удивляется, *Сударыня*, и станетъ вамъ сообщать все, что ни почтетъ

достойнымъ вашего свѣденія въ поступкахъ такого человѣка, которой будетъ себѣ почитать за честь, если вы оказывать станете хотя малѣйшіе знаки своего въ нему вниманія.

Ахъ *Люція!* при сихъ словахъ *Сиръ Карлъ* вздохнулъ, мнѣ показалось, что больше усматривала жару въ его глазахъ, нежели въ выраженіяхъ. Что мнѣ сказать тебѣ, душа моя? Я не обѣщаю тебѣ ничего отъ моего сердца, если онъ болѣе изъявляетъ мнѣ нѣжности, нежели одной въ одномъ дружествѣ оказывается.... Если подастъ мнѣ мысль, что желаетъ.... но чего онъ желать можетъ? Онъ долженъ быть *Клементининымъ*. Онъ ей принадлежитъ; и ежели даетъ мнѣ второе мѣсто въ своемъ сердцѣ, то я буду стараться составить изъ того себѣ щастіе. Какъ, *Люція!* если онъ такой мнѣ отвѣтъ дастъ; то могу ли я огорчаться противъ такого человѣка, которой не можетъ быть всѣмъ тѣмъ, чего бы я отъ него желала? Нѣтъ; онъ не менѣе отъ того потеряетъ славы въ моихъ глазахъ. Я буду удивляться благости его сердца и величію его души. Я стану почитать, что онъ имѣетъ право къ искреннѣйшей моей благодарности за то покровительство, коимъ онъ меня защитилъ отъ насилія хищника и за тѣ услуги, которыхъ не перестаетъ мнѣ оказывать. Не на дружествѣ ли основывается моя любовь, и *Сиръ Карлъ* не совершенную ли, не самую ли нѣжную дружбу ко мнѣ питаетъ? Однакожъ я удержала слезу, которая едва не сверкнула изъ моего глаза. Я почувствовала, что сердце мое разстроилось, *Люція*, и не могла удержаться, чтобъ не употребить при такомъ случаѣ небольшой женской хитрости. Примѣтя, что бесполезно сжимала свои вѣки, для скрытія слезной капли, которая выпастъ уже хотѣла, и почувствовавъ что она течетъ по щекѣ, тотчасъ ее утерла. Бѣдная *Емилія!* сказала я съ нѣжностію, какъ будетъ она томиться вашимъ отсутвіемъ! *Емилія* очень любитъ своего опекуна.

Я также люблю свою питомицу. Я думалъ, *Сударыня*, просить вашего покровительства *Емилиі*; но какъ я имѣю двухъ сестеръ, то полагаю, что она будетъ благополучна на ихъ попеченіи и подъ надзираніемъ *Милорда Л...* тѣмъ болѣе, что надѣюсь преодолѣть ея несчастную мать, обуздавъ ея страсти собственными ея и мужа ея выводами, дабы по крайней мѣрѣ воспрепятствовать ей чтобъ не огорчала своей дочери.

Я весьма была рада, моя дорогая, что отдала мысли о самой себѣ и обратила все его вниманіе на совершенно другой предметъ. Мы всѣ увѣрены, сказала я ему, что *Г. Бельшеръ* есть супругъ, коего вы назначаете.... Супругъ *Емилиі!* прервалъ онъ. Вѣрьте, *Сударыня*, что это не во моему побужденію случисься можетъ. Половину своего имѣнія представляю я въ услугу моему другу; но никогда не буду искать того, дабы питомица моя по принужденію поступила въ такомъ выборѣ, *Емилія* выберетъ себѣ нѣкогда такого супруга, котораго почтетъ

способнымъ къ учиненію ея счастливою, а *Бельшеръ* женится на такой особѣ, которую полюбить: но *Емиля*, естли только могу тому возпрепятствовать, не будетъ никогда жертвою какого либо политическаго распорядженія ея дѣль. Я знаю, что *Бельшеръ* весьма нѣжнаго вкуса въ такомъ важномъ дѣлѣ: но я не менѣе окажу онаго и для своей питомицы, и тѣмъ паче почитаю себя къ тому обязаннымъ, что она и сама не менѣе онаго показываетъ. Всегда то удостовѣреніе бываетъ жестоко, хотя бы происходило оно отъ отца, хотя и отъ попечителя, которымъ предлагаютъ такого супруга, коего сердце отвергаетъ.

Какой человекъ! подумала я. Не ужелижъ не найду я въ немъ никакой слабости?

Скоро ли будетъ вашъ другъ, Сударь?

Я его жду со дня на день, Сударыня.

Вы должны такъ скоро отсюда ѣхать: Какъ же надѣетесь столько дѣль окончить до своего отъѣзда?

Я опасаюсь только своенравія *Шарлотты*, Сударыня. Не примѣтилили вы въ ней нѣкую неохоту къ соединенію съ *Милордомъ Ж...*

Нѣтъ, Сударь.

И такъ все будетъ зависѣть отъ вашихъ усиленныхъ прозбъ и отъ стараній *Милорда* и *Милади Л...* Онъ мнѣ извинился, что столь долго занималъ мое вниманіе. А какъ *Г. Ревсъ* съ своею супругою вошелъ въ нашу горницу, то онъ простился съ нами съ притворнымъ видомъ.

Духъ мой колебался, я просила у своей сестры позволенія на нѣсколько времени отъ нихъ удалиться.

Мнѣ показалось, что онъ вышелъ отъ насъ съ весьма важнымъ видомъ. Я пришла въ свой кабинетъ, и тамъ, признаться ли тебѣ, *Люція*? по несколькихъ произвольныхъ вздохахъ слезы полились ручьемъ изъ глазъ моихъ и облегчили мою скорбь. Я колѣнопреклонно молилась о успокоеніи возмущенной души превосходной *Клементины*; просила Бога о непоколебимости своего сердца и о благополучіи *Сира Карла*. Потомъ утерши глаза предъ зеркаломъ возвратилась къ господину и *Гжѣ Ревсъ*, кои увидя столь красныя у меня глаза, спросили о причинѣ онаго съ великимъ безпокойствомъ. Я имъ сказала; буря миновалась, любезные мои родственники. Я не могу его похулить: онъ благороденъ и справедливъ. Теперь меня болѣе о томъ не спрашивайте. Вы прочтете въ моемъ письмѣ самомалѣйшія подробности сего происшествія.

Я возвратилась въ свои покои, начала писать, и до самага обѣда не оставляла своего пера. Наконецъ будучи утомлена, обезпокоена и недовольна сама собою, не зная почему, отнесла я свое письмо къ господину и госпожѣ *Ревсъ*. Вотъ, сказала я имъ, прочтите, естли желаете, и отправьте его скорѣе къ моей дорогой *Люціи*. Однако, разсудя о томъ въ другой разъ примолвила, я хочу оно показывать также обѣимъ любезнымъ сестрицамъ и *Милорду Л...* Они будутъ недовольны, естли

не узнаютъ всего того, что происходило въ важномъ разговорѣ, коего всѣ обстоятельства требовали такой разборчивости, которой опасуюсь не столь хорошо я наблюдала, какъ онъ.

Они будутъ о мнѣ жалѣть; я въ томъ увѣрена: но я того не прошу для себя отъ такихъ, кои никакого сожалѣнія не окажутъ о благородномыслящей и прелѣстной *Клементинѣ*.

Примѣч. Въ другомъ письмѣ, которое *Миссъ Биронъ* писала въ тотъ же день въ вечеру, увѣдомляетъ она свою *Люцію*, что у ней была *Шарлотта*, что узнала она о будущемъ обѣдѣ и о сношеніи *Сира Карла* съ госпожею *Ольдгамъ* и ея дѣтьми. Онъ не преминулъ ободрить сію Госпожу и ея сыновей съ такою же привѣтливостію, какъ и благородствомъ. Онъ все распорядилъ къ ихъ воспитанію и обѣщаль имъ, что его старанія о ихъ имѣніи будутъ соотвѣтственны ихъ поведенію; а чтобъ подать имъ поводъ къ соревнованію другъ къ другу въ ученіи, то поручилъ *Доктору Барлету* смотрѣть неусыпно за ихъ успѣхами. Слѣдующее письмо, отправленное на другой день, представляетъ со всею другое явленіе.

ПИСЬМО LX.

Генріетта Биронъ, къ Люціи Сельби.

Лондонъ во Вторникъ 5 Апрѣля.

Нынѣ по утру въ шесть часовъ пришла ко мнѣ *Миссъ Жервинсъ* и говорила, что съ великою нетерпѣливостію хочетъ мнѣ сообщить прекрасныя вѣсти. Она нашла меня въ кабинетѣ за письмомъ. Я во всю ночь не могла сомкнуть глазъ.

Я видѣлась съ своею матушкою, начала говоришь сія любезная дѣвица и думаю, что она приняла меня опять въ свою милость. Для чего мнѣ не думать, *Сударыня*, что она никогда меня оной не лишала?

Любезная моя, отвѣчала я ей, прижавъ ее къ своей груди, сколь ты мила! скажите, что случилось.

Я должна тебѣ, *Люція*, представить сколь можно естественнѣе всѣ движенія и слова сей любезной дѣвицы въ такомъ важномъ случаѣ.

Сядь, душинька моя, сказала я ей.

Какъ! *Сударыня*; когда я хочу говорить о примирившейся матери? и при моей любезной *Миссъ Биронъ*? Нѣтъ, право нѣтъ.

Въ продолженіи своего повѣствованія она часто раскрывала одну свою руку, а указательнымъ перстомъ другой подтверждала свои разсужденія съ великимъ напряженіемъ; иногда же обѣ протягивала какъ бы восхищенная удовольствіемъ и удивленіемъ. Вотъ начало ея рѣчи.

Надлежитъ знать, дражайшая *Миссъ Биронъ*, что вчера въ вечеру въ шестомъ часу въ изходѣ моя матушка съ своимъ сожителемъ и съ Капитаномъ *Салмонетомъ* пріѣхала къ моему попечителю. Я не прежде узнала с семъ посѣщеніи, какъ за два часа до онаго: и какъ скоро услышала стукъ кареты и открыла окно; то увидя, что они выходятъ изъ оной, едва не лишилась чувствъ. Я бы отдала охотно половину того, что имѣю, дабы быть тогда за сто миль отъ *Лондона*.

Докторъ Барлетъ вышелъ ихъ принять. А мой попечитель занимался письмомъ, готовя *Милорду В...* отвѣтъ, коего ожидалъ нарочной. Не прошло и четверти часа, какъ онъ къ нимъ появился, и когда къ нимъ подошелъ; то извинился имъ съ обыкновенною своею вѣжливостію. *Докторъ* увѣряетъ что никогда еще не видалъ онъ столь непочтительныхъ особъ, какими ему показались *Г. Огара* и Капитанъ. Они хотѣли было извиниться за прежнія свои поступки при послѣднемъ своемъ посѣщеніи; но мой попечитель того не позволилъ: и съ самага своего отъѣзда, говоритъ *Докторъ*, моя матушка наблюдала совершенную благопристойность.

Какъ скоро она меня спросила; то мой попечитель по своему снизхожденію пришелъ самъ въ мою горницу. Онъ меня взялъ за руку: Какая благопривѣтливость! Сударыня, и подводя къ лѣсницѣ говорилъ мнѣ предѣстнымъ голосомъ: Чего бояться, моя дорогая. Развѣ я не съ вами. Ваша матушка кажется весьма спокойна. Вы испросите ея благословенія. Я освобожу васъ отъ всякихъ затрудненій и замѣшательства, и не премину показать вамъ, какъ должно вамъ поступать въ таковыхъ случаяхъ.

Едва онъ окончилъ сіи слова, какъ уже дошли мы до дверей и вошли въ горницу. Я бросилась на колѣни предъ матушкою, такъ какъ теперь передъ вами; но не имѣла силъ говорить: [любезная эта дѣвица начала цѣловать мои руки, положила на оныя свою голову.] Матушка меня подняла: [и вы должны также поднять меня, Сударыня. Такъ, точно такъ.] Она меня два раза поцѣловала, плакала прилегши къ моей шеѣ и произносила многія нѣжныя именованія. Наконецъ безъ сумнѣнія для ободренія моего увѣряла, что меня любитъ, и что самая жизнь ея не столь ей дорога. И въ самомъ дѣлѣ я не много ободрилась.

Тогда мой попечитель, съ величавостію Княжескою, взялъ меня за руку и представилъ ее сперва *Г. Огарю* а по томъ Капитану. Они оба ее поцѣловали, и я не могу пересказать вамъ всего, что они въ похвалу мою говорили. Государь мой, сказалъ мой попечитель *Маіору*, представляя меня ему, вы извините замѣшательство молодой особы. Она молитъ *Всевышняго*, дабы благословилъ вашъ бракъ и далъ вамъ всякое благополучіе; я вамъ ручаюсь что она весьма желаетъ оказывать вамъ всевозможныя услуги, ради своей матушки. *Маіоръ* клялся душею, что я

Ангель. Капитанъ *Салмонетъ* божился, что не видывалъ никогда столь прелѣстной особы, какъ я.

Моя матушка много плакала. О! Государь мой, вскричала она взглянувъ на моего попечителя; и упавши на стулъ, не могла промолвишь больше ни слова. Я подбѣжала къ ней и обняла ее: слезы полились у меня еще въ большемъ количествѣ. Я отирала ихъ платкомъ. Я ей говорила, что она раздираетъ мое сердце и заклинала ее не мучить меня своимъ плачемъ. Она отвѣчала мнѣ одними объятіями и цѣловала меня въ лобъ и въ щеки. Увы! помыслила я въ себѣ, я начинаю усматривать къ себѣ нѣжность въ своей родительницѣ.

Мой попечитель подошелъ къ намъ и взявъ ее весьма учтиво за руку подвелъ къ камину; онъ сказалъ мнѣ, чтобъ я сѣла между ею и чайнымъ столикомъ, прося *Маіора* и *Капитана* садиться подлѣ себя. Тогда онъ мнѣ говорилъ. *Любезная Емилиа*, пожалуйста разлейте намъ чай, и обратясь къ моей матушкѣ сказалъ: Сестрицы моей, *Сударыня*, нѣтъ дома, и *Миссъ Жервинсъ* заступитъ ея мѣсто. Очень хорошо, *Сударь*, со всею охотою, отвѣчала я ему, и принялась за свое дѣло съ удивительнымъ проворствомъ.

Но прежде нежели служители пришли, говорилъ онъ моей матушкѣ: Позвольте мнѣ, *Сударыня*, объяснить вамъ то, что *Миссъ Жервинсъ* мнѣ предлагала. Они всѣ съ глубочайшимъ вниманіемъ начали его слушать. Она желаетъ, государь мой, обратясь къ *Маіору*, чтобъ вы приняли отъ нее, для взаимнаго вашего употребленія, ежегодную прибавку ста фунтовъ *Стерлинговъ*, которую будутъ вамъ платить чрезъ каждые три мѣсяца по смерти госпожи *Огары*, въ томъ надѣяніи, что вы всѣми силами будете споспѣшествовать ея благополучію.

Моя матушка низко ему поклонилась: на лицѣ ея начертана была искренняя признательность и я примѣтила, что она была довольна.

А насъ, *Сударыня*, продолжалъ онъ обратясь къ ней, *Миссъ Жервинсъ* проситъ принять, какъ бы отъ господина *Огары*, таковую же сумму на обыкновенныя издержки; и деньги будутъ выдаваемы вамъ или ему, но коими одни вы располагать будете по своему изволенію, *Сударыня*, ни мало въ томъ не завися отъ васъ, *Г. Огара*.

Боже мой? вскричалъ *Маіоръ*, сколь я смущенъ, государь мой, тѣмъ что здѣсь въ первой нашъ приходъ происходило! Не возможно противустоять толикому благодушію, и при семъ вставъ подошелъ къ окну, а *Капитанъ* повторялъ: Боже мой! и другія подобныя восклицанія, коихъ я упомнишь не могу; по тому что я плакала, какъ ребенокъ. Какъ! Государь мой, сказала моя матушка, ста фунтовъ *Стерлинговъ* каждой годъ! Не ето ли вы разумѣете. Такъ, *Сударыня*. И сіи сто фунтовъ будутъ мнѣ платимы съ такимъ великодушіемъ, какъ будтобъ я тѣмъ не дочери своей, но своему мужу была обязана? Боже милостивой! Сколь вы меня смущаете, государь мой! Какой стыдъ и угрызенія совѣсти возбуждаете

мы въ моемъ сердцѣ! и слезы полились у нее въ такомъ же изобилии, какъ у меня.

О Сударыня! сказала мнѣ сія любезная дѣвица, прервавъ сама свою рѣчь, и обнимая меня, сколь сердце ваше тронуто! Чтобъ тогда было, естлибъ и вы съ нами тамъ находились?

Докторъ Барлетъ, начала она продолжать свое повѣствованіе, пришелъ къ намъ въ то время, какъ начали пить чай. Мой попечитель не хотѣлъ, чтобъ служители, кои сами туда приходили, намъ прислуживали. Во все то время слышимы были одни только похвалы и обѣты о благополучіи. Взоры и движенія изъявляли одно удивленіе и признательность. Какою радостію сердца всѣхъ восхищались, вы это представить можете, Сударыня. Не сладостно ли составлять щастіе другимъ? Ахъ! безъ сумнѣнія, сколько особъ попечитель мой сдѣлалъ благополучными! Вы должны ему сказать, Сударыня, чтобъ менѣе ко мнѣ былъ милостивъ. Я не знаю, что съ собою дѣлать. Я опасаюсь, чтобъ наконецъ не стала его обожать. Но естли же онъ перестанетъ поступать со мною съ такою нѣжностію, то что будетъ со мною? Я прибѣгну къ слезамъ; обращаю гнѣвъ свой противъ самой себя, и буду думать, что онъ ничего хулы достойнаго сдѣлать не можетъ. О! *Емилиа*, душа моя! прервала я ея речъ, умѣръ свою благодарность; она занимаетъ всю твою справедливую душу, но что худаго вы тутъ находите, Сударыня? Можетъ ли доброе сердце быть неблагодарно? Г. *Барлетъ* говоритъ, что нѣтъ въ сей жизни истиннаго благополучія; такъ не лучше ли то, чтобъ наше нещастіе происходило отъ хорошей, а не отъ худой причины? Вы сами, любезная моя *Миссъ Биронъ*, дѣлали меня иногда нещастною. Какъ? Вашими милостями, коихъ я не могла ни заслуживать, ни оказывать достодожную, вамъ за то признательность.

Прелѣстная моя собесѣдница продолжала свою речъ; послѣ чаю мой попечитель отвелъ меня къ сторонѣ и говорилъ? *Емилиа* моя, [я люблю, какъ онъ называетъ меня своею *Емилиєю*; но я думаю, что онъ со всѣми такъ ласково обходится.] Посмотримъ, что намъ сдѣлать съ сими двумя билетами, и въ то время положилъ мнѣ въ руки два банковые билета, каждой въ 25 гиней. Можно имѣть, какую нибудь необходимую нужду. Разсудимъ, что ваша матушка за три мѣсяца предъ симъ вышла за мужъ: обѣ выдачи можно начать съ прошедшаго Декабря. Я увижу при ихъ уходѣ, моя *Емилиа*, съ какою пріятностію вручите вы имъ сей небольшой подарокъ; а поступки Г. *Огары* намъ покажутъ, можетъ ли ваша матушка быть съ нимъ теперь щастлива, когда взаимная ихъ польза требуетъ, дабы они имѣли другъ къ другу нѣсколько угожденія. Но чтобъ такое предложеніе происходило совершенно отъ однихъ васъ.

Какая милость, Сударыня! я бы съ великою охотою поцѣловала сіи билеты; ибо они шли изъ его рукъ. Я разумѣю, Сударь, отвѣчала я ему. И когда матушка моя вставъ хотѣла ѣхать домой и начала приносить ему

благодарность; то я обратилась къ господину *Огаръ*: *государь мой*, говорила я ему, мнѣ кажется, что первая выдача должна начаться съ прошедшаго новаго году. Примите оную изъ моихъ рукъ, и вручила ему тогда одинъ билетъ. Потомъ взглянувъ почтительно на свою матушку, боясь ошибиться при толь благоразумномъ наблюдателѣ, подала ему также и другой. Онъ посмотрѣлъ сперва одинъ билетъ, потомъ другой, съ различными знаками изумленія; послѣ чего низко поклонился мнѣ, а по томъ моему попечителю, и подалъ оба билета моей матушкѣ. Вы, Сударыня, говорилъ онъ ей, должны выразить мое смущеніе. Я не нахожу словъ соотвѣтственныхъ моимъ чувствованіямъ. Дай мнѣ Боже силъ перенести то, что я испытываю! Онъ вдругъ вышелъ изъ кабинета, гдѣ мы находились, и пришедъ въ переднюю отеръ свои слезы, испущая вздохи, кои слышны были служителямъ. Моя матушка, пересмотрѣла оба билета, какъ и ея супругъ и поднявъ оныя надо мною, обняла меня съ новымъ восхищеніемъ и нѣжностію. Она хотѣла было сказать нѣчто моему попечителю; но онъ ее предупредилъ, говоря ей: *Емилія* не будетъ никогда упускать того, чемъ вамъ должна, Сударыня, и станетъ также почитать Г. *Огару*. О! естлибъ вы вмѣстѣ были щастливы! Потомъ онъ ее подвелъ.... Какое снизхоженіе! подвелъ ее за руку къ Г. *Огаръ*, которой ободрясь нѣсколько хотѣлъ было кое что подарить служителямъ. Государь мой, сказалъ ему мой попечитель; вѣрьте, что мои служители получаютъ плату только отъ одного меня, и въ томъ имѣютъ такія правила, за кои я могу поручиться. Онъ довелъ мою матушку до кареты. Что касается до меня, то я не могла идти далѣе. Я возвратилась въ кабинетъ плача отъ радости. Я была вся нее своя. Какъ могла я противиться? Вы это чувствуете, Сударыня. Во все то время Г. *Салмонетъ* утиралъ глаза, возводилъ ихъ временемъ къ небу и произносилъ разныя восклицанія. Но всѣ сіи хвалы и одобренія казалось не подавали ни малѣйшаго тщеславія моему попечителю.

Между тѣмъ онъ ко мнѣ возвратился. Я встала и хотѣла броситься къ его ногамъ, едва имѣя силъ сказать ему, что благодарю его за милости оказанныя моей матушкѣ. Онъ удержалъ меня въ своихъ объятіяхъ сказавъ мнѣ, чтобъ я сѣла, и сѣвши самъ подлѣ меня, взялъ меня за руку. Я столь была тронута такою ласкою, что сердце мое отъ радости забилось. Онъ мнѣ говорилъ, вы видите, моя любезная, что богатства подаютъ средства способствовать щастію другихъ. У васъ есть знатное имѣніе. Теперь, когда ваша матушка вышла за *Маіора*; то я много какъ отъ нее такъ и отъ супруга ея надѣюсь. Они почувствуютъ, чѣмъ должны они другъ другу, чѣмъ должны и обществу. Они не безразсудны. Вы оказали купно и справедливость и великодушіе. Тотъ человекъ, которой будетъ жалѣть о двухъ стахъ фунтахъ *Стерлинговъ*, вычитаемыхъ изъ вашего имѣнія для составленія щастія вашей матушкѣ, не получитъ руки моей *Емилии*. Что вы о томъ скажете?

Ваша *Емилиа*, государь мой, ваша щастливая *Емилиа*, иначе не будетъ никогда заслуживать вниманія, естли не поручить себя благоразумію такого руководителя какъ вы. Таковъ былъ мой отвѣтъ, Сударыня, и я не могла сказать ему ничего столь справедливаго.

И за такой отвѣтъ, прервала я, не прижалъ онъ своей *Емилии* къ нѣжному своему сердцу?

Нѣтъ, Сударыня. Онъ не приваживалъ меня къ толикимъ милостямъ. Но онъ похвалилъ доброе мое сердце, и увѣрилъ меня, что никогда не станетъ отъ меня требовать слѣпаго послушанія, всегда будетъ совѣтоваться съ моимъ разсудкомъ, и желаетъ дабы оный внушалъ мнѣ довѣренность къ его совѣтамъ. Я не помню всѣхъ его выраженій, но онъ почти такъ говорилъ, только гораздо лучше, нежели я пересказываю. Когда я бываю съ нимъ на единѣ, то онъ чаще всего называетъ меня своею дочерью; и хотя всегда обходится со мною чрезвычайно ласково; но я замѣчаю, что онъ не столько тогда бываетъ воленъ со мною, какъ въ обществѣ. Можете ли вы сказать мнѣ тому причину, Сударыня? Ибо увѣрена, что имѣю къ нему не менѣ почтенія въ одно время, какъ и въ другое. Думаете ли вы, Сударыня, что это ничего не значитъ? Надлежитъ такому отличію на чемъ нибудь основываться. Я люблю его разсматривать, и сколько можно изыскиваю даже самое значеніе его взглядовъ, равно какъ и дѣяній. *Сирь Карль* есть, такъ сказать, книга, данная мнѣ отъ Бога для моего наученія. Для чего же мнѣ его не разсматривать?

Такъ, душа моя, отвѣчала я сей прелѣстной дѣвицѣ; разсматривай своего попечителя, пока имѣешь случай. Но онъ намѣряется насъ оставить. Онъ чрезъ нѣсколько дней поѣдетъ.

Етаго-то я и опасаюсь, возразила она съ большею задумчивостію. Я люблю *Клементину* и жалѣю о ней; сердце ея должно все претерпѣть. Съ того времени, какъ вы позволили мнѣ прочесть сокращенныя выписки *Доктора*, я все размышляю о ея состояніи. Денно и ночью прошу я Бога, дабы вы сочетались съ *Грандиссономъ*. Я не престану возсылать сіи молитвы до самага сего щастливаго дня; но простите мнѣ, естли оныя оканчиваю всегда тѣмъ прошеніемъ, дабы и вы оба согласились оставить при себѣ бѣдную *Емилию*.

Любезная дѣвица! Бѣдную *Емилию*, говоритъ она! Я ее обняла, сердца наши были тронуты и мы смѣшали свои слезы, проливъ ихъ одна о другой.... или можетъ быть и каждая о самой себѣ.

Она вышла отъ меня съ великою торопливостію а я принялась опять за перо и немѣдленно написала все сіе почти стольже скоро, какова бываетъ в мысль. Г. и Гжа *Ревсъ* меня торопятъ. Мы поѣдемъ къ обѣду въ Сентъ-Жамесь-Скваръ.

ПИСЬМО LXI.

Генріетта Биронъ къ Люціи Сельби.

Въ Среду въ вечеру, 5 Апрѣля.

Я помнится тебѣ сказала, что *Миссъ Грандиссонъ* унесла у меня вчерашнее письмо. При нашемъ прїѣздѣ обѣ сестры поздравляли меня тѣмъ предпочтеніемъ, которое ихъ братъ мнѣ далъ надъ ними, сообщая мнѣ столь откровенно свои дѣла и намѣренія. *Милордъ Л...* также пришелъ къ намъ. Ему показали мое письмо, и онъ равныя приносилъ мнѣ поздравленія. За что же? *Люція*; видно за то что жребій можетъ его освободить отъ несчастной *Клементины*; что она заключится въ монастырь и что иначе стануть располагать ею, а въ такомъ положеніи дѣлъ *Генріетта* можетъ надѣяться руки *Сира Карла*, т. е. учтиваго мужа, но не во все страстнаго. Не то ли значатъ всѣ сіи низкія поздравленія?

Кавалеръ былъ въ своемъ кабинетѣ съ *Г. Ловтеромъ*, тѣмъ лѣкаремъ, которой вмѣстѣ съ нимъ ѣдетъ въ Италію. Онъ приходилъ къ намъ на минуту и оказавъ намъ обыкновенную свою вѣжливость просилъ позволенія возвратиться къ своему обществу. Съ *Г. Ловтеромъ*, были два *Доктора*, прославившіеся лѣченіемъ головныхъ болѣзней; онъ имъ уже объявилъ о состояніи несчастной *Клементины*, и они подавали ему свои мнѣнія, какому надлежитъ быть ея лѣченію, смотря по различнымъ признакамъ ея болѣзни. Когда онъ къ намъ возвратился, то спросилъ насъ, не думаемъ ли мы какъ и онъ, что поелику болѣзни происходящія въ нервахъ гораздо чаще случаются въ Англіи, нежели въ какой другой землѣ, то *Аглинскіе Доктора* гораздо лучше и лѣчатъ оныя разумѣють, нежели иностранные? Подтверждая его мысли, *Миссъ Грандиссонъ* искренно ему призналась, что его отъѣздъ весьма обезпокоиваетъ всѣхъ его друзей и что мы не безъ опасенія думаемъ о гордомъ и вспыльчивомъ нравѣ *Генерала*. *Миссъ Биронъ*, примолвила она, говоритъ намъ, что *госпожа Бемонтъ* не совѣтуетъ вамъ ѣхать въ Италію.

Онъ отвѣчалъ, что молодой *Маркизь Порретта* и въ самомъ дѣлѣ горячъ; но что онъ не менѣе его честенъ и что страстно любитъ его сестру; а въ такомъ случаѣ печаль его заслуживаетъ снисхожденія, и имѣя справедливыя причины къ прискорбію сродно жалѣть о виновникѣ онаго. Я ничего отъ него не опасаюсь, продолжалъ *Сиръ Карлъ*, глядя на насъ съ веселымъ видомъ и не вижу причины вашей недовѣрчивости. Меня зовутъ, успѣхъ будетъ таковъ, каковъ угоденъ Богу. Если моя поѣздка будетъ кому нибудь полезна, то я почту себя за то вознагражденнымъ, если многимъ принесетъ пользу; то я буду щастливъ и какія бы происшествія ни вышли, но я буду гораздо довольнѣе, нежели тогда, когда бы не согласился на прозѣбы *Епископа*, хотябъ оныя отъ него одного происходили.

Милади хотѣла знать, которой день назначилъ *Сиръ Карлъ* къ своему отъѣзду. Онъ теперь лишь опредѣленъ, отвѣчалъ онъ. *Г. Ловтеръ* общалъ мнѣ изготавиться со всемъ къ началу будущей недѣли и думаю что приѣду въ *Дувръ* въ будущую субботу.

Мы смотрѣли другъ на друга: *Миссъ Грандиссонъ* мнѣ послѣ сказала, что я многократно перемѣнялась въ лицѣ и что она и мнѣ безпокоилась. Я, правду сказать, чувствовала нѣкое движеніе. Можетъ быть я хорошо сдѣлаю, если не стану съ нимъ прощаться при самомъ его отъѣздѣ. Ахъ, *Люція!* Черезъ девять дней.... Однако до истеченія сихъ девяти дней я буду въ объятіяхъ нѣжнѣйшихъ родственниковъ, какихъ только имѣть можно.

Сиръ Карлъ отводя свою сестру къ сторонѣ просилъ ее на минуту съ нимъ переговорить. Они пробыли вмѣстѣ съ полчаса и когда возвратились; то онъ говорилъ намъ: я чрезмѣрно радуюсь, что *Шарлотта* соглашается принять руку *Милорда Ж...* Она знаетъ, что есть истинная честь; сердце ея оной послѣдуетъ. Но я хочу ей предложить одну прозбу: *Графъ Ж...* и вся его фамилія со мною также просятъ, дабы она мнѣ оказала удовольствіе видѣть ее *Миладію Ж...* до моего отъѣзда изъ *Англій*.

Миссъ Шарлотта не могла сохранить молчанія. Я вамъ сказала, братецъ, что мнѣ никакъ не можно вамъ повиноваться, если вы чрезъ десять дней ѣдете.

Сиръ Карлъ просилъ особливо моего ходатайства. Я не могу сумнѣваться, говорила я ему, чтобъ *Миссъ Грандиссонъ* не обязала тѣмъ своего брата. Она непрестанно отговаривалась столь короткимъ срокомъ; *Сиръ Карлъ* представлялъ ей, что имѣетъ всякія причины привести свои дѣла въ порядокъ прежде своего отъѣзда и что онъ съ большимъ бы удовольствіемъ поѣхалъ, еслибъ до сего времени сестра его вступила въ бракъ толико ея достойный. *Милордъ*, примолвилъ онъ съ большимъ жаромъ, васъ обожаетъ, вы намѣрены за него выдти. Такъ одолжите такого брата, которой желаетъ васъ видѣть въ благополучіи, хотя самъ никакого щастія себѣ ожидать не можетъ.

О *Сиръ Карлъ!* вскричала *Шарлотта*, вы меня убѣждаете своимъ важнымъ видомъ и столь великою благопривѣтливостію.

Я не о шутливомъ чемъ говорю и не знаю еще ничего толь важнаго. *Шарлотта*, у меня дѣлъ привеликое множество. Сердце мое теперь въ семь любезномъ обществѣ открывается; разныя дѣла отдаляютъ меня отъ онаго до наступающей среды. Если вы отвергнете теперь мою прозбу; то я не скажу больше ни слова. Объяснитесь откровенно. Имѣете ли другія, какія на то возраженія, кромѣ трудности въ таковомъ признаніи? Такъ я перестану васъ просить.

И такъ, *Сударь*, это ваше послѣднее слово. Она не преминула прикрасить сей отвѣтъ нѣкоею гордѣливостію.

Разумѣемъ ли мы другъ друга, любезная сестрица; это слово не *Милордово*, а мое. Я бы желалъ, чтобъ вы нѣсколько основательнѣе разсудили о такомъ важномъ дѣлѣ. Ежели вы мнѣ можете назначить какойнибудь къ тому день до вторника, то чувствительно меня одолжите. Я въ томъ полагаюсь на ваши размышленія.

При сихъ словахъ онъ вышелъ. Каждой изъ насъ старался склонить *Миссъ Грандиссонъ* на желанія ея брата. *Милади Л...* ей представляла, что онъ имѣеть нѣкія права требовать угожденія отъ своихъ сестеръ и что онъ съ большимъ еще жаромъ объяснился съ нею и ея мужемъ; что впрочемъ такія важныя причины, распоряженія своихъ дѣлъ до своего отъѣзда, немогутъ быть опровергаемы; шутливыми возраженіями. Ты знаешь, *Шарлотта*, продолжала она, что онъ не можетъ имѣть другой цѣли, кромѣ своихъ выгодъ; а ты мнѣ и говорила, что намѣрена выдти за *Милорда Ж...* и что считаешь его отца, дядю и всю его фамилію. Также и они имѣють къ тебѣ величайшее уваженіе. Статьи брачныя написаны; братецъ мнѣ о томъ вчера въ вечеру сказывалъ. Недостаеть только того, чтобы ты выбрала день....

Шарлотта съ нетерпѣливостію отвѣчала: желалабъ я видѣть въ немъ и половину такой торопости къ собственной своей свадьбѣ.

Да то и будетъ, не сумнѣвайся, возразила *Милади*, естли бы онъ столь же былъ свободенъ, какъ ты.

Прекрасное предложеніе? прервала ея рѣчь своенравная наша невѣста. Мнѣ выдти за мужъ на етой недѣлѣ за такого человѣка, съ которымъ не переставала за двѣ недѣли до сего времени ссориться. Гордость и болтливость должны постепенно прекратиться, моя любезная *Шарлотта*. Мѣсяца времени не очень много, чтобъ придать нѣсколько пріятности къ моимъ словамъ и пріучить его улыбаться предо мною.

Братецъ вашъ, дорогая *Шарлотта*, взяла я смѣлость говорить ей, далъ вамъ выразумѣть, что любить вашу живость; но еще бы больше васъ любилъ, естлибъ вы разбирали время и случай. Подумайте, любезная своячина, сказалъ тотчасъ *Милордъ Л...* что онъ вышелъ отъ насъ въ твердомъ намѣреніи не принуждать васъ больше къ своему желанію.

Я ненавижу такого рѣшительнаго вида, отвѣчала она. Но *Шарлотта*, начала я опять говорить, не признался ли онъ вамъ по самой искренности, что того требуетъ нѣкая необходимость?

Отгадай, любезная *Люція*, отвѣтъ *Миссъ Грандиссонъ*. Послушайте, *Генріетта*. Я не люблю етой *Климентины*; отъ нее-то все это зло происходитъ.

Въ сіе самое время услышавъ у воротъ каретной стукъ и наша *Емилиа* прибѣжавъ въ намъ сказала, что это пріѣхалъ *Милордъ Ж...* съ *Графомъ* своимъ отцемъ и съ *Милади Ж...* своею теткою. *Миссъ Грандиссонъ* перемѣнилась въ лицѣ. Она думала, что это сдѣлано хитростію ея брата. Боже мой! сказала она, и такъ отовсюду будутъ меня

опечаливать? Но я знаю, что дѣлать. Я представляюсь дураком, чтобъ чего хуже еще не надѣлать. Етаго я мало опасуюсь, отвѣчала ей *Милади Л...* Однако вспомни усиленные прозрѣныя нашего брата и пощади нѣсколько *Милорда Ж...* при его отцѣ и теткѣ, ежели не хочешь насъ всѣхъ опечалить. Что дѣлать? возразила она. Последняя наша ссора еще продолжается. Но посоветуйтежъ ему не быть нахаломъ и не представлять изъ себя такого человѣка, которой съ лишкомъ уже увѣренъ въ своихъ выгодахъ.

Сиръ Карлъ тотчасъ къ намъ вошелъ, подавая руку *Милади Ж...* *Миссъ Грандиссонъ* по первыхъ учтивостяхъ ему сказала, отводя его къ себѣ, пожалуйста скажите, не уже ли вы ничего не знали объ етомъ посѣщеніи? Онъ признался что приглашалъ ихъ къ обѣду, но не имѣлъ ни мало намѣренія ее привести въ толь мало ожиданное смущеніе. Ваше согласіе, примолвилъ онъ, принесетъ мнѣ чрезвычайное удовольствіе; но вы не менѣе будете мнѣ любезны, хотя въ томъ и откажите. Она просила его въ двухъ словахъ со всею пылкостью, какую только могла вмѣстить въ оныя, говоря ему весьма тихо, чтобъ онъ былъ менѣе великодушень или менѣе бы ее понуждалъ на свои желанія. *Милади Ж...* не показываясь изумленною отъ такого краткаго разговора, вставши взяла ее за руку и просила ее пройти съ собою въ боковой кабинетъ. Онѣ вышли оттуда не прежде какъ къ самому обѣду. Никогда *Миссъ Грандиссонъ* не казалась мнѣ столь мила, какъ при тогдашнемъ своемъ возвращеніи. Прелестный румянецъ украшалъ ея щеки. Видъ удовольствія, усматриваемый въ ея взорахъ, оказывалъ во всемъ ея станѣ такія пріятности, какихъ я еще въ ней не примѣчала и казалось украшалъ еще болѣе сродную ей во всѣхъ чертахъ величавость, *Милордъ Ж...* казался весьма обрадованнымъ, какъ будто бы сердце его выводило изъ всего того пріятнаго предзнаменованія. Старой *Графъ* не менѣе оказывалъ удовольствія. За обѣдомъ *Миссъ Грандиссонъ* говорила очень мало и я примѣтила, что она стала задумчива. Такая переменна очень меня обрадовала: она мнѣ подала такую мысль, что чемъ любовникъ ближе подходитъ къ качеству мужа, тѣмъ скорѣе излишняя живость любовницы перемѣняется въ угожденіе ласковой жены. Однако по временамъ, когда *Милордъ* хотѣлъ было выразить свою радость словами, я очень примѣчала, что она опять принимала на себя такой видъ, которой вдругъ внушаетъ и любовь и опасеніе. Послѣ обѣда *Милади Ж...* и *Графъ* просили *Сира Карла* и *Милади Л...* переговорить съ ними. Сіи переговоры не долго продолжались, и *Сиръ Карлъ* пришедъ къ вамъ взялъ съ собою *Миссъ Грандиссонъ* и повелъ ее къ собранію. Я примѣчала, что *Милордъ Ж...* часто перемѣнялся въ лицѣ.

Сиръ Карлъ оставя ихъ пришелъ послѣ того къ намъ. Мы тогда стояли; а онъ обратясь ко мнѣ говорилъ: я надѣюсь, что *Шарлотта* склонится на наше желаніе; но я не буду ее больше принуждать. Онъ

хотѣлъ было подать намъ и другія о ней объясненія, какъ *Милади Л...* пришедъ просила его пойти со мною къ его сестрѣ, которая оставила *Милади Ж...* и *Графа* и не хотѣла къ нимъ возвратиться. Мы шли до самой передней, гдѣ ее встрѣтили. Ахъ! любезная *Генріетта*, вскричала она; пожалей о мнѣ, моя дорогая. Уничиженіе есть изчадіе гордости. Потомъ обратясь къ своему брату говорила; и такъ неотступныя ваши прозѣбы братаецъ, по причинѣ скорого вашего отъѣзда, и докучливости *Милади Ж...* *Графа* и моей сестры меня убѣдили. Не успокоюсь духомъ и не приготовюсь ни мало въ разсужденіи платьевъ, намѣрена я обязать наилучшаго брата. Дѣлайте, государь мой, что хотите, располагайте мною по своему благоразсмотрѣнію.

Сестрица моя, говорила намъ *Милади Л...* соглашается назначить будущую среду днемъ своего замужства.

Сирь Карль повторилъ, что естли остается ей сдѣлать на то какое либо возраженіе и естлибъ она только усумнилась.... Я ни въ чемъ не сумнѣваюсь, Сударь, отвѣчала она; но я судила, что одного мѣсяца или и двухъ не много для меня времени осмотрѣться вокругъ себя и что поступавши съ *Милордомъ Ж...* нѣсколько безразсудно должна была подавать ему постепенно надежду имѣть больше со мною благополучія, нежели сколько можетъ онъ себѣ обѣщевать въ сожитіи со мною. *Сирь Карль* принявъ ее въ свои объятія говорилъ, что признаетъ въ ней свою прекрасную сестру и просилъ у нее позволенія представить ее торжественно *Графу* и *Милади Ж...* я пошла за нею и сей обрядъ совершенъ былъ весьма благородно. *Графъ* немедленно пошелъ за своимъ сыномъ, коего на передъ представилъ *Сирю Карлу*. *Миссъ Грандиссонъ* видя что онъ подходитъ, говорила мнѣ на ухо, я погибла совсемъ, любезная *Генріетта*; мы дошли теперь до самаго опаснаго явленія во всей етой комедіи. *Милордъ Ж...* ставъ однимъ колѣномъ на полъ хотѣлъ поцѣловать у ней руку; и въ восхищеніи своемъ не могъ вымолвить ни слова, когда узналъ, что щастливымъ его днемъ назначили наступающую среду. И такъ невозможное дѣло, дорогая *Люція*, чтобъ *Сирь Карль* не могъ привести къ желаемому концу всего того, что ни задумаетъ! Когда онъ возвратится въ Италію и покажется въ домѣ *Порреттовъ*, то кто возможетъ ему противиться? уваженіе, приобрѣтенное имъ своими достоинствами, не болѣли еще усугубится? Того человѣка, коего отсудствія желали, теперь они сами къ себѣ приглашаютъ. Всѣ средства уже изтощены для излѣченія *Клементины*. Теперь онъ получилъ знатное имѣніе. Слухъ о его добродѣтеляхъ разпространился и въ отдаленныхъ земляхъ. О! моя любезная *Люція*, какія препятствія удержать его могутъ? И естли угодно будетъ Богу возвратитъ здравіе *Клементинъ*; то не должны ли всѣ ея родственники единодушно отдать ему ея руку на тѣхъ условіяхъ, кои онъ имъ предлагалъ? И самъ онъ предложа оныя воленъ ли ихъ отвергнуть?

Ясно видно что сердце его занято *Клементиною*: я соглашаюсь, что тому такъ быть должно; но при всемъ томъ тронули меня тѣ слова, кои онъ говорилъ на какія то представленія *Милорда Л...* „Я нетерпѣливо желаю переправиться за море. Естьлибъ я не ждалъ лѣкаря; то самолично принесть бы свой отвѣтъ на тѣ письма, кои получилъ изъ *Италіи*.„ Но поелику влечетъ его туда честь, состраданіе, любовь и дружество, которое я почитаю въ немъ еще болѣе любви; то да послѣдуетъ онъ столь понудительнымъ законамъ. Онъ оказываетъ мнѣ почтеніе; то и я желаю быть достойною его дружбы. Ето будетъ нѣсколько меня мучить; но можно ли почитать кого выше всѣхъ и когда нибудь ради сего самаго на него не оскорбляться.

Сиръ Карль говорилъ намъ, что онъ обязался окончить завтра три брака господъ *Данби*. На другой же день послѣ того долженъ онъ ѣхать въ *Виндзоръ*, для сопутствованія *Милорду В...* которой въ первой разъ хочетъ еще сѣздить въ замокъ *Мансфелсъ*. Вы, сестрица, говорилъ онъ, *Милади Л...*, пожалуйста примите на себя трудъ приказать переправить бриліанты покойной моей теткы: *Милордъ В...* хочетъ ими подарить нашу новобрачную. Они такъ богаты, что не требуютъ инной перемѣны. Вы всѣ будете радоваться, примолвилъ онъ обратясь къ *Милору Л...* и къ обѣимъ своимъ сестрамъ. Другой вашей теткѣ и всей ея фамиліи. Я радостно предусматриваю то благополучіе, которое ожидаетъ брата нашей родительницы при его старости и не менѣе радуюсь тому происшествію, по коему одна древняя и добродѣтельная фамилія освобождена будетъ отъ угнѣтенія.

Ты бы увидѣла, *Люція*, что всѣ показывали тогда видъ чрезвычайнаго удовольствія. Мы смотрѣли другъ на друга съ нѣжностію, какъ бы сообщая взаимную свою чувствительность одинъ другому. Я воображала, что вижу среди насъ благотворительнаго Государя, поставляющаго своимъ щастіемъ то удовольствіе, которое намъ приноситъ. Но гдѣ онъ будетъ чрезъ восемь дней? И естьли позволено мнѣ сіе размышленіе, кому онъ чрезъ годъ принадлежать будетъ?

Онъ много говорилъ о своемъ другѣ *Бельшеръ*, коего надѣялся видѣть въ *Англіи* до своего отъѣзда. Онъ жаловался на *Г. Еверарда Грандиссона*, котораго нѣсколько недѣль не видалъ, и думаетъ что онъ по своему обычаю пустился на нѣсколько мѣсяцевъ въ какіе нибудь новыя волокитства. По великому своему благодущію онъ почитаетъ его искреннимъ всякой разъ, когда видитъ что онъ оставляетъ свои худыя поступки. Онъ надѣется, говоритъ онъ, что рано или поздно его братъ узнаетъ совершенно всѣ свои заблужденія. Ахъ! моя дорогая! какую особу представляетъ собою волокита, естьли сравнить его съ такимъ человѣкомъ каковъ *Сиръ Карль* при своихъ качествахъ въ обществѣ бываетъ? *Милади Ж...* и старой *Графъ* не могутъ на него насмотрѣться:

они слушаютъ его чрезвычайно внимательно, и кажется гордятся свойствомъ съ такимъ человѣкомъ, коему никого равнаго не знаютъ.

Въ послѣднемъ своемъ письмѣ, *Люція*, ты мнѣ говоришь, что *Г. Гревиль* осмѣлился грозить сему примѣрному человѣку. Смѣшной человѣкъ! Какъ сердце мое негодуетъ на *Гревиля*! Но не станемъ говорить о такихъ низкихъ душахъ.

Примѣчаніе. „Предидущее письмо помѣщено здѣсь для того, чтобъ показать свойства *Миссъ Грандиссонъ* и соединить перемѣну ея состоянія и имени со многими другими происшествіями, кои за онымъ должны были послѣдовать: но здѣсь упускаются всѣ письма касающіяся до брака *Данбіевъ*, *Милорда В...* самой *Миссъ Грандиссонъ* и до прибытія *Г. Бельшера*. *Сиръ Карль* во всемъ показывается добрымъ, великодушнымъ, справедливымъ и неустрашимымъ. Свойство его и въ малѣйшихъ обстоятельствахъ не измѣняется. Удивленіе непрестанно возрастаетъ во всѣхъ тѣхъ, кои какое нибудь дѣло съ нимъ имѣютъ. А удивленіе *Миссъ Биронъ* становится къ нему столь велико и столь нѣжно, что не лзя уже обманываться въ истинныхъ ея чувствованіяхъ: ея любовь добродѣтельная, но самая страстная. Ея безпокойства чрезвычайно умножаются неожиданнымъ пріѣздомъ Госпожи *Оливіи*, той знаменитой Флорентинки, которая съ давняго времени почувствовала къ *Сиру Карлу* сильную страсть, которую его отсутствіе столь мало успокоить могло, что она поѣхала къ нему въ Англію, желая ему предложить свою руку и нещетное богатство. Такое предложеніе происходило, правду сказать, по степенно. *Оливія* выѣхала изъ своего отечества подъ тѣмъ видомъ, что давно имѣетъ охоту къ путешествіямъ. Она видѣлась сперва съ сестрами *Сира Карла* и тутъ происходили одни только учтивости. Она и съ нимъ видѣлась, только въ качествѣ пріятельницы, которая не могла его забыть со времени ея отъѣзда изъ Флоренціи и которая радуется что не всѣмъ Агличанамъ незнакома. Но любовь вскорѣ возторжествовала надъ всѣми такими скрытностями. Она довела ее до того, что она открылась во всемъ госпожамъ *Грандиссонъ*; понуждала ихъ брата и объявила, что не хочетъ быть оскорбленною отказомъ, а когда увѣдомилась, что онъ готовится ѣхать опять въ Италію; то пришла въ яростную нерѣшимость. Однако госпожа *Маффеи*, старая ея тетка, которая съ нею вмѣстѣ пріѣхала, весьма благоразумно привела ее на честныя намѣренія, склоня ея ожидать въ Англіи возвращенія *Сира Карла*. Сверхъ надежды, кою сія госпожа ласкаетъ ее для будущаго времени, она увѣрила ее что естли возвратится въ Италію такъ сказать по слѣдамъ такого человѣка, къ коему, какъ извѣстно, имѣетъ нѣжную страсть; то тѣмъ совершенно себя обезчестить; оставшись же напротивъ того въ Англіи она подастъ поводъ думать, что единственно изъ охоты къ путешествіямъ оставила свое отечество, не считая того что въ отсутствіе *Сира Карла* будетъ имѣть время придти въ любовь такой фамиліи, которую ей столь полезно преклонить

на свою сторону. *Миссъ Биронъ* описываетъ все сіе въ пространныхъ своихъ письмахъ къ *Люціи Сельби*. Она мало обезпокоена требованіями *Олівіи*; но въ разсужденіи *Клементины* опасенія ея гораздо больше прежняго смущать ее начали, и каждая минута приближающаяся къ его отъѣзду усугубляетъ ея безпокойство. Она наблюдаетъ и сообщаетъ своей пріятельницѣ все, что ни видитъ и ни слышитъ. По справедливости, она усматриваетъ съ какимъ трудомъ онъ ее оставляетъ. Онъ прощается съ нею съ великою боязнію, препоручаетъ ей *Эмилию* и самаго себя, и наконецъ въ самой день отъѣзда укрывается отъ всѣхъ и тѣхъ, кои надѣялись принять его еще въ свои объятія, какъ бы опасался быть надмеру тронутымъ, дабы не изъявить своихъ сердечныхъ чувствованій. Приносятъ извѣстіе, что онъ уже поѣхалъ и *Миссъ Биронъ* первая увѣдомляетъ о томъ свою двоюродную сестру.,,

ПИСЬМО LXII.

Генріетта Биронъ къ Люціи Сельби.

Въ Субботу, 15 Апрѣля.

О! *Люція*, *Сиръ Карлъ* насъ оставилъ. Онъ уѣхалъ. Онъ сѣлъ въ коляску въ три часа по утру, въ томъ видно намѣреніи, чтобъ не принеся печали о сей разлукѣ своимъ сестрамъ, двумъ зятямъ, *Милорду В...* и безъ сумнѣнія самому себѣ. Мы объ етомъ узнали уже по нашемъ пробужденіи. Еслибъ я имѣла охоту писать, которая только на нынѣшній случай на мнѣ пропала; то могла бы сообщить тебѣ премножество подробностей обо всемъ, о чемъ теперь только въ двухъ словахъ сказать тебѣ могу.

Вчера за обѣдомъ провели мы время довольно пріятно. Каждой старался по крайней мѣрѣ казаться веселымъ. Увы! Сколь великая печаль сопрягается съ удовольствіемъ любить кого и быть любиму! Я не менѣе почитаю его сожалѣнія достойнымъ, какъ и насъ самихъ.

Италіанка была всѣхъ задумчивѣе. Но *Емилиа*.... Ахъ! бѣдная *Емилиа* она разъ пять выходила изъ за стола плакать; но я одна только это замѣтила. Послѣ обѣда я видѣла только одного *Сира Карла* веселымъ: но такая веселость показалась мнѣ принужденною. Онъ просилъ меня сыграть арію на клависинѣ. *Милади Л...* также меня просила. Мы даже на великую силу играли, естли сказать правду. Онъ самъ взялъ скрипку, а потомъ сѣлъ къ клависину. Мы знали что онъ превосходно играетъ на семъ инструментѣ, но это есть плодъ долговременнаго его пребыванія въ Италіи. *Олівія* знала сіе его искусово; она и сама играла, и мы не удивлялись, что она насъ въ томъ превосходила. Италія есть отечество Гармоніи.

Въ семь часовъ въ вечеру онъ просилъ меня на минуту съ собою поговоришь, и слова его не мало меня удивили. Онъ мнѣ сказалъ, что *Милади Л...* удостоила его своимъ посѣщеніемъ. Я весьма была поражена таковымъ извѣстіемъ и едва не лишилась чувствъ. Она мнѣ предлагала разные вопросы, продолжалъ онъ.

Государь мой, государь мой! Вотъ все что я могла ему на то отвѣчать.

Самъ онъ трепеталъ, говоря со мною. Увы! любезная моя, я увѣрена что онъ меня любитъ. Но какъ степененъ онъ мнѣ показался! Богъ да подастъ вамъ всякое благополучіе! любезная моя *Миссъ Биронъ!* говорилъ онъ мнѣ; мое благополучіе не столь для меня дорого, какъ ваше. Для исполненія только моего обѣщанія говорю я вамъ о семъ посѣщеніи: иначе могъ бы освободить отъ сего прискорбія васъ и самаго себя. Тутъ онъ остановился; потомъ опять началъ, видя что я была безмолвна, не имѣя силъ говорить ему что нибудь. Сродниковъ вашихъ, Сударыня, просятъ усиленно благопріятствовать одному молодому человѣку, которой васъ любитъ. Онъ молодой и знатной господинъ; я знаю его достоинства... Я привожу васъ въ смущеніе, Сударыня. Извините меня, я исполняю данное мною слово. При сихъ словахъ онъ меня оставилъ съ нѣкою веселостію. Какъ можетъ онъ быть такъ спокоенъ! По томъ сѣли играть въ карты. Я продолжала свою игру безъ всякаго вниманія. *Емилиа* смотря въ свои карты вздыхала, и я видѣла что слезы текли по ея щекамъ. Сколь она любитъ своего опекуна! *Емилиа*, говорила я вамъ... право я сама не знаю, что пишу.

За ужиномъ мы были чрезвычайно печальны?

Бельшеръ хотѣлъ ѣхать съ своимъ другомъ, *Сиръ Карль* перемѣнилъ сей разговоръ, и отвергъ хотя и не прямо такое предложеніе, поручая ему имѣть нѣжнѣйшія попеченія о обѣихъ Италианокъ. Онъ пребылъ нѣсколько минутъ на единѣ съ Гжею *Оливію*, которая возвратилась послѣ сего разговора съ покраснѣвшими отъ слезъ глазами. Бѣдная *Емилиа* искала случая также переговорить съ нимъ на единѣ. Съ какимъ желаніемъ она того искала! Онъ отвелъ ее на минуту къ окну и говорилъ съ нею. Полночь наступала. Онъ взялъ ее за обѣ руки, называлъ ее своею *Емилию* и просилъ ее не замѣдлить къ нему писать. Она признается, что не могла, ни слова на то отвѣтствовать; она только вздыхала; а при всемъ томъ о весьма многомъ хотѣла съ нимъ говорить.

Онъ нимало не противурѣчилъ своимъ сестрамъ; кои желали дабы онъ съ нами вмѣстѣ на другой день завтракалъ: онѣ и меня къ оному пригласили, равно какъ и обѣихъ Италианокъ Въ сей надеждѣ разошлись мы всѣ по своимъ покоямъ. Но нынѣ по утру *Милади Ж...* велѣла мнѣ сказать, что онъ уже поѣхалъ. Жестоко было для меня, естлибъ я въ другой надеждѣ съ нимъ опять увидѣлась. Какъ могъ онъ столь тайно насъ оставить? Я вижу, что вчера по утру навѣщалъ онъ насъ съ тѣмъ,

чтобъ проститься со мною и двоюродною моею сестрою. Я тому не довѣрялась. Сколь нѣжно говорилъ онъ съ нами? Сколько жалѣлъ о своемъ жребіи? Какъ предлагалъ намъ свои услуги? Онъ казался смущенъ выражая вамъ всѣ свои чувствованія. Точно, моя любезная, онъ меня не ненавидитъ. Сколь противуборствовало ему сердце. Мужчина не можетъ жаловаться: мужчина не можетъ требовать состраданія, какъ женщина. Но я не обманываюсь, что онъ имѣетъ сердце самое нѣжное.

Когда мы хотѣли разставаться; то онъ подавъ руку госпожѣ *Ревсъ*, довелъ ее до самой кареты; онъ и мнѣ равную оказалъ учтивость, *Г. Ревсъ* сказалъ ему; мы увѣрены, *Сиръ Карль*, что завтра по утру будемъ имѣть удовольствіе съ вами видѣться. Онъ отвѣчалъ на то однимъ поклономъ, и пособя мнѣ сѣсть въ карету воздохнулъ и пожалъ у меня руку. Мнѣ кажется по крайней мѣрѣ, что онъ искалъ ее. Вотъ все. Ни съ кѣмъ не цѣловался, и я сумнѣваюсь, чтобъ онъ свидѣлся съ *Клементиною* такъ какъ съ нами разстался. Но я имѣю почти причину думать, что *Докторъ* зналъ его тайну.

Такъ точно, моя любезная; онъ теперь лишь насъ оставилъ и видѣлъ что глаза мои очень были томны. Я не могла сомкнуть ихъ во всю ночь; хотя не прежде узнала о его отъѣздѣ какъ въ семь часовъ сего утра.

Сколь *Докторъ* добросердеченъ что меня навѣстилъ. Его посѣщеніе меня ободрило. Но онъ не примѣчалъ, что глаза у меня были красны. Онъ говорилъ мнѣ, что *Сира Карла* сестры, шурья, и дядя такъ были опечалены, какъ будто бы онъ на всегда ихъ оставилъ. Ктожъ знаетъ?... Но я не хочу мучить себя столь жестокими предположеніями. Я буду вспоминать то, что онъ самъ вчера говорилъ, и конечно для нашего наставленія; что онъ обѣщевалъ себѣ радостные дни.... Однако должна ли я думать, чтобъ онъ такое наставленіе считалъ меня нужнымъ? Мыслилъ ли онъ подать мнѣ оное? Но не станемъ о томъ говорить, это тщеславіе; удались отъ меня таковая надежда. Я должна вѣрить со всемъ тому противоположному. *Клементина* опредѣлена для него; и онъ для ней.

Однако, *Люція*, что сказать о его движеніи, когда онъ говорилъ мнѣ о *Милади Д.....*? Ахъ! Я желаю быть одолженною онымъ чувствованіямъ его сердца всегда челолюбиваго. Онъ хотѣлъ имѣть мою дружбу и свидѣтельствовалъ мнѣ свою съ нѣжности. Не должны ли я быть тѣмъ довольна: я и довольна, и быть такою хочу. Не имѣетъ ли онъ ко мнѣ такой любви, которая превосходитъ чувства? Несчастливая *Оливія* такого удовольствія не имѣетъ. Какъ она сожалительна? Если я ее вижу въ печали и изнеможеніи, то не могу отказать ей въ своемъ сожалѣніи. Вся ея надежда миновала; всѣ ея намѣренія, понудившія ее преодолевать толикія трудности, пустишся въ продолжительное путешествіе, подвергнуться яростнымъ волнамъ и пріѣхать даже въ Англію, вдругъ уничтожилась, и въ то самое время когда она вѣрно считала что оныя совершатся. Она пріѣзжаетъ; а онъ отправляется въ путь и летитъ на

крыльяхъ любви и состраданія къ предмету дражайшему и достойнѣйшему его нѣжности въ ту землю, которую она оставила съ тѣмъ, дабы его искать въ его отечествѣ. Ея состояніе не гораздо ли плачевнѣе моего? Таково оно кажется въ моихъ глазахъ. И такъ на что же должна я жаловаться?

Я заблуждаюсь, дорогая *Люція*. Прости мнѣ, если это примѣчаешь. Я весьма поражена лишаясь своей надежды и въ такое прихожу состояніе, что бываю чувствительна къ прискорбіямъ другихъ. Но если злополучіе производитъ такое дѣйствіе; то мнѣ отъ сего легчѣ будетъ сносить свои печали.

Докторъ меня увѣдомилъ, что *Емилія* сраженная своими собственными печальми немедленно ко мнѣ будетъ. Если я могу служить къ ея утѣненію? Но не имѣю ли сама въ томъ нужды? Мы смѣшаемъ свои слезы, мы станемъ плакать одна о другой.

Милордъ В... возвращается въ Виндзоръ. *Г. Бельшеръ* чрезъ нѣсколько дней ѣдетъ въ Гампширъ; откуда въ непродолжительномъ времени хочетъ назадъ возвратиться и представить свои услуги *Италіанкамъ*. *Оливія* готовитъ экипажи. Она хочетъ здѣсь представить изъ себя пышную особу; но не будетъ съ нею *Сира Карла*; можетъ ли пышность служишь къ успокоенію возмущеннаго сердца? *Графъ Ж...* и *Милади*, его сестра поѣдутъ обратно въ Гертфордширъ. *Милордъ* и *Милади Л...* говорятъ, что удалятся на нѣсколько недѣль въ Колнеброкъ. *Докторъ* разполагается ѣхать въ замокъ *Грандиссонъ*, а бѣдная твоя *Генріетта* въ Нортгamptonширъ. Боже мой! Какое разсѣліе! Но бракъ *Милорда В...* соберетъ нѣкоторыхъ изъ сихъ особъ въ Виндзоръ.

Емилія пріѣхала. Мнѣ сказано, что эта любезная дѣвица вся въ слезахъ. Она у госпожи *Ревсъ* и ожидаетъ позволенія идти ко мнѣ. Представь себѣ, что мы вмѣстѣ плачемъ и молимся о сохраненіи общаго нашего попечителя. Твое воображеніе не можетъ тебѣ представить столь трогательной картины. Прости, дорогая моя *Люція*.

ПИСЬМО LXIII.

Миссъ Биронъ къ той же.

Въ Воскресенье, 16 Апрѣля.

Ахъ! какое произшествіе, моя любезная! не бесполезно для меня оное вамъ сообщить. Бѣдная *Емилія*! Если я стану описывать тебѣ ея уныніе, то тѣмъ выражу свое собственное.

Милордъ В... поѣхалъ вчера въ Виндзоръ. Что скажешь ты о страннѣйшемъ поступкѣ *Оливіи*? Когда *Г. Бельшеръ* къ ней пришелъ и представляя свои услуги хотѣлъ ей сотовариществовать въ ея прогулкахъ, по желанію *Сира Карла*, который поручилъ ему доставлять здѣсь всякія

пріятности и веселія обѣимъ Иностранкамъ; то она при своей теткѣ ему отвѣчала, что благодаритъ его за учтивость; но что она ни какого не причинитъ ему труда во все время своего здѣсь пребыванія, и знаетъ нѣсколько такихъ людей, кои имѣютъ свѣденіе о Англіи. Онъ оставилъ ее съ неудовольствіемъ. А какъ *Милади* нынѣ послѣ обѣда ее навѣстила, то она сама рассказала ей о предложеніи Г. *Бельшера* и о ея отвѣтѣ. Она хвалила его видъ и учтивость. Но что она нѣсколько грубо отвергла его предложенія, что сіе сдѣлала, говоритъ она, для того что не можетъ сумнѣваться, дабы *Кавалеръ Грандиссонъ* не имѣлъ какихъ нибудь замысловъ въ томъ дѣлѣ, которое поручилъ своему другу. Я ихъ презираю, примолвила она и ежелибъ въ томъ была увѣрена; то сыскалабъ можетъ быть средство дать ему возчувствовать всю низкость онаго. *Милади* отвѣчала ей, что ея братъ и Г. *Бельшеръ* не имѣли иныхъ намѣреній, какъ доставить ей какія нибудь пріятности въ своемъ отечествѣ. Нѣтъ нужды, возразила гордая Италіянка, я не ожидаю ни какихъ услугъ отъ Г. *Бельшера*: но если вы мнѣ позволите, *Сударыня*, также и ваша сестрица, и оба *Милорда* снискивать ваше дружество; то я приложу къ тому всѣ свои старанія. Общество *Доктора Барлета* будетъ мнѣ также весьма пріятно. Я имѣю нѣкое право требовать дружбы отъ *Миссъ Жервинсъ*, которую я старалась было удержать въ Италіи, но вашъ братецъ, у коего причины къ возраженію всегда готовы.... Не будемъ о томъ говорить; однако не съ меньшею охотою желаю я видѣться съ тою Аглинскою красавицею, которую вы называете *Миссъ Биронъ*. Я удивляюсь ей тѣмъ болѣе, что она, если не обманываюсь, заслуживаетъ мое сожалѣніе. Словомъ, я почту себя весьма щастливою, если корочѣ съ нею спознаюсь.

Милади отвѣчала ей весьма щастливо за себя и за своего мужа, но сказала ей, что я готовлюсь ѣхать обратно въ свою провинцію, а *Докторъ* за нужными дѣлами долженъ отправиться въ помѣстья *Сира Карла*. Въ продолженіи сего разговора примѣтя, что у *Оливіи* рука завязана была черною лентою, спросила она, не приключилось ли ей какого припадка, Бѣздѣлица, отвѣчала Италіянка. Вы не можете никогда узнать тому причину: но я прошу васъ больше меня о томъ не спрашивать. Сіи слова болѣе еще возбудили любопытства въ *Милади*. Она просила *Емилию*, съ коею *Оливія* желаетъ вмѣстѣ нынѣ завтракать, употребить все искусство къ открытію сей тайны, ибо отговариваясь отъ объясненій она покраснѣла и казалась сама собою недовольна.

Милади Ж.... усиленно меня проситъ дѣлать съ нею цѣлый мѣсяць всѣ городскія веселости. Но я ничего столь сердечно не желаю, какъ видѣть себя у ногъ моей бабушки и тетушки, и заключить въ свои объятія мою *Люцію*, мою *Нанси* и всѣхъ любезныхъ мнѣ особъ въ Нортгэмптон-Ширѣ. Я боюсь только дядюшки. Сколько насмѣшекъ готовитъ онъ своей *Генріеттѣ*? Но онѣ, я увѣрена, будутъ служить для развеселенія ея.

Однако мнѣ кажется, что веселые мои дни миновались. Мое положеніе уже не таково: во пусть его забавляется, естли такія шутки ему угодны.

Меня такъ часто просятъ пробыть здѣсь долѣе, что я должна, я желаю, да и нѣтъ другаго средства, какъ назначишь однажды день моего отъѣзда. Согласны ли вы, дражайшіе мои родственники, чтобъ я поѣхала въ замокъ Сельби въ будущую пятницу.

Въ Воскресенье въ вечеру.

Ахъ, дорогая *Люція*! Какую странную повѣсть ты услышишь? *Емилиа* вышла теперь изъ моего горницы. Она просила меня поговоришь съ нею особенно. А когда увидѣла себя со мною на единѣ; то бросилась ко мнѣ на шею. Ахъ! Сударыня, вскричала она, я пришла вамъ сказать, что есть на свѣтѣ такой человѣкъ, котораго я ненавижу да и должна ненавидѣть во всю мою жизнь: Это *Оливіа*. Возмите меня, увезите съ собою въ Нортгэмптон-Ширъ, чтобъ я никогда не имѣла печали ее видѣть. Такія слова меня удивили.

О? Сударыня, я узнала, что въ прошедшій четвергъ она хотѣла убить моего попечителя.

Помните, Сударыня, какъ они вмѣстѣ отъ насъ удалились, когда мой попечитель къ намъ возвратился, то лице его было воспаленно: онъ послалъ къ ней свою сестру, и мы удивились, что самъ онъ къ ней не воротился. Она требовала отъ него, чтобъ отложилъ свое путешествіе и не могли того получить, пришла въ ярость. Они весьма горячо говорили другъ съ другомъ, и въ неистовствѣ своемъ она вынула изъ корсета своего кинжалъ и клялась вонзить его сердце, если онъ не обѣщаетъ ей никогда не видаться съ *Клементиною*. Онъ къ ней подошелъ, надѣясь отнять у ней сіе оружіе, не достало ей бодрости къ совершенію ея умысла, и онъ, какъ вы Сударыня легко подумать можете, схватилъ ея руку и вырвалъ кинжалъ; но какъ она вырывалась отъ него, то и поранила себѣ ладонь. Отъ того-то у ней завязана рука широкою черною лентою. Ехитная женщина! она могла имѣть столь звѣрское намѣреніе! Онъ же обезоружа ея только сказалъ ей: какое насиліе! чего вы отъ того надѣетесь? Я не отдамъ вамъ сего роковаго орудія; и вы не будете имѣть случая употреблять оное въ Англии. Онъ въ самомъ дѣлѣ удержалъ его у себя.

Такое извѣстіе привело меня въ трепеть. О! моя дорогая, сказала я *Емилии* мы знаемъ, какія печали причинили ему добродѣтельные женщины. Но эта *Оливіа* не изъ числа ихъ. Справедливы ли это приключеніе? Отъ кого ты слышала?

Ошъ самой госпожи *Маффей*, которая думала, что *Сиръ Карль* отъ насъ бы того не скрылъ: и когда узнала, что это намъ со всемъ неизвѣстно; то весьма досадовала что мнѣ сказала. Она меня даже просила хранить сію тайну; но я ничего ей не обѣщала. *Оливіа* весьма жалѣетъ что была

такъ вспыльчива, особливо когда помыслить, что онъ тотчасъ ее простилъ и послѣ весьма дружественно принялъ ея въ любовь всей своей фамиліи. Но я не менѣе отъ того ее ненавижу.

Какъ она жалка! не могла я удержаться чтобъ ей не отвѣчать со вздохомъ на такое объявленіе. Но посмотри, *Емилиа*, до чего могутъ насъ доводить буйныя страсти, насъ, говорю я, кои съ природы столь слабы и нѣжны! Нѣжны! Однако когда она разскаивается; то надлежитъ не токмо не имѣть къ ней ни мало ненависти; но мы должны еще скрывать сіе происшествіе отъ сестрицъ *Сира Карла* и отъ ихъ мужей; они не моглибъ сокрыть того отвращенія, которое оно неминуемо бы въ нихъ внушило, а это было бы новымъ поводомъ къ отчаянію несчастной Иностранки.

Госпожа *Маффеи* не преминула присовокупить къ тому, что естлибъ неистовство ея племянницы не утишилось, то *Сиръ Карль* подвергся бы великой опасности, подходя къ ней съ чрезмѣрною смѣлостію. Когда онъ выдернулъ у нее кинжалъ, то она показала видъ, что сама о себѣ уже страшится и въ первомъ своемъ движеніи бросилась предъ нимъ на колѣни. Я вамъ прощаю; разстроенныя ваши чувства возбуждаютъ во мнѣ жалость, сказалъ онъ съ такимъ видомъ, въ коемъ, сама она признается, что величество духа и состраданіе его вмѣстѣ изображались. Но она бесполезно заклинала его остаться. Онъ къ ней послалъ свою сестру; и удалясь въ свой кабинетъ не открылъ своей печали и самому *Доктору Барлету*, хотя я очень помню, что *Докторъ* тотчасъ за нимъ туда вошелъ.

Конечно укоризны, кои *Оливія* за свое неистовство себѣ приносить, понудили его принять на себя столь умѣренной видъ.

Боже милостивый! что дѣлать? Я получила записку отъ *Милади Д...* которая спрашиваетъ насъ, госпожу *Ревсъ* и меня; будемъ ли мы завтра по утра дома. Она конечно хочетъ мнѣ сказать, что когда *Сиръ Карль* не помышляетъ о *Генріеттѣ Биронъ*, то *Милордъ Д...* можетъ опять возпріять свою надежду, а можетъ быть употребить она и одобреніе *Сира Карла* въ пользу своего сына. Естли она сдѣлаетъ мнѣ такое предложеніе; то дай мнѣ Боже всю потребную терпѣливость, дабы ее выслушать. Я опасуюсь чтобъ не упустить достодолжнаго сей превосходнѣйшей особѣ почтенія.

Конецъ пятой части.